

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

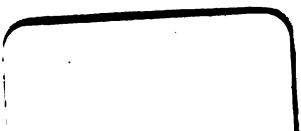
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Star 411010,3

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

5-1

OB-VO LIUBIT, ROS
SLOVESN,
TRUDY,

КНИГА ИМЕЕТ

17

дефект оригинала
и
дефект переплета

3433
301

Slav 4170.8.5 (1)

Т Р У Д Ы
О Б Щ Е С Т В А
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
Р О С С И Й С К О Й
С Л О В Е С Н О С Т И,
 П Р И
И М П Е Р А Т О Р С К О М Ъ
М О С К О В С К О М Ъ У Н И В Е Р С И Т Е Т Ъ

=====
Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я.
 =====

HARVARD UNIVERSITY
 LIBRARY
 JUN 15 1981

FAS 130 photo

3433
34

.....

М О С К В А, 1812.
В Ъ У Н И В Е Р С И Т Е Т С К О Й Т И П О Г Р А Ф И И.

**Въ Ценсурный Комитетъ слѣдующее коли-
чество сей книги доставлено.**

84

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ,
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ,
АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ,
МУДРОМУ ПРОСВѢТИТЕЛЮ
ОТЕЧЕСТВА,
ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ
ОБОДРЕННОЕ, ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,

*всеподданнѣйше посвящаетъ
напечатки трудовъ своихъ.*

Наблюденія и опыты, производимые надъ образующимися народами свидѣтельствуютъ, что между всѣми средствами способствовать повсеместнымъ успѣхамъ просвѣщенія, самымъ удобнымъ можетъ быть учрежденіе *Ученыхъ Обществъ*, копорыя, будучи одушевляемы и руководимы творческимъ духомъ Правительсва, стремятся дѣйствовать совокупными силами къ одной благородной цѣли. — Съ такимъ намѣреніемъ открыто здѣсь при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ Общество Любителей Россійской Словесности. —

Въ 3 § высочайше одобреннаго Устава, даннаго сему Обществу, сказано:

„Оно учреждается для того, чтобы распространить свѣденіе о правилахъ и образцахъ здравой Словесности, и доставить Публикѣ обработанныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ на Россійскомъ языкѣ, разсмотрѣн-

ныя предварительно, и прочитанныя въ Собраніи.“

Слѣдую сему правилу, Общество Любителей Россійской Словесности спаралось, сколько возможно, расположить навсегда свои занятія. — Въ виду его будущаго, съ одной стороны, наблюденія и правила, касающіяся вообще до Языка и Словесности, а съ другой — собственныя опыты. — Въ томъ же порядкѣ оно издастъ теперь и Труды свои. — Первая книжка Части вмѣщаетъ въ себѣ разсужденія въ прозѣ, принадлежащія къ Словеснымъ наукамъ и Исторіи отечественнаго языка, изслѣдованія словъ, сочиненія о важнѣйшихъ нравственныхъ предметахъ и проч.; также крипической разборъ образцовыхъ и другихъ, заслуживающихъ вниманіе писателей; другая книжка заключаетъ сочиненія и переводы въ стихахъ, прочитанныя напередѣ въ Собраніи. — Чрезъ каждыя три мѣсяца издаваемо будетъ по одной Части. — Теперь представляется благосклонному вниманію Публики первой опытъ.

VII

Сладостныя удовольствія, соединенныя съ Науками изящными, сами по себѣ есть уже сокровище для сердецъ просвѣщенныхъ; но оно становится еще драгоцѣннѣе, когда оживлено бываетъ святымъ чувствомъ надежды, споспѣшествовавъ, сколько можно, общему благу! — тогда составляетъ оно величайшую для нихъ награду.

Повелишель многихъ языковъ, языкъ Россійскій не токмо обширностію мѣстъ, гдѣ оный господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ, великъ предъ всѣми въ Европѣ. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не перяютъ своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Кто углубляется въ немъ, употребляя предводителемъ общае Философское понятіе о чловѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море.

Ломоносовъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

первой Части.

Прозаическія сочиненія.

Стран.

Рѣчь при открытіи Общества.	3
Взглядъ на успѣхи Россійскаго вишійсва.	17
Разсужденіе о Россійской Словесности.	53
Заслуги Хераскова въ отечественной Словесности.	111

Спихотворенія.

Обѣщанія Россіянъ.	3
Кораблекрушеніе Леля.	24
Свѣплящійся Червякъ и Филинъ (баснь).	26
Солнечныя часы (баснь).	29
Ода челоѣкъ.	31
Къ П. И. Голенищеву - Кушупову.	40
Рогдай (баллада).	43
Ода къ дружбѣ.	47
Свяпославъ.	52
Подражаніе Горацио.	58

**П Р О З А И Ч Е С К І Я
С О Ч И Н Е Н І Я .**

Р Ъ Ч Ъ

ПРИ ОТКРЫТИИ ОБЩЕСТВА.

Намбреніе сего, Высочайшимъ одобреніемъ
ознаменованнаго, Обществу есть по;
(чтобы соединенными силами способство-
вашь успѣхамъ Отечественной Словесно-
сти; какъ главному средству къ распро-
страненію просвѣщенія.) Предметъ, достой-
ный вниманія любящихъ благо и славу сво-
его Отечества! Древніе Герои; древнія до-
блести, копорыхъ Слово не возвѣспило по-
помству, погрузились во тьму неизвѣст-
ности. Многочисленныя Орды Татаръ, не-
бзаренныя свѣдомъ Наукъ; прешли, какъ
тѣнь отъ лица земли. Сколько бы спо-
лбшій Царства ни существовали; сколько
бы ни гордились могуществомъ, завоевані-
ми; обширностію владѣній; но если онѣ
не могли свергнуть съ себя ига невѣ-
жества; если дѣянія ихъ не изобрази-
лись неизгладимыми черпами Слова: то
имя и подвиги ихъ изстребятся изъ памяти
народовъ. Платоны просвѣтили Гре-
цію; Гомеры воспѣли ея доблести; Иродо-

ты сохранили ее отъ забвенія. Творенія духовныхъ Опцовъ положили основу просвѣщенію Россіи, а Лѣтописи Нестора спасли отъ свирѣпства времени древность ея и величество.

Присипулая къ симъ поoliko важнымъ прудамъ, отъ коихъ можетъ зависѣть нѣкоторымъ образомъ благо частное наше и общее, вознесемъ мысли и чувства къ Подателю всѣхъ благъ, и испросимъ Его благословенія на пруды наши. [Дадимъ священный обѣтъ Отечеству: любя безцѣнную славу его, никогда не ослабѣвать въ начинаніяхъ своихъ. Помянемся употребить дарованное намъ слово къ прославленію имени его и подвиговъ.]

Сіе Свящилище Наукъ, при которомъ нынѣ учреждено Общество Словесности, отъ самаго начала всегда отличалось важными заслугами языку Россійскому. Многіе знаменитые Мужи, возвысившіе славу Отечества своими доблестями въ войнѣ и мирѣ, и обогатившіе изящную нашу Словесность, были здѣшніе воспитанники. Общее призна-

нїе, что Россійской языкъ спалъ чище и образованнѣе съ того времени, какъ Московскій Университетъ обратилъ на него особенное вниманіе, есть самая лестная награда для тѣхъ, кои жизнь и труды свои посвящали въ немъ на воспитаніе юношества.

При семъ Училищѣ и прежде учреждаемы были Общества для вящихъ успѣховъ въ Россійской Словесности. Вольное Россійское Собраніе оставило по себѣ превосходные памятники трудовъ своихъ. Оно славилось многими знаменитыми Членами, копорыхъ имена пребудущъ всегда незабвенны. Довольно вспомянушь Мелиссино и Хераскова, благодѣтельныхъ Начальниковъ Университета, и Барсова и Зыбелина, искусныхъ въ Рускомъ словѣ наставниковъ.

Писомцы Университета, слѣдуя примѣру своихъ руководителей, имѣли также свое Собраніе. *Вечерняя Заря, Трудолобецъ, Чтеніе для сердца и разума, Магази́нъ Натуральной Исторіи*, суть плоды полезныхъ трудовъ ихъ. Многіе Члены сего

Общества, занимая теперь важныя должности въ Государствѣ, отличаются неизменно любовію къ Слову. Нѣкоторые изъ нихъ суть Члены Россійской Академіи и Петербургской Бесѣды Любители Россійскаго Слова; другіе участвуютъ въ нынѣшнемъ Собраніи нашемъ.

Прежнія Общества, не бывъ утверждены Верховною Властію, при неблагопріятныхъ обстоятельствехъ прекратились. Мы можемъ питать себя пріятною надеждою, что наше Общество будетъ твердо и нерушимо. Оно основано на правилахъ Устава Университета, и одобрено Высочайшимъ соизволеніемъ. Благополучно - Царствующій Государь богатъ щедротами, изобилуетъ въ способахъ къ просвѣщенію Своего народа. Нѣтъ сомнѣнія, что Любители Отечественной Словесности обращатъ на себя благоволеніе МОНАРХА-Просвѣтителя, и что Россійской языкъ, на которомъ основывается народная образованность, возрастетъ и процвететъ подъ Его державою.

Каждому изъ насъ извѣстно, что Русской языкъ имѣетъ собственную свой ге-

нѣй, незаимствованный отъ другихъ языковъ; имѣетъ пакія преимущества, которыми едва можемъ похвалиться другой новѣйшій языкъ: богатъ и силенъ, величественъ и прѣлпенъ; въ громкихъ одахъ Ломоносова возноситъ душу; въ игривыхъ изображеніяхъ Богдановича плавняетъ. Мы имѣемъ многихъ Випѣй и Спихотворцевъ, которые, возвышая достоинство Русскаго Слова, возвыщаютъ и славу Россіянъ. Однако опирочно должны признаться, что не во всѣхъ еще родахъ краснорѣчія можемъ представить образцовыя творенія, каковыми изобилуютъ древніе и новѣйшіе просвѣщенные народы. У насъ нѣтъ Философовъ-писателей, которые утвердили бы правильность и точность слова; нѣтъ Боало и Аддисоновъ, которые показали бы вмѣстѣ правила и образцы изящнаго вкуса.

Кинемъ взглядъ на самыя главные недостатки, которые пребудутъ вниманія просвѣщенныхъ Любителей Россійскаго Слова.

Языкъ долженъ имѣть постоянное измѣненіе словъ, правильное ихъ согиненіе и уда-

реніе. Спрашивается: имѣемъ ли мы системо-
 машическую, основательную Грамматику
 языка? на чемъ можемъ утвердить сочи-
 нѣ словъ? — на употребленіи и примѣрахъ?
 То и другое не вѣрно. Одно не подкрѣпле-
 но изящностію, другое поспоянствомъ. На
 чемъ основано удареніе словъ? На Сла-
 венскихъ книгахъ. Иногда ихъ придержи-
 ваемся, иногда отъ нихъ опускаемъ. У
 насъ совсѣмъ нѣтъ правилъ ударенія словъ.
 Въ самомъ правописаніи, по слѣдуемъ обы-
 чаямъ, по производству словъ. Иногда
 отъ того и другого уклоняемся. Ломоно-
 совъ выкинулъ нѣкоторые буквы, нужныя
 для Славенскаго, совсѣмъ ненужныя для
 Русскаго языка; но есть еще лишнія и уро-
 дливыя, кои безобразятъ письмо и печать
 нашу. Для чего не пожелаешь намъ, чшобъ
 мы имѣли своихъ Дидошовъ, копорые ис-
 правили бы и украсили книгопечатаніе?

*Знаенія словъ должны быть свойствен-
 ны и опредѣленны. Можемъ ли мы похва-
 литься, что знаменованія словъ у насъ
 ясны и точны? Сколько предметовъ, ко-
 торые не имѣютъ свойственныхъ, имѣ*

однимъ принадлежащихъ выраженій! сколько словъ, которыхъ значеніе невѣрно и неопредѣленно! Пока не обогатимъ себя разными понятіями, изъ Наукъ почерпаемыми; пока не опличимъ и не объяснимъ синонимовъ; пока не составимъ полного и философскаго Словаря: до тѣхъ поръ значеніе словъ будетъ непостоянно и разнообразно, до тѣхъ поръ будутъ употребляться слова безъ надлежащаго разбора.

Классическіе Писатели обогащаютъ языкъ и опредѣляютъ его свойства. До сихъ поръ у насъ по большей части учатся на иностранныхъ языкахъ, и отъ нихъ заимствуютъ слова, порядокъ, печеніе и обороты рѣчи. Удивительно ли, что слогъ нашъ опзывается иностраннымъ? Пока не будемъ имѣть на природномъ языкѣ всѣхъ учебныхъ книгъ, пока не будемъ имѣть Классиковъ - Писателей; до тѣхъ поръ будемъ чувствовать недостатковъ въ просвѣщеніи, скудость въ словахъ и несовершенство въ слогѣ.

Одни Классики не утѣняютъ олога; нуженъ вкусъ лучшаго состоянія гражданъ.

Мы лишены и сей выгоды. Въ большомъ свѣтѣ, гдѣ вкусъ опечествленной Словесности обыкновенно образуется, болѣе любящъ веспи разговоры на чужемъ языкѣ, нежели на своемъ. Большая часть гражданъ вышшаго соспоянїя, прилѣпясь къ Французскому языку, показываютъ явное презрѣнїе къ своему природному. Отъ шакого презрѣнїя не только языкѣ, но и науки, и самыя искусства спраждутъ въ Россїи.

При недостаткѣ природныхъ Классиковъ, при недостаткѣ собственныхъ образцовыхъ Писателей во всѣхъ родахъ слога, мы должны заимствовать красоты онаго въ переводѣ иностранныхъ лучшихъ Писателей, особливо древнихъ. Это правило ушверждается примѣрами всѣхъ образованныхъ народовъ. Къ сожалѣнїю, и сіе средство во зло употреблено. Переводами Классиковъ и изящныхъ сочиненїй мы скудны; а напрошивъ слишкомъ богатыя, переводами ничтожныхъ и незаслуживающихъ чпенїя книгъ, отъ копорыхъ нравственностъ и вкусъ порпялся. У насъ не рѣдко цѣнящъ книги не по достоинству ихъ,

а по всу и модѣ; при томѣ занимающя переводами больше молодые и неопытные люди, нежели свѣдущіе въ наукахъ и искусные въ языкѣ; больше для корысти, нежели для просвѣщенія и пользы гражданъ.

Ключъ Россійскаго языка Славенской; онѣ долженѣ быть для него изобильнымъ и неизсякаемымъ истощникомъ. Руской языкѣ имѣетъ свои достоинства, силу и красоты. Въ нынѣшнее время странно было бы пребовать не только отъ свѣтскихъ, но и отъ духовныхъ, чшобъ они писали Славенскимъ нарѣчїемъ. Но богатство словъ, сильное изображеніе предметовъ, краткость и ясность слога, высокія, свѣщевдохновенныя мысли, почерпнушыя въ церковныхъ книгахъ — все должно заставитъ насъ заниматьсѣ Славенскимъ языкомъ, и пользоваться имъ, смотря по надобности и приличію. Но какъ мало знающихъ Славенской языкѣ! Иные не только не понимающъ языка церковныхъ книгъ, но и читать ихъ не умѣютъ. Каполики съ большею удобностію разбирающъ Латинскіе молитвенники, не-

жели многіе молодые дворяне церковныя книги.

Нуженъ судъ здравой Критики, чтобъ умѣть Славенскую рѣчь соединять съ Русскою; чтобъ, заимствуя красоты изъ тужихъ языковъ, не портить своего природнаго; чтобъ въ понятіяхъ и выраженіяхъ былъ точный смыслъ, вкусъ и прилитіе. Имѣемъ ли мы у себя Лагарповъ, копорые философски и безприсраспно разобрали бы сочиненія нашихъ Писателей, и каждому дали бы свой вѣсѣ и мѣру? — Тогда, какъ во Франціи и Германіи выходятъ сотни книгъ и вѣдомостей, наполненныхъ крипическими разсужденіями, мы не имѣемъ ни одного подобнаго сочиненія; мы даже не желаемъ, чпобъ насъ судили! — Ошибисья каждому сродно; а не хотѣшь исправисья неприспешелью. Наставленія Мужей мудрыхъ сполько же нужны въ липперашурѣ, какъ и въ нравспвенности.

Изъ сего довольно видно, что мы еще не достигли совершенства въ словѣ, и не всѣ

средства, нужныя для достиженія къ тому, употребляемъ. Мы уклоняемся отъ главнаго и самаго лучшаго пособія: отъ знанія Славенскаго языка; не имѣемъ ученыхъ книгъ, копорыя обогащали бы насъ понятіями, и средствами изображать ихъ, копорыя даровали бы собственность и опредѣленность слогу; мы не подкрѣплены всеобщею любовію къ языку, вкусу и разборчивостію лучшаго соспоянія гражданъ; не можемъ вообще похвалиться пріятными и полезными для чтенія сочиненіями, отъ копорыхъ бы повсемѣстно распространялось чувство изящнаго въ народъ; не имѣемъ здоровой, безобидной и безприсраспной крипики, копорая безъ оскорбленія обращала бы вниманіе наше на ошибки.

Не для того, почтенные Члены, представилъ я важнѣйшіе недоспадки Словесности нашей, чптобъ умалишь цѣну и достоинство Рускаго языка. Красоты его изображены въ безсмертныхъ твореніяхъ знаменитыхъ нашихъ Писателей. Языкъ нашъ имѣетъ преимущества, ему одному свойственныя: — силу и богатство, вели-

чество и прѣятность. Но онъ походитъ еще нѣкоторымъ образомъ на обширное поле; которое не довольно обработано; не довольно усѣяно сѣменами Наукъ; и украшено цвѣтами Вкуса. Благоразумные Любители Слова будутъ съ ревностію воздѣлывать его, — и оно спорицею принесетъ плоды изящества и совершенства; — драгоценные плоды безсмертія!

Приглашаю Васъ, почтенные Члены; именемъ Опечесства, котораго слава и благополье дороги Вашему сердцу; обратите прѣлжное вниманіе на опечесвленную Словесность. Слава и могущество народовъ возвышается Словомъ; въ немъ печать и безсмертіе Великихъ. Ваши знанія, Ваша любовь къ Россійской Словесности; Ваше благое произволеніе, способствовать ея успѣхамъ; служатъ порукою; что наше прѣдпріятіе будетъ нещепно; что мы достигнемъ цѣли; нами предположенной. Общество наше въ самомъ средопочіи Россіи; гдѣ издревле благо ей почтѣтъ; гдѣ Руское Слово — красно и величпно; гдѣ добрыя начинанія всегда одушевляемы бы-

ли любовію къ Отечеству. Мы можемъ быть увѣрены; что Сыны Россіи; знаменитые заслугами и просвѣщеніемъ, ободрятъ пруды наши; можемъ быть увѣрены; что Начальники здѣшняго мѣста; какъ истинные Покровители Наукъ; будутъ вмѣстѣ покровителями и учрежденнаго при ономъ Общества Отечественной Словесности:

Общество сіе обязано основаніемъ своимъ особенному попеченію и любви къ Наукамъ Вашего Превосходительства (*). Оно навсегда сохранитъ къ Вамъ свою признательность. Позвольте ему ласкать себя надеждою; что Вы, Милосливый Государь; будете всегда поддерживать его своими благоразумными совѣтами и извѣстною всѣмъ опытностію Вашєю въ Россійской Словесности:

Примите; почтенные Члены, живѣющую мою благодарность за то снисхожденіе, которое Вамъ угодно было оказать мнѣ избраніемъ въ Предсѣдателя Обще-

(*) Относится къ Попечителю Университета.

ства. Довѣренность Ваша для меня лестна. Усердно желаю быть ея достойнымъ. Но Вы, Милоспивые Государи, больше показали ко мнѣ вниманія, нежели сколько я заслуживаю. Признаюсь откровенно, что моихъ силъ недоспанетъ исполнить возложенную на меня должность съ тѣмъ успѣхомъ, какого пребуетъ важность предмета. Вы показали ко мнѣ снисхожденіе въ выборѣ; прошу быть снисходительными и къ недоспанкамъ моимъ. — Любовь и усердіе къ общему благу да оживитъ и подкрѣпитъ силы наши въ столь полезномъ и важномъ предпріятіи!

А. Проколовитъ - Антонскій

ВЗГЛЯДЪ НА УСПѢХИ РОССІЙСКАГО ВИТІЙСТВА

*въ первой половинѣ истекшаго
столѣтія.*

Счастливымъ себя почитаю, имѣя случай присоединить слабыя труды свои къ трудамъ именитѣйшихъ Любителей Россійской Словесности, въ семъ почтенномъ собраніи присутствующихъ. Общество наше, учрежденное попечительностію мудраго Начальства при Сѣяпилицѣ Наукъ древней Столицы, и уже облагодѣтельствованное Высочайшимъ одобреніемъ предначертаннаго ему Устава, нынѣ приступаетъ къ началу своихъ дѣйствій. Уставомъ возлагается на насъ обязанность распространять свѣдѣнія о правилахъ и образцахъ здоровой Словесности. Да удостоится же благосклоннаго вашего вниманія слѣдующее мое краткое *Обозрѣніе ульховѣ Россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія.*

Книжка I.

Б

Еслибъ начало Россійскаго выпійства сокрывалось во мракъ глубокой древности : то для объясненія онаго надлежало бы, слѣдую Цицерону (*), обратиться къ тѣмъ отдаленнымъ, единственно силою разума постигаемымъ вѣкамъ, когда люди, скитавшіеся по дебрямъ и пустынямъ безъ обрядовъ богослужебныхъ, безъ общежительныхъ условій, безъ гражданскихъ законовъ, перпѣли взаимное насильство, и когда одинъ отличнѣйшій мужъ, предусмотрѣвъ выгоды порядка, властію убѣдительнаго краснорѣчія составилъ изъ нихъ общество, возложилъ на нихъ семейственныя обязанности, изъ дикихъ содѣлалъ ихъ крошечными, принудилъ ихъ дорожить частнымъ и общимъ спокойствіемъ; надлежало бы вмѣстѣ съ Горациемъ (**), упоминавъ о баснословныхъ дѣйствіяхъ Орфеева пѣнія, укрощившаго свирѣпыхъ львовъ и пигровъ, о зву-

(*) *Nam fuit quoddam tempus, cum in agris homines passim bestiarum modo vagabantur et cetera. Cic. de Invent. I.*

(**) *Silvestres homines facer, interpresque Deorum Caedibus et victu foedo deterruit Orpheus, et cetera. Horat. de art. Poet.*

какъ Амфіѳоновой цитры, собружипшею Фивскія спѣвны; надлежало бы доказывать, что вдохновенные Божествомъ переобытные мудрецы, подобно Орфею и Амфіѳону, силою убѣдительнаго, всѣ упорства преодолевающаго краснорѣчія заставили дикихъ пустынныхъ жителей принять благіе обычаи, гражданскія условія, правила семейственнаго порядка. Но почто основываться на предположеніяхъ и догадкахъ, вознамѣрившись обозрѣть ходъ искусственнаго, по правиламъ Риторики располагаемаго витійства, коего начало опѣвлено опѣ насѣ однимъ только столѣтіемъ? Надобно ли искать слѣдовъ обдуманнаго краснорѣчія тамъ, гдѣ невозможно бытъ имъ, сообразно всѣмъ удостовереніямъ исторической истины? Нѣтъ, и почитаю за излишнее даже входить въ изслѣдованія о состояніи витійства при Владиміръ великомъ, когда юное Государство едва только озарилось первыми лучами книжнаго ученія, и когда *матери по дѣтяхъ своихъ, отводимыхъ въ училища, плакали какъ по умершихъ* (*).

(*) Нестор. Лѣтоп. по Келиб. сп. стр. 84.

Самые учителя наши, погдашнїе Греки, при совершенномъ упадкѣ истиннаго краснорѣчїя, сочили нескладныя поученїя; ораторы ихъ были уже весьма далеки отъ тѣхъ образцовъ, которымъ подражать хотѣли; церковные Пастыри ихъ могли только удивляться вѣщанїямъ древнихъ проповѣдниковъ, но ни одинъ изъ нихъ не возносился до высоты Василїя Великаго, Григорїя Назїанзина, Іоанна Златоустаго. Весьма вѣроятно, что и въ Россїи творенїя сихъ знаменитыхъ древнихъ Учителей извѣстными быть стали еще со вѣменъ Ярослава Владимїровича, который, собравъ многихъ писцовъ, повелѣлъ перелгать на Славянскїй языкъ и переписывать многія книги, *ими же поугахуся вѣрнїи людїе*, говоритъ лѣтописецъ (*). Раздѣленїе Россїи и послѣдовавшее за онымъ Татарское порабощенїе оспановило первые успѣхи проеврощенїя; прекрасная заря отечественной Словесности помрачилась при самомъ своемъ началѣ. Языкъ богослужбный или книжный, Моравскими переводчиками едино-

(*) Нестор. Лѣтоп., стр. 106.

жды образованный по Греческому, при всѣмъ богатствѣ своемъ, оставался необработаннымъ за недостаткомъ мыслящихъ писателей, которые могли бы еще далѣе распространить кругъ его, еще почившее дать опредѣленіе словамъ и содѣлать ихъ еще болѣе способными къ выраженію умственныхъ понятій; языкъ сей не очищался, но поршился неучеными переписчиками; не было великихъ дарованій, не было никакихъ грамматическихъ и крипическихъ сочиненій, которыя предохраняли бы цѣлость его отъ неизбежнаго поврежденія. Замѣтимъ, что языкъ гражданскій и общенародный всегда былъ у насъ отличенъ отъ языка церковнаго: оба они суть ближайшія вѣтви единого древа; оба они суть органы вѣщанія единого Славянскаго народа, но по опредѣленіи племенъ необходимо уже измѣнившіеся отъ различія въ мѣстномъ положеніи шѣхъ племенъ, въ сосѣдствѣ съ народами, въ образѣ правленія. Языкъ, говорю, богослужебный, образованный по Греческому и принесенный въ Русь по крещеніи жителей Кіевскихъ и Новгородскихъ, былъ весьма отличенъ отъ употребитель-

наго нарбчѣя. Чтобъ удостовѣриться въ сей истинѣ, сравнимъ слогъ Новгородской лѣтописи, грамотъ и другихъ памятниковъ тринадцатаго и четырнадцатаго столѣтій со слогомъ церковныхъ молитвъ и пѣсней; при множествѣ несходныхъ словъ повсюду увидимъ въ нихъ опмѣнное словосочинаніе. Но что онажесть, когда сличимъ слогъ Руской Правды или Пѣсни а подку Игоревъ (ежели пѣснь сія въ самомъ дѣлѣ есть оспятокъ опдаленной древности) со слогомъ пѣхъ же молитвъ и пѣсней церковныхъ? Въ памятникахъ ближайшаго къ намъ времени, когда по всей вѣроятности уже надлежало бы слиться двумъ симъ нарбчѣямъ по причинѣ долговременнаго употребленія ихъ однимъ народомъ, все еще замѣчаемъ несходство, которое до нынѣ продолжается и будетъ продолжаться. И такъ языкъ богослужебный, искажаемый неосторожными переписчиками, не могъ возноситься до высшей степени совершенства; а языкъ гражданскій и общенародный, присвоившій себѣ многія чужезранныя слова и заимствовавшій инокоторые обороты изъ богослужебнаго, также неознаме-

нованіи почти никакими усиліями даже до дарствованія великаго Преобразітеля, при которомъ паки начинается заря опечесшвенной Словесности. Оба языка, богослужебный и гражданскій, не имѣя надлежащей опредѣленности, неустановленные ни примѣрами великихъ писателей, ни основанными на нихъ правилами, недополненные изобрѣтеніями пѣническаго воображенія, были не иное что, какъ богатая руда золота, ожидающая прудолюбивыхъ рукъ художническихъ. Въ такомъ состояніи находились они въ великой Россіи до тѣхъ поръ, пока безсмертный Ломоносовъ не положилъ основанія новой, великолѣпной храминѣ Россійскаго слова, творческимъ умомъ его сооруженной и укращенной.

Между тѣмъ какія перемѣны въ малой Россіи и на сторонѣ Заднѣпрской происходили съ языками Славенскимъ и Русскимъ? Разореніе отъ Татаръ и междоусобія Князей облегчили средства усилившимся Липовцамъ завладѣть Кіевомъ. По соединеніи Липвы съ Польщею и по введеніи однообразнаго правленія въ опшорженіи

ныхъ отъ Россіи Княжествахъ, языкъ Польскій сдѣлался господствующимъ. На немъ издаваемы были законы; имъ говорили знатные люди и шляхетство; правила для изученія ему преподаваемы были въ училищахъ. Усилія Польскаго правительсва обратишь къ Уніи православныхъ очень много способствовали искаженію Русскаго языка, которой мало по малу принималъ окончанія, обороты въ словахъ и цѣлыя слова отъ Польскаго, между тѣмъ какъ языкъ Славенскій оставался въ церковныхъ книгахъ. Хвала и честь духовенству православнаго исповѣданія! Понимая всю важность богослужбнаго языка, ученые монахи старались предохранить его отъ забвенія, и для того сочиняли Греко-Славенскія и особливо Славенскія грамматикки (*). Обучившись словеснымъ наукамъ въ Кіевскомъ и другихъ училищахъ и познавши правила древнихъ Риморомъ, они, по примѣру духовенства иныхъ исповѣданій, читали въ храмахъ Божіихъ свои собственныя проповѣди, Слова по-

(*) *Греко-Славенская* Грамматика напечатана во Львовѣ 1591, *Славенская* Мелетія Смотрицкаго въ Вильнѣ 1629.

хвалный и надгробный (*). Иоанникій Галляповскій, Ректоръ Кіевской Академіи, трудолюбивый проповѣдникъ и риторъ, упражняясь въ сочиненіи Словъ поучительныхъ, составилъ и правила для желающихъ писать проповѣди, и сѣи правила показывающіе уже, что творецъ ихъ руководствовался наставленіями древнихъ въ прудной наукѣ располагать части слова. Да будетъ мнѣ позволено предложить здѣсь образцы языка, которой употребляемъ былъ Малороссійскими проповѣдниками семнадцатаго столѣтія. Беру примѣръ изъ одного поучительнаго Слова упомянушаго Иоанникія: „Пожи-
 „покъ намъ чынитъ ялмужна, которую
 „гды даемо убогимъ, она грѣхи нашѣ сгла-
 „жаетъ и розпорошаетъ, такъ мовилъ Про-
 „рокъ Данїилъ до Навходоносора Кроля Ва-
 „вилонскаго: Царю, *совѣтъ мой да ти*
 „*будетъ угоденъ, и грѣхи своя милосты-*
 „*нями разсыли, и несправды твоя ще-*
 „*ротами убогихъ.* Пожыпокъ есть и по
 „ялмужны, которую гды даемо убогимъ,

(*) Нѣсколько такихъ Словъ напечатано въ разные годы первой половины семнадцатаго вѣка въ Луцкѣ и въ Кіевѣ.

„опдаеть вамъ Богъ оную на страшномъ
 „судѣ, гды всѣ люде встанутъ зѣ мерц-
 „выхъ, и станутъ предъ Маестатомъ Хри-
 „сповымъ, и будутъ справованися якъ
 „жили на свѣтѣ, чы эле чы добре (*) и
 „проч.“ беру другой примѣръ изъ его же
 наставленія сочинять проповѣди (Наука,
 албо способъ зложеня казаня): „Кпо хо-
 „чешъ казанье учыниши, найперше маешъ
 „положиши зѣ писма святаго еому, копо-
 „рая еспѣ фундаментомъ всего казаня, бо
 „ведлугъ еомы муситъ повѣдати все ка-
 „занье.“ Сей языкъ, намъ почти невразу-
 мительный, по прошествіи немногихъ лѣтъ
 въ устахъ Стефана Яворскаго, Димитрія
 Святаго, Теофана Прокоповича, Гавріила
 Бужинскаго, и другихъ учившихъ народъ
 благодетію и прославившихъ безсмерт-
 нья дѣла Пѣтровы, примѣрно сближался
 съ Валикороссійскимъ, напредгалъ вниманіе
 любопытныхъ слушателей, и знакомилъ ихъ
 съ новымъ, доподѣ неизвѣстнымъ для

(*) Изъ книги *Ключъ разумѣнія*, напечатанной спер-
 ва въ Кіевѣ, потомъ во Львовѣ, и содержащей въ
 себѣ проповѣди и наставленіе сочинять ихъ.

нихъ удовольствіемъ. Отъ чего даже до половины минувшаго столѣтія многіе престолы украшались Архіереями, уроженцами изъ Малой Россіи? отъ чего слухъ Великороссійскій терпѣливо сносилъ чуждое произношеніе и нѣкоторыя мало вразумительныя реченія новыхъ проповѣдниковъ? Отъ того что проповѣдники сіи, образовавшіеся въ училищахъ по правиламъ Логики и Риторики, предлагали святыя истины, подкрѣпляемыя доводами и украшаемыя жемчужинами науки о витійствѣ; отъ того что при составленіи словъ ораторскій шаблонъ ихъ руководствовался шѣми вѣковыми опытами, изъ которыхъ древніе мудрецы составили правила витійства.

По присоединеніи Малой Россіи къ Великой, вліяніе Польской Словесности ощущительно ослабѣвало. Проповѣдники и писатели тогда же начали сближаться съ господствующимъ языкомъ, употребляя къ тому посредство богослужбнаго. Изъ учительныхъ словъ Черниговскаго Архієпископа Лазаря Барановича (*), Царю Алек-

(*) Въ книгѣ его Трубы словесныя, напечат. въ Кіевѣ 1674.

сїю Михайловичу посвященныхъ , избъ проповѣдей Кїевского Игумена Антонїя Радивиловскаго (*), приписанныхъ Царямъ Іоанну Алексїевичу и Петру Алексїевичу и Царевнѣ Софїи Алексїевнѣ , и избъ другихъ оставшихся сочиненїй того времени ясно видимъ , что выпїи и писатели, каждой по мѣрѣ возможности своей , старались уже уклоняться отъ Польскаго языка. Тогдашнїя общепояшельства были весьма благопрїятны достохвальному ихъ стремленїю. Еще и прежде знаменитый Митрополитъ Кїевскїй Петръ Могила и по немъ Печерскїй Архїмандритъ Иннокентїй Гизель предпринимали житїя Святыхъ, чинаемыя на Польскомъ , неприличномъ восточной церкви языкѣ (**), издавъ на Славянороссїйскомъ , чего и многіе отъ благочестивыхъ желали непрерывливо ; но разныя препястья останавливали исполненїе сего великаго подвига , коимъ совершенъ уже послѣ трудами Св. Димитрія Ростовскаго, бывъ начатъ имъ по прошенїю Кїевского Митрополита Варла-

(*) Свѣдѣнїя въ книгѣ Хрїстова , Кїевъ 1683.

(**) Смъ предисловіе къ Чет. Минем.

ама. Изданіе Четвѣртой Миней есть важнѣйшее событіе въ исторіи богослужебнаго языка всѣхъ племенъ Славенскихъ, исповѣдующихъ восточную вѣру. Въ сей достопамятной книгѣ житія Святыхъ предложены такимъ слогомъ, въ которомъ тщательнѣе наблюдаются уже правила грамматическія, и которой долженъ служить образцовымъ для Россіянъ, упражняющихся въ отечественной Словесности.

Къ началу осмнадцатаго вѣка многое уже было приготовлено для успѣховъ церковнаго краснорѣчія: изданы нѣкоторыя сочиненія древнихъ Отцовъ восточныхъ; книжный языкъ утверждался на правилахъ Грамматики; молодые орапоры имѣли средства обрабатывать свои дарованія науками, и могли надѣяться, что самое правительство, съ ними единую вѣру исповѣдующее, обратитъ на труды ихъ свое вниманіе. Великій Петръ, быспрымъ и проницательнымъ взоромъ замѣчавшій умъ, ученость и дарованія, почти въ одно время нашелъ оныя въ знаменитыхъ современникахъ, Димитріи Тупталѣ и Стефанѣ Яворскомъ,

стѣхъ лучезарныхъ свѣтилахъ Россійскія церкви.

Димитрій, обучившійся въ Кіевѣ словеснымъ наукамъ 1675 года, призванъ былъ въ Черниговѣ Архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ къ отправленію должности проповѣдника. Успѣхи въ преподаваніи народу Евангельскаго ученія скоро сдѣлали извѣстнымъ имя его за предѣломъ Россіи, и онъ возымѣлъ случай показать дарованія свои въ Вильнѣ и въ другихъ мѣстахъ Липовскаго Княжества. Въ 1689 году, по напечатаніи первыхъ трехъ мѣсяцевъ Четвѣртой Миней, Святыи собиратель ихъ, прибывшій къ Московскому Двору съ Гетманомъ Малороссійскимъ, ободренъ былъ Патріархомъ Іоакимомъ къ продолженію начатаго доспохвального подвига. Въ послѣдовавшее время Димитрій неусыпно трудился надъ житіями Святыхъ, получивъ новое ободреніе отъ Патріарха Адріана въ присланной къ нему грамотѣ. Въ 1701 году Великій Петръ имяннымъ указомъ своимъ призвалъ Димитрія въ Москву и повелѣлъ посвящать его въ Митрополита.

Время пастырской жизни сего Святителя до блаженной кончины его (*) протекло въ подвигахъ вѣры и добродѣтели, въ исправленіи подчиненныхъ, въ обличеніи раскольниковъ, въ наставленіи народа. Не буду исчислять различныхъ Святаго Димитрія сочиненій историческихъ, догматическихъ и стихопворныхъ, а упомяну только, что поучительными Словами его услаждающя многіе изъ благочестивыхъ читателей, а особливо тѣ, кои ищутъ въ нихъ единственно христіанскаго нравученія и пользы душевной.

Дарованія Стефана Яворскаго замѣчены Варлаамомъ Ясинскимъ, тогдашнимъ проповѣдникомъ Печерскимъ, а послѣ бывшимъ Кіевскимъ Митрополитомъ. Сей покровитель учености посылалъ Яворскаго въ Польскія училища для усовершенствованія въ наукахъ, и Яворскій по возвращеніи своемъ въ Кіевъ преподавалъ Риторикѣ, Философію, Богословію и во храмахъ проповѣдывалъ Божіе слово. Въ бытность свою

(*) Онъ скончался въ Ростовѣ 1709.

въ Москвѣ, 1700 года, по желанію Царя Петра Алексѣевича произнесъ надгробное Слово надъ скончавшимся тогда знаменитымъ военачальникомъ Шеинымъ; орапорскій палантъ его понравился Государю, и проповѣдникъ добродѣтелей и подвиговъ Шеина въ томъ же году возведенъ въ достоинство Митрополипа Рязанскаго. Тамъ Великій Монархъ умѣлъ ободрять дарованія и открывать для нихъ новое обширнѣйшее поприще! По кончинѣ Папріарха Адріана Стефану ввѣрено правленіе всея Россійскія церкви. Проходя многотрудную должность сію, онъ не переставалъ упражняться въ сочиненіи книгъ догматическихъ и полемическихъ, писалъ богословскіе отвѣты въ Сорбонскую Академію и стихи на разные случаи, произносилъ Слова поучительныя и похвальныя. Вообще въ сочиненіяхъ своихъ онъ старался наблюдать чистой слогъ Славенской, подобно Димитрію святому; проповѣди же его отличаются обиліемъ мыслей, хотя впрочемъ не всегда отборныхъ, и не рѣдко заимствуемыхъ отъ древнихъ Греческихъ и Римскихъ писателей. Обыкновенно

звнѣ ссылались на мудрецовъ языческихъ и приводили слова Цицерона, Виргилія, Сенеки, было иногда уважаемо всѣми иностранными проповѣдниками; оно и въ Россіи господствовало до тѣхъ поръ, пока болѣе заботились собирать мысли, нежели выбирать ихъ; а на зарѣ словесности едва ли не каждая новая мысль кажется хорошею и приличною. Петръ Великій почтилъ на послѣдокъ Стефана шитломъ Президента вновь тогда учрежденнаго Святейшаго Синода, и уважалъ заслуги его до самой кончины (*) сего добродѣтельнаго и ученаго Пастыря.

Уже Стефанъ былъ Митрополитомъ и Блуспителемъ Патриаршаго престола, а Димитрій, равнобрно почтенный саномъ Архіерейства, управлялъ епархіею Ростовскою и Ярославскою; когда Теофанъ Прокоповичъ, недавно возвратившійся изъ чужихъ краевъ, еще только преподавалъ стихотворство въ Кіевской Академіи, въ которой обучался прежде словеснымъ и дру-

(*) Онъ скончался въ Москвѣ 1722.

гимъ наукамъ. Сильное желаніе искать новыхъ свѣдѣній повлекло его въ Польшу и въ отдаленныя государства. Тамъ довершалъ онъ образованіе великаго своего разума; тамъ обогащался онъ пѣрами обширными и глубокими познаніями, которыми послѣ удивилъ просвѣщеннѣйшихъ современниковъ своихъ, и которыми стяжалъ имени своему вѣчную славу. Одни только названія всѣхъ произведеній сего знаменитаго Писателя могутъ каждого привести въ изумленіе. Онъ упражнялся въ витійствѣ и въ стихотворствѣ, въ философіи и въ богословіи, въ исторіи и въ политикѣ, въ наукѣ о древностяхъ и въ дипломатикѣ. Изъ древнихъ языковъ Латинской зналъ онъ такъ хорошо, что писалъ на немъ чище, нежели на Россійскомъ, и даже сочинялъ для него грамматическія и риторическія правила. Петру Великому спалъ Теофанъ извѣстнымъ не прежде 1706 года, когда Монархъ по прибытіи въ Кіевъ поздравленъ былъ отъ Теофана привѣтственною рѣчью. Знаменитыя побѣды, надъ Шведами одержанныя, давали поводъ Витіи торжественно вѣщать о подвигахъ Петра

Великаго и любимца его Князя Меньщикова. Съ 1715 года Теофанъ, призванный въ Москву и попомъ (1718) возведенный на степень Епископа, неупомимо содѣйствовалъ намбреніямъ Государя, клонившимся къ устанавленію новаго порядка. Только Теофановъ умъ и дарованія доспапочно были къ тому, чпобы такъ убѣдительно доказывать пользу новыхъ переменъ и учрежденій, такъ краснорѣчиво прославлять чудесные подвиги безсмертнаго Преобразителя, такъ искусно изобличать упорное невѣжество. Только особенная довѣренность Великаго Монарха могла быть соразмѣрнымъ воздаяніемъ за труды столь знаменитые и полезные. Пепръ пожаловалъ его Вице-Президентомъ Синода и Архїепископомъ; Екатерина, Пепръ II и Анна равномѣрно любили его и уважали (*).

Теофанъ имѣлъ отличную способность прїятно произносить слова свои передъ слушателями. Современники могли услаждаться голосомъ его, пблдвиженіями, выраженіемъ лица; но для насъ не существующь

(*) Теофанъ скончался 1756 года въ С. Петербургѣ.

сія прелесть, которою иногда славятся и посредственные Орапоры. Мы смопримъ на вѣровныя достоинства Теофановы, на зрѣлыя мысли его, на силу доказательствъ, на орапорскую живость въ употребленіи способовъ удостовѣрить и убѣдить слушателей, а особливо на искусное расположеніе частей слова; ибо наиболѣе по расположенію частей безошибочно судить можно объ успѣхахъ витійства. Каждой одаренный здравымъ разумомъ человекъ способенъ правильно мыслить и сильно доказывать свое мнѣніе; но расположить искусственное слово такимъ образомъ, чтобы оно удобно напечатлѣвалось въ памяти слушаателя и производило бы въ немъ желаемое дѣйствіе, можетъ только ученый и опытный Орапоръ. Таковъ точно порядокъ въ похвальныхъ и поучительныхъ словахъ Теофановыхъ. Въ каждомъ изъ нихъ видимъ взаимную зависимость мыслей, раздѣленіе частей и направленіе ихъ къ главной цѣли. Вотъ расположеніе похвальнаго Слова о баталіи Полтавской (*):

Витія разсматриваетъ

(*) Произнесенаго 1717 года въ С. Петербургѣ.

1. *колыкая сулопатыская лютость и сила* уготована была на насъ; 2. *како она оружіемъ Россійскимъ* сломлена на Полтавской баталіи; 3. *кія плоды* толь преславной *викторіи* родилися намъ. Прославляя въ другомъ Словѣ (*) достопамятнѣйшій миръ между Россією и Швецією, Теофанъ описываетъ Россію, *каковою была она прежде войны и каковою стала послѣ оной.* Въ словѣ на похвалу Петра Великаго, по кончинѣ его проповѣданкомъ (**), Орашоръ исчисляетъ подвиги безсмертнаго Монарха *вопервыхъ просто какъ Царя, а потомъ какъ Царя христіянскаго.* Каждая часть опять имѣетъ свои подраздѣленія, и они, равно какъ весь внутренній составъ каждаго слова, закрыты цѣвшами краснорѣчія. И какими движеніями одушевлены вѣщанія Теофановы, а особливо гдѣ онъ, очевидный свидѣтель великихъ переменъ, говоритъ о пользѣ новыхъ заведеній, о порядкѣ военномъ и гражданскомъ, о знаменитыхъ побѣдахъ, и гдѣ сравниваетъ вводимое

(*) Произн. въ Москвѣ 1722.

(**) Въ С. Петербургѣ 1726.

просвѣщеніе съ прежнимъ невѣжествомъ! Теофановъ слогъ вообще нечистъ и негладокъ; принявъ за основаніе книжный Славенскій языкъ, Теофанъ пестрилъ его прослонародными Русскими, Малороссійскими и чужестранными словами. Но можно ли обвинять въ томъ славнаго Вишню, и надобно ли оспариваться надъ негладкостію слога, когда извѣстно, что почти всѣ ученые современники Теофановы, писавшіе не объ однихъ только духовныхъ дѣлахъ, употребляли нечистой языкъ по необходимости, и что Ломоносовъ первой постигъ и открылъ для насъ тайну выбора словъ и прилжнаго сочепанія книжнаго языка съ общенароднымъ? Не льзя было избѣжать словъ чужестранныхъ, говоря о флотѣ, объ инженерствѣ, о дисциплинѣ и вообще о наукахъ и искусствахъ; не льзя было замѣчать разительной неприличности прослонародныхъ Русскихъ словъ между Славенскими и оспариваться отъ Малороссійскихъ и Польскихъ оборотовъ такимъ людямъ, кои молодость свою провели посреди Малороссіянъ и Поляковъ, въ зрѣлыхъ же лѣтахъ не могли Русскому языку научиться по праву.

ламъ, которыя тогда не были еще и составлены. Можеть быть, Теофанъ думалъ, что уклоняясь отъ книжнаго языка приближается къ употребительному въ общезипіи; я неосмѣливаюсь предполагать, будто ученый мужъ сей не видѣлъ, что языкъ его невездѣ сходенъ съ богослужбынымъ.

Изъ современниковъ Теофановыхъ извѣстны по напечатаннымъ и рукописнымъ проповѣдямъ, Теофилактъ Лопатинскій, Варлаамъ Леницкій и другіе ученые Паспыри. Но болѣе всѣхъ ихъ прославился Гавріилъ Бужинскій, бывшій въ походахъ съ Петромъ Великимъ. Монархъ съ особливымъ удовольствіемъ слушалъ его проповѣди и приказывалъ ихъ печатать. Оправляя должность Оберъ-Іеромонаха при морскомъ флотѣ, Гавріилъ произносилъ слова свои иногда на кораблѣ, иногда въ походной полковой церкви. Къ чести сего знаменитаго Вишій упомянуть должно, что проповѣди его неоднократно печатаны были въ обихъ столицахъ, а одна, произнесенная при гробѣ Петра Великаго по слу-

ную годишнаго поминовенія, переведена на
 Латинской языкѣ и напечатана въ Бер-
 линѣ. Гавріилъ учился въ Кіевской Ака-
 деміи; живши въ Москвѣ при Законоспас-
 скомѣ училищѣ съ 1707 года, онѣ по види-
 мому заблаговременно успѣлѣ примѣщать,
 сколь неприлично въ поучительныя слова
 вмѣшивать реченія нужды Великороссій-
 скому слуху, и для того рѣшился писать язы-
 комѣ богослужбнымѣ, по возможности спа-
 рядсь сохранишь чистоту его и важность.
 Однакожѣ онѣ не могѣ обойтись безѣ нѣ-
 которыхѣ иностранных реченій, болѣе или
 менѣе нужныхѣ для наименованія новыхѣ
 вещей и для выраженія новыхѣ понятій; а
 мы знаемѣ теперь, что иностранныя слова,
 иногда терпимыя въ употребительномѣ язы-
 кѣ, никогда не получаютѣ права гражданства
 въ богослужбномѣ. Языкѣ общественный
 удобенѣ обогащаться; напротивѣ того книж-
 ный, сообщая богатства свои первому, оп-
 зергаетѣ всякое новое пріобрѣтеніе. Замѣ-
 чаніе сіе относится вообще до всѣхѣ мер-
 пвыхѣ языковѣ; описанія многихѣ нынѣш-
 нихѣ учрежденій, обычаевѣ и новыхѣ от-
 крытій были бы непонятны для Димосеева

и Цицерона на ихъ природныхъ языкахъ. Мы не должны перяшь изъ виду сего замѣчанія, разсматривая Славянской слогъ нашихъ Орапоровъ, современныхъ Пешру I и Елисаветѣ. Въ семъ отношеніи нельзя претовашь, чпобы слогъ Гавріила вездѣ былъ ровенъ. И того уже довольно, что находимъ у него многія спраницы, на которыхъ удержана вся важность богослужебнаго языка, Обиліе хорошихъ мыслей, полноша періодовъ, искусной выборъ и приличное сочетаніе реченій, сущь опличительныя принадлежности словъ Гавріиловыхъ. Сей достопамятный мужъ имѣлъ счастье пользоваться благоволеніемъ Пешра Великаго, который почтилъ его, бывшаго уже Архимандритомъ, званіемъ Совѣтника Свяшійшаго Синода и сверхъ того Директоромъ и Прощекторомъ всѣхъ духовныхъ училищъ и типографій. Онъ скончался въ Москвѣ (*), имѣя санъ Епископа Рязанскаго и Муромскаго,

При Екашеринѣ I наши Вишій про-
славляли подвиги Пешра Великаго. Ке-

(*) 1731 года.

ропкое царствованіе Петра II ознаменовано поздравительными словами. Опъ времени Анны Іоанновны оспались немногія проповѣди. Но царствованіе ея достопамятно въ исторіи опечесивеннаго краснорѣчія шѣмъ, что тогда начали помышлять объ очищеніи Россійскаго слова. При Академіи Наукъ учреждено было *Россійское Собраніе* подъ начальствомъ Барона фонъ - Корфа. Первое засѣданіе открыло (*) рѣчью о числѣ Россійскаго языка, произнесенною Тредіаковскимъ. Орапоръ доказывалъ, что для очищенія и дополненія опечесивеннаго слова нужно переводить древнихъ и новыхъ авторовъ, сочинить исправную Грамматику, составить полной лексиконъ, рипорику и спихопворную науку. Все сіе хотя шрудно, однакожъ необходимо нужно и возможно: нужно для того, чтобы „имѣть хотя малое средство къ прославленію дѣла и „добродѣтелей Государыни нашей“, говоритъ Тредіаковскій, а въ доказательство возможности приводитъ въ примѣръ Флорентинскую и Французскую Академіи и Лейпцигъ.

(*) Марта 14 дня 1735.

екое общество. „Не помышляете ли вы, что
 „нашъ языкъ не въ состоянїи быть укра-
 „шаемъ? Нѣтъ, нѣтъ, господа; извольте
 „оплохитъ шоль неосновательное мнѣнїе.
 „Посмотрите, отъ Петра Великаго лѣтъ,
 „обратившись на многїи прошедшіи годы;
 „по размысливши увидите ясно, что
 „совершеннѣйшій спалъ въ Петровы лѣта
 „языкъ, нежели въ бывшіи прежде.“ Для
 него я повшоряю здѣсь слова Тредіаковскаго?
 Для показанїя, что ученые люди тогдашня-
 го времени очень хорошо знали, въ какомъ
 состоянїи находился языкъ опечешвенный,
 и какїя средства употреблять еще должно
 было для возведенїя онаго на высшія сте-
 пени къ совершенству. Не станемъ пу-
 гаться жесткаго слога и еще слушаемъ
 Тредіаковскаго: „Украситъ его (т. е. языкъ)
 „въ насъ Дворъ Ея Величества въ словъ
 „учтивѣйшїй и великолѣпнѣйшїй богат-
 „ствомъ и сїанїемъ. Научатъ насъ иску-
 „сно имъ говорить и писать благоразумнѣй-
 „шїи Ея Министры, и премудры Священ-
 „начальники, изъ копорыхъ многїи вамъ
 „и мнѣ извѣстны, у насъ шаковы, что намъ
 „за господствующее правило можнѣ ихъ

„взяшь было въ граммашку, и за кра-
 „снѣйшій примѣръ въ реторику. Научишь
 „насъ и знаиѣйшее и искуснѣйшее благо-
 „родныхъ сословіе. Ущвердишь оный намъ
 „и собственное о немъ разсужденіе и вос-
 „пріятное употребленіе отъ всѣхъ разум-
 „ныхъ.“ Труды и успѣхи сего Россійскаго
 собранія мнѣ неизвѣстны; мы знаемъ только,
 что одинъ Ломоносовъ сочинилъ Грам-
 машику и Риторикѣ, опредѣлилъ различіе
 слога высокаго, средняго и простаго, пра-
 вилами и примѣрами своими подтвердилъ
 неоспоримую истину, что весьма полезно
 и необходимо нужно обрабатывать языкъ
 господствующій, употребляемый въ обще-
 житіи.

При восшествіи на престолъ Импера-
 трицы Елисаветы воспріяли дарованія
 нашихъ проповѣдниковъ. Новое поприще
 открылось для нихъ въ прославленіи дѣлъ
 Петра Великаго предъ лицомъ ея Дщери,
 въ изображеніи прежнихъ бѣдспвій и на-
 стоящаго благополучія, въ исполновеніи
 божественнаго ученія для душевной пользы
 Государыни иروشкой и благочестивой. По

Прибытіи ея въ Москву для вѣнчанія и
 священнаго помазанія на царство, въ празд-
 ничные и воскресные дни раздавались вѣща-
 нія Пастырей въ хвалу Петра, Екатерины
 и Елисаветы. Сыны Отечества проливали
 слезы умиленія, когда Орапоръ, исчисливъ
 благодѣянія Петра Великаго и Екатерины,
 представлялъ печальную картину всеобщаго
 унынія: „Погребли мы преславныхъ Мо-
 „нарховъ, погребли благоденствія наши;
 „по смерти оныхъ за беззаконія и неправды
 „наша наказа насъ Господь часпными пере-
 „мѣнами, а въ таковыхъ вредительныхъ
 „перемѣнахъ, коликая претерпѣхомъ злая,
 „въ которое-было Россія пришла безобразіе,
 „вспомянуши болѣзнь утробу пронзаешь.
 „А таковыя часпныя перемѣны видяще про-
 „швицныи наши, добрую дорогу, добрый
 „ко успѣшенію насъ сыскали способъ; по-
 „казывали себе аки бы они вѣрныя Государ-
 „ству слуги, аки бы они оберегатели здра-
 „вія Государей своихъ, аки бы они все къ
 „пользѣ и исправленію Россіи промышленя-
 „ющіе: а какъ прибрали все Отечество на-
 „ше въ руки, колікій ядъ злобы на вѣр-
 „ныхъ чадъ Россійскихъ опрыгнули

„коликое гоненіе на церковь Христову и на
 „благочеспивую вѣру возспавили! ихъ бы-
 „ла година и область пемная; что хотѣли,
 „то и дѣлали (*).“

Тутъ вдругъ появляются на поприщѣ
 вѣпійспва Димитрій Сѣченоеъ (**), Порфирій
 Крайсній (***), Амвросій Юскевичъ (****),
 Силвестрѣ Кулябна (*****), Арсеній Максѣ-
 вичъ (*****) и многіе другіе. Какъ люди, об-
 учавшіеся рипорикѣ (на Лапинскомѣ языкѣ),
 они располагали часпи слова по правиламѣ.
 У нихъ, а особливо у Сѣченова и Юске-
 вича, нерѣдко чипашель находилъ для себя
 испинное удовольспвіе вѣ хорошихъ мы-
 сляхъ, вѣ доказашельспвахъ, вѣ описанї-
 яхъ и вѣ орапорскихъ движенїяхъ; но слогъ

(*) Изъ слова вѣ день Благоевѣщенїа Преспятыя Бо-
 городицы, проповѣданнаго Архимандритомѣ Димит-
 рїемѣ Сѣченоеымѣ вѣ Москвѣ 1742.

(**) Митрополитѣ Новгородскїй, скончался 1767.

(***) Епископѣ Бѣлогородскїй, скончался 1763.

(****) Архіепископѣ Новгородскїй, скончался 1745.

(*****) Архіепископѣ С. Петербургскїй, сконч. 1761.

(*****) Бывшїй Митрополитѣ Рословскїй, лишен-
 ный сана и скончавшїйся 1763.

проповѣдей ихъ также не чистѣ и не ровенѣ.

Изъ числа духовныхъ Орашоровъ Елисаветина времени первенство отдаешия придворному проповѣднику (*) Гедѣону Криновскому. И въ самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ отличныя дарованія. Для примѣра упомяну только объ одномъ его словѣ въ недѣлю блуднаго. Тема слѣдующая: *Раздѣли имѣ имѣнїе. И не по мнозѣхъ днѣхъ собраѣ все мнѣи сыкъ, отѣде на страну далеге, и ту растоги имѣнїе свое, живыи блудно.* Вишїя, принаровляя къ Евангельской прищѣ свое поученїе, разсмашириваѣшъ, какими и коликими благами Богъ надѣлилъ насъ отходящихъ на страну мїра сего, и какъ мы употребляемъ дары Божїи, которыя состоятъ въ разумѣ, въ красотѣ и здравїи шѣла, въ почестяхъ и богатствѣ. „Осмошримся, вѣщаеѣ Гедѣонъ, „сколь много мы, будучи въ нашихъ чинахъ; въ нашихъ достоинствахъ и въ

(*) Онъ послѣ былъ Псковскимъ Епископомъ, и скончался 1761.

„нашемъ изобилїи, воспользовали церковь
 „Божїю или общество. . . Я бы охотно
 „умолчалъ, слышатели, о семъ; я бы и
 „самъ радъ прикрыть такой стыдъ нашъ;
 „но бѣдные просители, никакова удоволь-
 „ствїя отъ властей своихъ не получающїи,
 „но нищїи помилованїя ни малѣйшаго отъ
 „изобилующихъ во всемъ не видящїи, но
 „народъ во тмѣ невѣжества заблуждающїй
 „и должнаго просвѣщенїя ко спасенїю отъ
 „своихъ пастырей не находящїй не можетъ
 „умолчать того. Ты говорятъ: что намъ
 „прибыли во властяхъ, когда они слезъ
 „нашихъ неопираютъ, воздыханїй неслу-
 „шаютъ, прошенїй непрїемлютъ! Воля
 „швоя, Господи, называть ихъ въ писанїи
 „богами; но намъ они по большей части
 „кажутся какъ идолы, очи имѣющїи и не-
 „видящїи, уши и неслышащїи, руки и ни-
 „чего ими добра намъ не дѣлающїи. Дру-
 „гїе вопіютъ: увы намъ, Господи! кому
 „Ты повѣрилъ имѣнїе швое! кому поручилъ
 „снабдѣвать нашу бѣдность нѣтъ въ нихъ
 „не только милоспїи, но и челоуѣчества;
 „воззри на содрясаемые отъ люшаго мра-
 „за уды наши; воззри на изсушенныя гла-

„Домъ и жаждою кости наши; воззри на
 „перзаемую на правехахъ плоть нашу; и
 „есть ли, чтобъ кто искупилъ? есть ли,
 „чтобъ кто снабдилъ? есть ли, чтобъ кто
 „пожалѣлъ насъ? Третій болѣзненно воз-
 „дыхая противъ своихъ приспавниковъ ду-
 „шевныхъ протестуетъ, что никакого по-
 „чти попеченія о душахъ ихъ не имѣютъ;
 „ни учатъ ихъ, ни посѣщаютъ, ни въ
 „спраданіи утѣшаютъ, ни въ благополу-
 „чїи утверждаютъ. . . . Чтожъ это зна-
 „чишь? нераспознаемъ ли въ такомъ слу-
 „чаѣ мы имѣете Отца нашего небеснаго
 „всуге, и неживо ли изображается въ ста-
 „комъ нашемъ нерадѣнїи и своевольствѣ
 „блудный сынъ оный?“ Вотъ истинное,
 изъ полного сердца изливающееся красно-
 рѣчіе! вотъ надежнѣйшее средство увле-
 касть за собою слушателей! Я говорю не
 о слогахъ, а о чувствѣ ораторскомъ, кото-
 рымъ надѣляется единственно природа. Ге-
 деонъ умѣлъ располагать искусно; каждая
 часть у него отдѣльно опрабована. Въ про-
 говѣдяхъ его разсыпаны мысли и примѣры
 изъ древнихъ писателей; но къ счастью,
 онъ рѣдко употребляетъ во зло свою уче-

мость. Вразсужденіи же слога, приведенный выше отрывокъ показываетъ, что Геденъ поступалъ уже вопреки обыкновенію своихъ современниковъ, но есть онъ употреблялъ языкъ гражданской, дополняя оной богослужбымъ. Окончанія словъ въ ихъ измѣненіяхъ и синтаксисъ у него совершенно Русскія. Гедена именуютъ въпорымъ Теофаномъ; онъ заслужилъ бы славное шило въпораго Ломоносова, когда бы старался избѣгатьъ словъ иноспранныхъ и просто-народныхъ, наблюдалъ бы строгую правильность умозрительной Грамматики (другой тогда еще не было) и прислушивался бы къ печенію своего слова. Ему удобнѣе было писать Русскимъ языкомъ; онъ родился въ Казани, и по видимому жилъ съ малолѣтства между Великороссіянами.

Таковъ былъ ходъ Россійскаго вѣтѣнства до временъ Ломоносова, коего правила и примѣры соспавляютъ достопамятную эпоху въ исторіи опечесшвеннаго языка. Искусшвенное, по правиламъ Рипорика располагаемое краснорѣчіе принесено въ Москву изъ Кіева въ началѣ минувшаго

вѣдѣ. Оно состояло въ поучительныхъ Словахъ и похвальныхъ, которыя сочиняемы были духовными особами на общемъ богослужебномъ языкѣ, богатомъ, но мѣртвомъ, необработанномъ, неустраненномъ употребленіемъ, неутвержденномъ ни великими примѣрами, ни извлеченными изъ нихъ почными правилами. Проповѣдники, природные Малороссіянѣ, обучавшіеся въ Кіевѣ въ словесныхъ наукахъ, сочиняли поученія свои на языкѣ богослужебномъ; языкъ сей былъ для нихъ недоступенъ, и потому они заимствовали слова иносѣранныя, Малороссійскія и здѣшнія простонародныя. Великороссійскому слуху смѣсь сія не могла быть пріятною. Между тѣмъ ученые люди, зная пользу усовершенствованія отечественнаго всѣми употребляемаго языка, начали заботиться о дополненіи и объ утвержденіи онаго. Вообще въ Кіевскихъ и въ другихъ вновь тогда заведенныхъ училищахъ преподаваніе словесныхъ наукъ по Латинскимъ учебнымъ книгамъ клонилось болѣе къ познанію Латинскаго языка. Молодые Орапоры могли обучиться изобрѣтенію доказательствъ и расположенію слова; но Россійскій граж-

данскій языкъ, неизмѣннѣйшій тогда ни правилъ, ни примѣровъ, былъ употребляемъ ими безъ критической разборчивости. Ломоносовъ далъ образъ и правильность Россійскому слову.

Я желалъ бы идти далѣе за успѣхами Россійскаго випѣйства; но для подвига сего потребны новыя силы, а сверхъ того я опасаюсь продолжительною бесѣдою утомить вниманіе почтеннѣйшихъ Любителей Россійской Словесности.

М. Катеновскій.

РАЗСУЖДЕНІЕ
О РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ЕЯ СОСТОЯНІИ.

Милостивые Государя!

Имѣя щастіе бесѣдовать съ Вами въ то время, когда Вы посвящаете начатки трудовъ своихъ Отечеству, осмѣливаюсь я обратиться проницательные взоры Ваши на *Россійскую Словесность въ настоящемъ ея положеніи*. Мнѣнія мои представляю просто, безпристрастно. Знаю, что для надлежащаго разсмотрѣнія сего предмета потребны не мои силы; однако я увѣренъ, что Вы извините меня, по крайней мѣрѣ для того, что я предлагаю мысли свои откровенно, какъ человекъ, ищущій истины, и предпочитающій всѣмъ выгодамъ самолюбія пользу Словесности и долгъ свой, способствовать благимъ намѣреніямъ нашего Общества. — Я почелъ избранный мною предметъ приличнѣйшимъ для началь-

ныхъ занятій нашихъ. Всякой человѣкъ, предпринимая полезное путешествіе, заранѣе разсуждаетъ объ его продолжительности, трудностяхъ, препятствіяхъ, которыя долженъ онъ встрѣтить, и о цѣли, къ которой онъ спремится. — Онъ судитъ заблаговременно о томъ, что имѣетъ, и что онъ имѣть долженъ: онъ вѣситъ труды съ ожидаемою наградою. — Въ такихъ точкахъ общепольствъ находится Общество сіе, сославленное усердіемъ къ чести Россійской Словесности, и при самомъ рожденіи своемъ ознаменованное уже Высочайшимъ покровительствомъ. Языкъ и Словесность, — образованность и господствующій вкусъ народа, ходъ и перемены той и другаго: все предметъ нашъ — предметъ необозримый! — Одно правило языка столь глубоки, столь отдалены отъ постиженія человеческого, что въ видъ и усилія многихъ ученыхъ Мужей едва быди въ состояніи опредѣлить ихъ. — Какъ видимая картина умственныхъ нашихъ познаній, онъ имѣетъ пѣже самыя предѣлы, какими ограничивается нашъ разумъ; какъ единое средство для объясненія вы-

нренникъ движеній души нашей, онъ перпитъ всѣ тѣ же перемѣны, какія перпитъ самой народъ въ продолженіи своего существованія. — Начало общества, климаты, вѣра, господствующія нужды, образованность, правленіе, перевороты, нравы, открытія ума человѣческаго: все имѣетъ на него вліяніе; — вмѣстѣ съ Государствомъ онъ расцветъ, процвѣтаетъ, искажается, старѣетъ, и часто гибнетъ. Если представимъ все полиническое тѣло въ видѣ огромнаго зданія, то языкъ можно назвать неживымъ знаменіемъ его характера, прочности, силы, обилія и благоустроенія. — Съ сей точки взираемъ мы на языки Греческой и Римской, копорые, сохранившись въ развалинахъ Имперіи, пережили Грековъ и Римлянъ, и нынѣ составляютъ одинъ достопочтенной, немерцающей ихъ памятникъ, копорого не могли разрушить ни время, ни варвары. — Съ сей точки должны мы смолить на собственный свой языкъ, если хотимъ быть почно ему полезными. — Неоспоримо, что такого рода наблюденія предполагаютъ въ наблюдателяхъ многія уже свѣ-

Дѣія филологическія, философическія и даже полипическія; неоспоримо также, что онѣ могутъ быть прочны только въ определенное время, и только тогда, когда языкъ пришелъ въ надлежащую зрѣлость, и когда народъ, имѣ обладающій, достигнулъ желаемой степени своей образованности. Повидимому, казалось бы, что порядочный Этимологическій Лексиконъ и основательная Грамматика должны быть первоначально обработаны; но опытъ всѣхъ народовъ показываетъ противное. — Тотъ и другая являющіяся уже тогда, когда прославились многіе отечественные Писатели, когда философскія Науки имѣли успѣхи, и когда образованной народъ почувствовалъ и удовлетворилъ потребность въ чистѣйшихъ удовольствіяхъ вкуса. — Французы, Нѣмцы, Англичане служатъ тому примѣромъ. — Дѣло наше — определить теперь сіе время, или возрастъ Словесности Россійской; другими словами: определить степень, до котораго достигнулъ языкъ и нравственная образованность наша; показать, что мы имѣемъ, въ чемъ мы особенно успѣли и чего намъ недостаетъ.

Народъ въ постепенномъ своемъ образованіи имѣетъ при степенн совершенствованіи: сначала представляюща его *усидія* распространить, обезпечить и ограждать свое существованіе; потомъ слѣдуетъ внутренняя *образованность*, поддерживающая и укрѣпляющая даже наружныя его опиношенія; наконецъ вышшая степень или зрѣлость народа — есть, если смѣю такъ назвать ее, *утигенность*, когда онъ дѣйствуетъ на другіе народы не только силами и могуществомъ, но самыми своими нравами, обычаями, изобрѣщеніями, просвѣщеніемъ. — Тѣ же самыя степени имѣетъ языкъ: *обогащеніе, алредѣленность, утонченіе*. Последнее, какъ вышшая и скользкая степень, часто равно опасна бываетъ какъ для народа, такъ для языка и нуса. *Баттѣ* справедливо сказалъ объ отечественной своей словесности въ ея послѣднее время. Нынѣшніе остроумцы, говорилъ онъ, вредна для истиннаго просага вкуса, нежели Готты и Вандамы для народовъ, ими наконецъ побѣжденныхъ. — Эпоха обогащенія языка почти у всѣхъ народовъ ознамено-

вывається обиліємъ Спихотворцевъ. Когда юный и рьяный характеръ народа, его пламенное воображеніе, быстрая спрасць въ славу, ищеть предметовъ безпрестанно новыхъ для своего занятія, и слова шворить новыя для своего объясненія: тогда всѣ правила уступаютъ силѣ и выразительности. Въ послѣдствіи времени народъ получаетъ постепенно образованность. Чшо это значитъ? — то, что онъ, будучи удовлетворенъ въ необходимыхъ нуждахъ, успокоенъ, огражденъ, обогащенъ познаніями, попребными для обществельства, для наслажденія, наконецъ обращаетъ вниманіе на самого себя, на свои душевныя силы; разбираетъ собственныя свои мысли, отношенія между собою и предметами; судитъ объ удовольствіяхъ, которыми насладился, объ горестяхъ, которыя претерпѣлъ; о началахъ добра и зла, между которыми непрерывно колеблется бренье его бытіе; наконецъ по симъ умственнымъ ближайшимъ отношеніямъ дерзаетъ перейти ограничивающую его сферу, и мыслить о предметахъ отдаленныхъ, о томъ, что скры-

то въ ндрахъ земли , чпо погружено въ бездонномъ проспранствѣ неба , обѣ отношенїяхъ не семейства къ семейству , но народовъ къ народамъ , о мїрѣ , о душѣ и Богѣ! — О цѣломъ народѣ можно сказать также , какъ обѣ одномъ чловѣкѣ : сперва *воображалъ* или *подражалъ* , послѣ *начинаетъ* онѣ *умствовать*. По мѣрѣ того , какъ *соспавляется* почнѣйшая связь и спройность въ мысляхъ , непременно должна *соспавляться* подобная связь и спройность и въ нашихъ словахъ. Система и порядокъ , въ умѣ соблюдаемые , переносясь въ образъ нашего выраженїя. Тогда - по наци изслѣдованїя и опкрышїя предполагаютъ цѣль *умствованїй* связныхъ , основательныхъ , почныхъ , однимъ словомъ , цѣль *раздробленїя* или *сложенїя* логического , которое можно назвать *умственной Химїею*. Тогда - то и языкъ по необходимости долженъ подвергнуться *шаковымъ* же испытанїямъ. Вотъ время философовъ! — вотъ время *опредѣленности* языка! — Если основательная Наука не образуетъ его ; онѣ никогда не будетъ имѣть *наспорящей* своей почности. — И вотъ почему , какъ

сказалъ я прежде, языкъ тогда только совершенъ, когда философскія Науки общаны, и когда самыя удовольствія вкуса разобраны будущъ по ихъ началамъ. —

Филологи обыкновенно отдѣляютъ языкъ вообще отъ Словесности. — Подъ именемъ языка разумѣютъ они весь матеріалъ, которой даетъ намъ природа и изобрѣтаютъ нужды для выраженія нашихъ мыслей и чувствованій. Слова можно представить въ видъ камней, назначенныхъ для строенія, и расположенныхъ просто, въ некоторомъ видимомъ порядкѣ: — вотъ Лексиконъ или Словарь — сокровищница языка. — Грамматика въ художественную свою храмину воспріемлетъ сей дикой матеріалъ, и даетъ видимымъ знакамъ ту систему, какая находится въ нашемъ умѣ, въ отношеніи ко вселенной. — Такимъ образомъ въ ней отличены дѣйствія отъ вещей, означены отношенія между дѣйствіями и вещами, времена дѣйствій, ихъ наклоненія и пр. — Сіе приращеніе видимой и дужовной природы, во всѣхъ ея движеніяхъ и перемѣнахъ, въ

языку — показываетъ сего послѣдняго *богатство* или *бѣдность*; а шѣснѣйшая связь между словами, столь же быстро измѣняющаяся, какъ наши мысли, составляетъ его *гибкость*. Цѣль Грамматики въ собственномъ смыслѣ, оградить языкъ отъ чуждаго влїянїя, то есть сохранить его *чистоту* и характеръ, опредѣлить каждому слова *собственность*, доставить каждому надлежащїя границы *знанїя*, то есть даровать ему *точность* и *опредѣленность*, не смотря на прихоти *употребленїя*, которое, хотя въ вѣчной враждѣ съ Грамматикою, но совершенно уничтожено быть не можетъ, какъ средство, придающее слогу иногда *краткость*, *силу*, или по крайней мѣрѣ, *живость* и *легкость*. Упоминаемая мною теперь свойства языка называющяся грамматическими; онѣ суть вождѣбной плодъ, котораго мы ожидать можемъ отъ сей глубокой и прудной науки, составляющей *теорїю языка*.

Подъ названїемъ *Словесности* разумѣются сочиненїя различнаго рода, или все то, что языкъ получаетъ отъ вкуса и

образованности народной. — Въ семъ отноше́нїи разсматриваются: 1, слоги вообще, и всѣ его измѣненія по предметамъ, характеристамъ, по духу Писателя и проч.; 2, роды сочиненій, свойства и границы каждаго изъ нихъ. Отсюда произтекаютъ правила и приличія вкуса изящнаго. — Правила сіи заключающя въ *теорїи Словесности*.

На сихъ предварительныхъ мысліяхъ моихъ основываю я предлагаемыя здѣсь замѣчанія объ языкѣ и Словесности отечественной.

Не входя въ темныя и запутанныя размышленія о томъ, первобытною ли нашъ языкъ или нѣтъ, нарѣчіе ли Славянскаго или самой Славянскій, искаженной временемъ и обстоятельствомъ, мы видимъ, что онъ имѣетъ систему, отличную почти отъ всѣхъ новѣйшихъ языковъ. — Подобно древнимъ, онъ отличаетъ опредѣленными окончаніями въ падежахъ, и попому свободенъ въ перестановкѣ словъ по силѣ смысла или гармонїи; столько же или еще болѣе измѣняемъ въ глаголахъ; въ сложенїи и въ производствѣ обиленъ и

натураленъ; какъ наследственная отрасль Славянскаго, богатъ словами для всѣхъ родовъ слога: для высокаго, средняго и низкаго; живописенъ и прѣстѣ, какъ другіе языки, почищаемые первобытными: вошъ что даровала природа языку Россійскому. — Теперь спрашивается, чпо онъ получилъ ошъ своего образованія?

Образованіе языка совершается вмѣстѣ съ образованіемъ народа: — но оно наипаче видимо въ Писателяхъ; ибо Словесность, какъ мы прежде сказали, есть знаменіе народныхъ успѣховъ политическихъ и нравственныхъ. — Сочиненія, на немъ написанныя, показываютъ его достоинства. — Всѣ правила обѣ немъ произтекаютъ изъ наблюденій долговременныхъ и многообразныхъ, производимыхъ надъ сочиненіями. Въ семъ случаѣ Словесность плащипъ свой долгъ языку, способствуя успѣшнѣйшему его образованію. — Какимъ образомъ родились, и исправлялись Грамматики, Риторики Греческія? — Гомеръ, Есхиль, Софокль, Демосѣенъ, Ксенофонтъ, всѣ Философы, прочно утвердившіе сла-

ну свою между народомъ, находились предъ глазами наблюдателей-Грамматиковъ и Ришоровъ. — Сочиненія золотого вѣка, когда влусъ и образованность достигли надлежащей степени, установляли цѣну каждому слову и каждому обороту: все то, что находилось въ классическомъ Авторѣ, слово или изрѣченіе получало въкошорымъ образомъ право гражданства, однако же не прежде, какъ будучи повѣрено и ограждено коренными началами языка, и сверхъ того разсмотрѣно, не зависитъ ли оно отъ временнаго измѣненія вещей, нравственныхъ или политическихъ; такъ на пр. примѣнивъ въ Рускомъ языкѣ: не Татарское ли оно по происхожденію или образованію, не Польское ли или Французское? Симъ способомъ сохранялся языкъ въ своей благородной числѣ, богатствѣ и силѣ. — Теперь снова повторимъ вопросъ нашъ: что языкъ Россійской получилъ отъ образованія? какіе Авторы показываютъ его богатство, образованность, гибкость и определенность? Такой вопросъ затруднителенъ. Ибо мы имѣемъ сочиненія, относящіяся только къ однимъ изящнымъ Научамъ, и

то болѣе къ Стихопворству, нежели къ прозѣ. Мы не можемъ представить почти никакихъ подлинныхъ, и даже переводныхъ сочиненій, принадлежащихъ къ вышшимъ Философскимъ Наукамъ. Языкъ видимъ въ Писателяхъ. Гдѣ же Писатели сего рода, которые доказали бы преимущества его опытомъ? Языкъ самъ по себѣ мертвой капиталъ: онъ видимъ только въ оборотахъ. Гдѣ же сѣи обороты? — Пусть онъ древенъ, — согласенъ; но должно думать, что древность его по многимъ политическимъ обстоятельствомъ до нѣкаго времени была продолжительнымъ младенчествомъ; потому что вышшія науки и по сю пору не воспитали его до надлежащей зрѣлости. Единственно введеніе наукъ со временъ ПЕТРА Великаго, дипломатическія отношенія съ другими просвѣщенными державами, и въипереннее устройство Государства, начали открывать намъ, какимъ обладаемъ мы сокровищемъ. — И съ сего благополучнаго времени болѣе и болѣе показывается намъ богатство и красота языка Россійскаго; ибо мы, не смотря на распространеніе политическихъ отношеній и своихъ

нуждъ, не смотря на успѣхи просвѣщенія и наукъ, всегда находимъ слова и выраженія, хошя и неопредѣлительно ими пользуемся. — Прошло сто лѣтъ, и мы имѣемъ уже многихъ знаменитыхъ Писателей, обработавшихъ въ разныя времена нѣкоторыя роды стихотворныхъ сочиненій. — Но сто лѣтъ очень малое время для того, чтобъ языкъ образовался для всѣхъ наукъ. — Стихотворцы, сколько бы они знамениты ни были, не совершаютъ еще великаго дѣла образованія языка. — По сю пору онъ извѣстенъ намъ только съ нѣкоторыхъ сторонъ. Можно сравнить въ настоящее время свѣдѣнія наши объ обширномъ языкѣ Россійскомъ со свѣдѣнiami о пространной Россійской Имперіи. По сю пору различныя ея климаты, ея безчисленныя произведенія, самыя народы, ея населяющіе, нравы ихъ и обычаи знакомы намъ только поверхностно. *Лелехины, Крашенинниковы, Палласы, Мусины - Пушкины*, проехали только по общимъ путямъ сего обширнаго Океана; ихъ открытія, сколько ни важны, — по собственному признанію Наблюдателей, —

только начатки открытій. — Наши руко-
 весла, наши заводы; наши рудники; всѣ
 учрежденія, зависящія отъ даровъ при-
 роды; удовлетворяющъ не всѣмъ еще на-
 шимъ нуждамъ; ибо многое заимствуемъ
 отъ иностранцевъ, хотя и чувствуемъ въ
 совѣсти своей, что, если бы употребили
 пруды; все обрѣли бы въ своемъ домѣ.
Ломоносовы, Сумароковы, Херасковы, Дер-
жавины, Петровы по же въ *Либературѣ*,
 что *Лепехины* и его товарищи въ испы-
 таніи природы. Они открываютъ намъ
 чудесное великолѣпіе языка; но они всѣ
 испытали только одинъ рудникъ: стихо-
 творство; — мы не знаемъ его въ дру-
 гихъ отношеніяхъ. У насъ нѣтъ *Лок-*
ковъ, Невтоновъ, Монпескье, Дюмарсе,
Кантовъ, Лавуазьеровъ. Въ самомъ обще-
 ствѣ говорящъ по Французски; сѣдова-
 тельно мы не знаемъ его благородной про-
 стоты и гибкости; мы не имѣемъ еще
 образцовыхъ писемъ, не смотря на то,
 что принадлежимъ къ народу образован-
 ному. Говорящъ, что языкъ нашъ теперь
 книжной, а не разговорной; — но какого роду
 сѣи книги? — Переводчики наши чув-

сплываютъ величайшую трудность, начавъ переводить что нибудь изъ книгъ философскихъ. Скажутъ, можетъ быть: эпо ихъ собственное искусство! — но кто же обладалъ эшимъ искусствомъ? — кто преодолѣлъ сію трудность? — Золотой вѣкъ Литературы и языка у всѣхъ народовъ чѣмъ отличался? — Тѣмъ, что въ одно время процвѣтали образцовые Писатели во всѣхъ частяхъ ея, во всѣхъ наукахъ. — Такіе вѣки имѣла Греція, Римъ, Италія, Франція. Мы его ожидаемъ.

Если мы столь необильны въ Писателяхъ различныхъ родовъ, то еще меньше богаты въ наблюдателяхъ языка. У насъ по сію пору мало занимались *теоретическимъ* его познаніемъ. И непременно должно быть такъ, когда еще мало произведеній Словесности. Труды Ломоносова и Тредьяковскаго бессмертны. Но Россійская Академія, оказавшая незабвенныя услуги языку Россійскому, скоро почувствовала, что Грамматика нашего Пиндара содержитъ въ себѣ много замѣчаній объ языкѣ, но не

Грамматику, то есть не систему языка, представленную во возможной простоте и ясности. — Сперва занялась Академія Словаремъ: дѣло славное; но, судя по времени, не такое, чтобъ оно могло быть окончательнымъ, или послѣднимъ. — Потомъ издана Грамматика, конечно хорошая; но въ ней не все преодолены трудности; для этого потребно, можетъ быть, и другое время и многіе люди, кои бы, отвергнувъ быспрую, льстивую славу Авторства, единственно одушевляемые любовью къ пользамъ Отечества, низошли въ мрачныя глубины языка Россійскаго, дабы проникнуть къ самому его источнику. — Это такой подвигъ, который требуетъ особеннаго терпѣнія, трудовъ медленныхъ и скучныхъ, изысканій часто безплодныхъ, и наконецъ, что всего горше, не рѣдко награжденъ бываетъ убійственнымъ равнодушіемъ народа. Почтенный *Шишковъ* весьма хорошо доказываетъ намъ выразительность и богатство языка Россійскаго, какъ нарѣчія отъ Славянскаго. Слѣдуя за нимъ, мы можемъ со временемъ имѣть *синонимы*, или *сословы*, и слѣдовательно доставимъ

языку надлежащую определенность, если припомѣ — необходимое условіе — будемъ любить основательныя науки и занимаемся ими. — Труды сего знаменитаго Мужа послужатъ началами хорошей Грамматики, Особливо должны мы обратитъ вниманіе на Синтаксисъ: онѣ составляетъ самую запущенную часть ея. — Чтобы пѣлнть насѣ красотамаъ языка Славянскаго, для того въ настоящее время, каждащя, не довольно представлять слова отдѣльныя, сами по себѣ хорошія, но одичалыя уже для слуха свѣтскаго. — Публика прихотлива; надобно угождать ей и тогда, когда хотимъ ее научить. — Слово безъ связи, безъ отношеній, какъ бы оно выразительно ни было, остается непривлекательнымъ. — Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію моему, полезно бы было сдѣлать разборъ эсепической, на пр. книгѣ Іова, нѣкоторымъ Пророкамъ, Писанымъ Моисея и пр. Пѣлнтясь мыслями возвыщенными, великими, мы пѣлнлись бы и словами, какъ ихъ одеждою, и языкъ обогащался бы самъ собою; ибо онѣ принужденно обогащаться не можетъ. — Почему

бы не разобрать сочиненій нѣкоторыхъ нашихъ духовныхъ Отцевъ, съ тѣмъ, чѣмъ показать, отъ какихъ постороннихъ или внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ началъ удаляться языкъ Русскій отъ своего корня Славянскаго. Тогда бы открылось, въ какія времена сѣ удаленіе случалось болѣе, въ какія менѣе, какое вліяніе имѣли на насъ тогда чужеземные народы, и какаѣ была степень въ то время нашей образованности: — вопрь начала, на которыхъ, по моему мнѣнію, должно основывать судъ объ языкѣ и средства для его правильнаго обогащенія. Самое главное искусство въ семъ случаѣ то, чѣмъ заставить любить Славянскія книги; полюбивъ ихъ, мы бы присвоили себѣ и слова и обороты лучшіе. — Къ несчастію, Славянской нащѣ языкъ даже не входилъ въ планъ домашняго воспитанія! — Съ другой стороны часто погрѣшающъ и нѣкоторые спрашныя любители языка Славянскаго. Чѣмъ встрѣчаете въ ихъ сочиненіяхъ? Слова обвѣщавыя Славянскія вмѣстѣ съ просными общенародными, и припомъ въ сборокахъ чужезычныхъ, или сряду старой языкъ Славян.

ской, отъ котораго мы уже опывали. — Возмите оды и похвальные Слова Ломоносова, и сравните ихъ съ нѣкоторыми нынѣшними стихотворными Славено-Россійскими сочиненіями. — Чипая перваго, я не могу остановиться ни на одномъ словѣ: всѣ мои родныя, всѣ испанцы, всѣ прекрасны; чипая другихъ, останавливаюсь на каждомъ словѣ, какъ на чужомъ. — Согласись, М. Г. что Ломоносовъ также встрѣчалъ въ книгахъ церковныхъ: *толща, влаются, исподнѣйшія дрожжи*, и тому подобныя; но онъ не употреблялъ ихъ. — Какъ же могъ другой, спустя бо лѣтъ, надѣяться пѣнись сими словами публику, еще болѣе, въ продолженіе сего времени, удаленную отъ Славянскаго? какъ могъ онъ, говорю, того надѣяться, имѣя убѣдительно-нымъ примѣромъ Господина Пепрова, въ которомъ безчисленныя красоты стихотворныя не могли замѣнить его излишней привязанности къ Славянскимъ оборотамъ и словамъ? — Поздно уже заставлятъ насъ писать языкомъ Славянскимъ; осталась: искусно имъ пользоваться. — Вотъ особенное достоинство Ломоносова! Всѣ Славяно-

фильмы должны у него учиться высокому искусству соединять слова того и другого нарѣчія, дабы соотвѣтствовать правилу Горациа :

Tantum series juncturaque pollet! —

Никогда сполько не было ученыхъ прѣвнѣй въ разсужденіи языка, какъ нынѣ. Знакъ благопріятной! упѣшительная надежда! — Особенное благодареніе Правительству, которое всѣ возможные способы употребляетъ къ возбужденію соревнованія! — Само по себѣ разумѣется, что въ сихъ распряхъ не можетъ иногда не участвовать присраспѣе: на пр. вопіютъ: языкъ погибъ! искаженъ! — Такія восклицанія часто бывають плодомъ неумѣреннаго восторга. Слава Богу! мы безпрестанно идемъ далѣе. Всѣ благомыслящіе Мужи знаютъ, что разумъ человѣческой повсюду шествовалъ къ истинѣ не прямыми стезями; путь его — заблужденія; но и средства исправиться — шѣ же самыя заблужденія. Народъ Россійской шавъ уже привыкъ къ удовольствіямъ общественнымъ; что онъ иребуетъ отъ Словесности всего того,

что она въ настоящемъ своемъ образованіи произвестъ можеть. Каковы бы ни были творенія нѣкопрыхъ нынѣшнихъ Комиковъ, Трагиковъ: довольно, что онѣ занимають, Удержашъ публику въ семъ случаѣ гораздо труднѣе, нежели удержашъ море въ разливі. Я прежде уже сказалъ, что Грамматика, будучи первоначальною наукою, всегда почти бываешь обработана между поздними науками; ибо пребуешь долговременныхъ наблюдений надъ языкомъ. — Языкъ по же, что слова въ кассѣ наборщика: тогда только гласны, когда вынуты, по ешь, выговорены или написаны; и тогда только видны для наблюдающаго. — Будемъ же снисходительны. Пущъ пишущъ: не будешь посредственнаго — не будешь хорошаго. — Филологъ сморитъ, сравниваешь, и въ продолженіи времени составляешь систему языка, которая освященія Писателями золшаго его вѣка. — Впрочемъ всякой пожелаешь, чтобы у насъ болѣе занимались основательнымъ грамматическимъ ученіемъ. Имена Грамматиковъ, толкователей, Кришиковъ не столько блистательны, какъ имена Гомеровъ,

но люди сіи необходимо нужны, и заслуживаютъ вѣчную благодарность, какъ отъ шѣхъ, которыхъ разбирали, такъ и отъ цѣлаго народа; ибо они имѣютъ предметомъ общую ихъ славу.

Отъ главныхъ сихъ замѣчаній объ языкѣ перейдемъ къ нашей Словесности. Я сказалъ уже, что разумѣю подѣ симъ именемъ. Она заключаетъ сочиненія разныхъ родовъ, составленныхъ по свойственнымъ каждому изъ нихъ правиламъ, относительно къ предметамъ, характерамъ, намеренію Автора, мѣсту, времени, числительнымъ. Отсюда происходятъ особенныя правила для Поэмы, гдѣ Поэтъ рассказываетъ; для драмы, гдѣ представляетъ онъ вмѣсто себя дѣйствующихъ лица; для оды, гдѣ восторгъ его созидаетъ себѣ сцену; для элегіи, сапиры и проч. — Сказано также прежде, что Словесность наша не во всѣхъ своихъ родахъ обработана. Вѣроятно, по тому же самому имѣемъ мы и въ теоретическихъ ея познаніяхъ такой же недостатокъ, какъ въ теоретическихъ познаніяхъ языка. — Это ясное окажется изъ слѣдующей краткой ея исторіи.

Разсуждая о Словесности, непременно должны мы обратиться ко временам ПЕТРА Великаго; ибо хотя прежде и процвѣтали Спихотворцы и Прозаики, но ихъ языкъ былъ Славянской, болѣе или менѣе испорченной, которой не входилъ въ планъ моей Рѣчи. — Припомъ, выключая немногихъ духовныхъ Опцевъ, по есць сочиненія повѣствовательныя и проповѣдническія, всѣ другіе роды были смѣшаны; ни одинъ изъ нихъ не опредѣленъ ни въ границахъ, ни въ свойствахъ: что составляетъ признакъ Липерапуры еще необразованной. Сіи творенія будуще навсѣгда полезными, какъ памятникъ древняго языка; обиліе словъ благородныхъ, иногда слогъ, а паче предметъ, дѣлающъ ихъ для насъ драгоценными; но ни въ планахъ, ни въ ходѣ, ни въ цѣломъ онѣ образцовъ не составляютъ. — Со временъ ПЕТРА Великаго начала проясняться заря здоровой Криптики, которая часъ отъ часу болѣе и болѣе освѣщаетъ спихіи нашей Словесности. — *Тредьяковскій*, ученикъ славнаго Роллена, первой Россійской Профессоръ, прежде всѣхъ обратился къ сему новому поприщу. Прі-

бхавъ изъ чужихъ краевъ, обогащенный многими познаніями, наблюдавшій долго Литературу Французскую въ то время, когда была она уже въ высокой степени совершенства, онъ засталъ въ Россіи еще грубой Славяно-Польской языкъ въ ученыхъ; а въ публикѣ — неготовность, помогающъ Писателямъ своею разборчивостію. Онъ рѣшился давать правила и примѣры, и имѣлъ при Дворѣ званіе придворнаго Спихопворца. Въ сочиненіяхъ его видно, при грубости слога, неизвѣстное прежде искусство, принаравливаясь къ предметамъ, мѣсту и времени; онъ говоритъ объ единствѣ, о дѣйствіяхъ, объ характерѣ; — онъ переводитъ Пѣшику *Боало Делрео*; — короче сказать: если въ немъ не было человека съ великимъ талантомъ, то онъ былъ уже просвѣщенный Учитель Литературы. При многихъ сочиненіяхъ приложены ученые размышленія о правилахъ Пѣшики; въ самой Деидаміи есть завязка и развязка. — По моему мнѣнію, и въ слогъ заслуживаешь извиненіе Тредьяковскій: грубость языка не столько ему принадлежитъ, сколько времени. Сравните стихи, можешь

бытъ, излишне порицаемой Телемахиды съ
 другими его вѣна, и скажите, кто пи-
 салъ лучше? — Изобрѣненіе правильнаго
 каданса въ стихахъ ему принадлежитъ
 неоспоримо. Въ сатирахъ Кантемира ви-
 дѣнъ только одинъ счетъ стопъ: Боало
 вмѣстѣ съ Французскимъ стопосложеніемъ
 весьма ярко въ немъ отражается. Въ то
 время, какъ Ломоносовъ въ Германіи при-
 лѣпился къ Гинперовымъ ямба и одамъ;
 Сумароковъ въ Петербургѣ обрабатывалъ
 жорей Тредьяковскаго. — Мы увидимъ,
 сколь ощущительное вліяніе произвели на
 Литературу нашу различные характеры
 двухъ великихъ современныхъ Стихотвор-
 цевъ. — Ломоносовъ не только былъ свѣ-
 душъ во Французской Словесности; сколько
 въ Нѣмецкой, которая въ то время нахо-
 дилась въ посредственномъ состояніи, обре-
 мененная игомъ педантизма. Разсмотримъ
 же оды Ломоносова: въ нихъ примѣненъ
 какой-то ученый и нѣсколько холодной для
 оды порядокъ. — Сумароковъ пошелъ по
 другой дорогѣ, и, можетъ быть, слиш-
 комъ уже много привязанъ къ Француз-
 скимъ Писателямъ. — Сумароковъ и Ломо-

исовъ въ свое время были двѣ самодержавныя власти въ царствѣ нашей Литера-
 рапуры; они раздѣляли спороны любителей Словесности; на нихъ смотрѣли сует-
 вѣрными глазами: доказательство, что
 гений ихъ ушекъ гораздо далѣе, нежели
 образованность народа; ихъ никто не могъ
 судить: очень немногіе снимали. Но Писа-
 тель не въ силахъ усовершенствовать сво-
 его дарованія, если публика не можетъ
 разбирать, судить его творенія. — Мир-
 ное царствованіе Елисаветы, а особливо бли-
 стательный вѣкъ ЕКАТЕРИНЫ, много спо-
 собствовали распространенію вкуса и Словес-
 ности. — Устроенный Дщерію Пепровою Уни-
 верситетъ началъ процвѣтать. — Народныя
 Училища, воздвигнушыя Законодательницей
 Сѣвера, разсѣяли сѣмена просвѣщенія по всей
 Россіи. Прежде сего Литература была удѣ-
 ломъ и наслажденіемъ нѣкоторыхъ частныхъ
 людей: примѣръ мудрой Государыни оп-
 верзъ ей враша въ публику. — Дворъ и
 Сполицы занимались чтеніемъ иностран-
 ныхъ и своихъ Писателей. Ученыя свѣдѣ-
 нія раздражили честолюбіе; вкусъ потре-
 бовалъ пищи. Явились переводы, журналы;

всѣ известныя поэмы, многія учебныя книги, лучшіе романы переложены на языкѣ Россійской, и принадлежатъ къ среднимъ лѣтамъ царствованія Государыни; составились литературныя Общества; не щадили издержекъ на изданія. — Книжныя лавки наполнены произведеніями сего времени. Жаль, что новорожденные пустые романы часто тѣснятъ и гонятъ съ полкомъ старыхъ почтенныхъ дѣшей литературной ревности, и даже не рѣдко переводной Камоенсъ, Мильшонъ, Телеманъ, или Гомеръ служатъ обвершкою вялыхъ уродовъ Дюкредиуменили! — Что постоянно подъ солнцемъ? Когда человекъ шествовалъ къ цѣли своей твердою стопою? когда выбиралъ онъ стезю надежную и крапчайшую? — Духъ народа, наклонности, удовольствія, роскошь, имѣющіе вліяніе на всѣ дѣла его, сѣдовашельно и на Литературу. — Слава оружія, богатство, почести, благоденствіе обыкновенно охлаждають стремленіе къ прочному образованію, къ изобрѣшеніямъ, къ новостямъ; охлаждають ревность къ прудамъ; — изящныя Науки тогда служатъ не важнымъ занятіемъ, но роскошь

ною прихопью. — Обиліе въ переводахъ довели насъ конечно до разборчивости; но сія разборчивость весьма ограничена: она относится только къ некоторымъ наружнымъ свойствамъ слога, какъ то, гладкости и легкости, и вскорѣ, не будучи поддерживаема внутреннею силою, производитъ въ немъ слабость и вялость. — И что можетъ быть другое тогда, когда основательная теорія изящныхъ Наукъ неизвѣстна, когда мы незнакомы съ главными образцами, когда не подозреваемъ даже, что начала Литературы составляютъ науку обширную и глубокую, пребывающую прудовъ и пщанія, когда Аристотеля, перекрестивъ въ Аристопа, почитаемъ Французомъ! — Самый высшій классъ народа смотришь на Ученыхъ — съ милосивною гордостью. Онъ ставитъ ученье ниже своего сана. Но надобно очень хорошо знать Литературу, чтобы умѣть наслаждаться ею и распространять свои наслажденія! — Богатая праздность и невѣжественная гордость, чувствуящую нужду въ занятіи, любятъ забавы Словесности; но для чего? для разсвѣтленія, и по странному честолюбію хотятъ казаться

въ нихъ свѣдущими. Въ такомъ состоянїи люди обыкновенно обращаются или на легчайшія поверхностныя удовольствія, или на все то, что въ первой разѣ встрѣшится. — Пьсенки, мадригалы, исторїи, романы привязываютъ къ себѣ всѣхъ, какъ важное дѣло, и ничто не думаешь, чтобъ можно было въ другомъ родѣ написать что нибудь хорошее. — Переводчики бросаются въ романы; Авторы въ сочиненїя путешествій; книгопродавцы не хотѣли и въ руки взять книги, имѣющей важное заглавіе. — Въ такомъ состоянїи часто бываетъ Литература, не подкрѣпляемая науками, или опустившая отъ настоящей стези своей!

Но волненїя въ Литературѣ и вкусѣ, какъ волненїя въ природѣ, рано или поздно приносятъ свою пользу. — Мы уже начинаемъ се чувствовать. — Новое образованїе Университетовъ при благополучно царствующемъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЬ, новой порядокъ ученїя, преподаванїе всѣхъ родовъ основательныхъ Наукъ, преимуще-

Едва; которыми отличены Ученые, воли
 Правительства; чтобы каждый, обязан-
 ный служеніемъ Опечесшву, имѣлъ доста-
 точный свѣдѣнія въ языкѣ и Словесности:
 все это сдѣлало примѣшное вліяніе на ны-
 нѣшнюю Литературу. — Наконецъ начи-
 наютъ познавать крипику полезной и
 необходимой. Сочиненія сдѣлались разно-
 образнѣе; роды ихъ болѣе отличены; удо-
 вольствія вкуса чище и нѣжнѣе. — Оспи-
 лось желать; чтобы ученые мѣста и уче-
 ныя Общества споспѣшествовали сему
 стремленію народа переводами и сочинені-
 ями потребныхъ книгъ и разборомъ луч-
 шихъ образцовыхъ Писателей:

Чтобы яснѣе видѣть настоящее поло-
 женіе нашей Литературы; позвольте мнѣ
 здѣсь кратко пробѣжать пиворенія знаме-
 нитѣйшихъ Писателей; наиболѣе споспѣ-
 шествовавшихъ ея успѣхамъ. Слава и до-
 стоинства ихъ уже опредѣлены. Я только
 желаю намекнуть; съ какой стороны долж-
 но смотрѣть на нихъ, дабы сдѣлались они
 сугубо для насъ полезными. — Я стану
 теориршъ теперь объ однихъ только Сти-

хотворцахъ, предоставляя себѣ въ другое время разсмотрѣть сочиненія тѣхъ, которые опличили себя въ прозѣ.

Начнемъ лирическими стихотвореніями. Сей родъ Поэзіи есть самой обширной: гимны, оды, пѣсни, даже элегія къ нему относятся. — Ода свободна въ своихъ порывахъ, какъ плодъ воспорга; но при всемъ помѣ имѣетъ весьма строгія правила.

Въ сочиненіяхъ Князя *Кантемира* находимъ мы нѣсколько пѣсенъ или одъ философскихъ, которыя всѣ суть подражанія одамъ *Гораціевымъ*. — Оды и отрывки *Тредьяковского* служатъ доказательствомъ, что онъ былъ Мужъ ученый, но не умѣлъ сохранить приличій вкуса; что онъ зналъ источники украшеній, но не зналъ; какъ употреблять ихъ. Слава оды принадлежитъ ко временамъ *Ломоносова* и *Сумарокова*.

» *Сумароковъ* послѣ *Симеона Полоцкого* переложилъ всѣ Псалмы *Давидовы*, кото-

рые находятся въ его сочиненїяхъ, раздѣленные на 20 книгъ. Такое изобиліе само по себѣ подозрительно. Въ большей части Псалмовъ не соблюдено, кажется, высокаго достоинства сего вдохновеннаго Пѣснопѣвца. Нѣкоторыя Псалмы писаны разбромъ и слогомъ басенъ, и припомъ слогомъ басенъ Сумарокова. — То же можно сказать и о другихъ духовныхъ его сочиненїяхъ и преложенїяхъ.

Торжественныхъ и философскихъ одъ написалъ онъ около 70. Здѣсь являясь уже славный Спихопворецъ, не рѣдко сохраняющій важность своихъ предметовъ. — Слогъ его менѣе важенъ, менѣе величественъ, менѣе цвѣтущъ, нежели у Ломоносова; но за то, если смѣю сказать, имѣетъ болѣе движеній, чувства, разнообразїя. — Почти всѣ оды его короче одъ Ломоносова, и потому планы ихъ простѣе и легче. Въ нихъ менѣе обнаруживается искусство Поэта; нѣтъ съ трудомъ приведенныхъ эпизодовъ, или опущеній; рѣже встрѣчаются принужденныя воспорги: онъ всегда стремителенъ и

пылокъ, Ломосовъ — орелъ, ширлю-
щійся въ небесахъ медленно, стройно и
важно. — Сумароковъ подобенъ птицѣ,
всегда почти летающей надъ поверхностью
земною, и въ оборотахъ разнообразнѣйшихъ
и быспрѣйшихъ достигающей своей цѣли.
Сумароковъ оставилъ великое множество
пѣсней и хоровъ; почти всѣ низки въ сло-
гѣ и въ мысляхъ, — всѣ забыты.

Къ элегіямъ своимъ Сумароковъ при-
ложилъ слѣдующій эпиграфъ:

Противъ всего алегіи притворство,
И хладно въ ней всегда безъ страха стихо-
творство;
Колико мысляю въ него ни углубись,
Коль хочешь ты писать, такъ прежде ты
влюбись.

И виноватъ противъ него въ каждой
строкѣ!

Заслуги *Ломосова* языку и Литера-
турѣ безсмертны. — Въ его сочиненіяхъ
съ сладостнымъ изумленіемъ замѣтили
Россіине въ первый разъ богатство, пыш-
ность, великолѣпіе языка своего, искусство

соединеннаго съ Славянскимъ. Жизнеописатель его, Г. Профессоръ Поповскій говоритъ о томъ впечатлѣнїи, какое произвела первая ода его при Дворѣ Императрицы Анны. Всѣ нашли новый языкъ, новыя слова, новые звуки; чувствовали, что они ихъ родныя, и дивились, почему они прежде ихъ не знали. Ихъ удивленіе справедливо. Ибо и теперь — дерзну сказать откровенно — никто не сравнялся съ Ломоносовымъ въ высокости слога, въ очаровательномъ соединенїи словъ Славянскихъ съ Россійскими, въ оборотахъ сильныхъ и крапкихъ. — Онъ долженъ быть первою любимую книгой питомца Музъ. — Онъ написалъ 18 одъ. Въ первыхъ гораздо болѣе пылкости воображенія, болѣе огня, нежели въ послѣднихъ. Сїи послѣднїя гораздо исправнѣе, покойнѣе и холоднѣе. — Вообще въ одахъ Ломоносова часто обнаруживается искусной Орапоръ, располагающій оду свою по правиламъ рѣчи или разсужденїя; часто спрофы связываются холодными выраженїями: *но се! но что я зрю!* — *но горы и поля, скажите! ликуйте множества озеръ!* — Таковыя частыя и запныя обращенія къ

предметамъ бездушнымъ разрушаютъ очарованіе. — Но если будемъ разбирать каждую спрочу особенно — какая вы́сота! сила! стремительность! — Въ каждой одѣ срѣщаете вы опривки истинно безсмертные, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ нашей Поэзіи! — Жаль, что Ломоносовъ писалъ на одни предметы — талантъ его былъ спѣсенъ: оды всѣ однообразны. Самый способъ — (введеніе историческихъ лицъ и эпизодовъ) — доставитъ имъ разнообразіе, всегда одинъ и пошъ же. Надобно замѣтить, что спихошворство при другихъ занятіяхъ сего великаго Мужа было опдохновеніемъ. — Любя славу Ломоносова, не лзя не сожалѣть также и о томъ, что онъ писалъ однѣ поржеспвенныя оды; ибо онъ не могущъ быть занимательны для иностранцевъ; напротивъ того нравоучительныя переводятся на всѣ языки; онъ пріятны для всѣхъ народовъ драгоцѣнными всеобщими истинами, въ нихъ заключенными. — Прелести языка для насъ, мысли для всѣхъ. Такова судьба нѣкоторыхъ одъ Горація! — Это важный урокъ для Спихошворцевъ. — Человѣкъ всего занимательнѣе для чело-

ѣрка. — Воспѣвайте его добродѣтели, его страсти, слабости, щастіе и нещастіе: вопль вѣрный способъ избѣгнуть забвенія.

Во преложеніяхъ Псалмовъ, Ломоносовъ чувствовалъ высоту и пареніе Св. Писанія болѣе, нежели Сумароковъ, и лучше выражалъ ихъ.

Оды *Петрова* прекрасны. — Онъ отличаясь отъ всѣхъ другихъ какою-то полною мыслью сильныхъ и краткихъ. — Петровъ Стихотворецъ — Философъ. Можетъ быть, онъ сподобился бы наравнѣ съ Ломоносовымъ, если бы слогъ его не былъ грубѣе и жестче. — Впрочемъ онъ исполненъ картинъ превосходныхъ, написанныхъ пламенною кистію! — Ломоносовъ хвалилъ очень открыто и просто; Петровъ имѣлъ особенное искусство хвалишь. Еще замѣтимъ, что и языкъ его не вездѣ шероховатъ. Есть цѣлыя оды, написанныя гладкими, гармоническими стихами.

Къ безсмертнымъ памятникамъ **ЕКАТЕРИНИНА** ѣрка безъ сомнѣнія принадле-

жашъ пѣснопѣнїя *Державина*. — Громкїя побѣды на морѣ и на сухоуѣ суши, покоренїе двухъ царствъ, униженїе гордости Опшоманской Порпы, столь спращенной прежде для Европейскихъ Государей, преобразование Имперїи, законы, гражданская свобода, великолѣпныя торжества, просвѣщенїе, тонкїй вкусъ, — все это было сокровищемъ для генїя Державина. Онъ былъ Горацій своей Государыни. Въ его шворенїяхъ описывается самая домашняя жизнь и времяпрепровожденїе Императрицы, мѣста, гдѣ Она гуляла въ часы отдохновенїя, гдѣ засѣдала съ Мудрецами, дабы рѣшить судьбу народовъ, гдѣ забавлялась играми Своихъ приближенныхъ. Все это и теперь кажется для насъ волшебнымъ! Пѣсни Державина будутъ драгоценны для Рускаго вмѣстѣ съ славою ЕКАТЕРИНЫ, съ славою Румянцова, Орлова, Суворова и другихъ знаменитыхъ людей Ея времени.

Можетъ быть, о Державинѣ скажутъ инокшорые то же, что сказалъ Квинтилїанъ объ Овидїи: *Nimius est ingenii amator*. Кажется, онъ иногда слишкомъ увле-

дается своимъ воображеніемъ. Нашъ Поэтъ, подобно Пиндару, полною рукою разсыпаетъ сапфиры, яхонты, брилліанты и рубины, гдѣ энергическія мысли его, какъ чистое золото, блестятъ сами собою, и не имѣютъ нужды ни въ какихъ украшеніяхъ. Державинъ — великій живописецъ. Краски его ярки и свѣжи, но не всегда бываютъ располагаемы нѣжною рукою, не всегда слышны, не всегда въ мѣрѣ; какъ роскошной богачъ, онъ ихъ кидаетъ, а не всегда располагаетъ съ заботливостію художника: такъ и полетъ генія! — Впрочемъ есть оды, которыя могутъ служить образцомъ чистоты и правильности расположенія. Характеръ одъ Державина по большей части правдоучительной; онъ ославилъ прѣсную спелую Ломоносова. Онъ хвалитъ, укоряетъ и учитъ. — Онъ писалъ оды духовныя, героическія, философскія, Анакреонтическія. Во всѣхъ его твореніяхъ встрѣчаются многія новыя, соображенныя имъ слова, которыя столь прекрасны въ его стихахъ, и столь смѣшны у его подражателей: онъ ввелъ также много гармоническихъ собственно Русскихъ словъ,

копорыя забыты были, или отъ всенароднаго употребленія казались низки для Поэзіи. Обѣ сіи золотыя руды остались собственностію Державина, отъ неискusstва ли другихъ Спихопворцевъ, или отъ того, что болѣе свойственны духу Рускаго Барда; — онѣ дають какую-то особенную новостъ его швореніямъ. — Ломоносовъ всегда рабъ своего предмета; Державинъ управляетъ имъ по своей волѣ. — Первый всегда равенъ въ своемъ пареніи; другой, подобно молніи, поражаетъ вдругъ, и часто скрывается отъ своего чипа-пеля. — Одного можно уподобить величественной рѣкѣ, пекущей постоянно въ берегахъ своихъ; другой уподобляется водопаду, имъ самимъ описанному, между камнями спремящему ярыя волны свои, всегда свободному, придающему нѣкоторую дикость самой природѣ. Ломоносовъ въ слогахъ болѣе чистъ, болѣе почтенъ, — бережливѣе, связнѣе; Державинъ цвѣшнѣе, разнообразнѣе, роскошнѣе. — Онъ возвышаетъ духъ нашъ, и каждую минушу даетъ чувствовашъ благородство всего духа; но въ мысляхъ его бываетъ иногда болѣе блеску,

нежели върности. Первыя оды его Анакреонтическiя гораздо прелестнѣе, нежели послѣднiя.

Оды *Хераскова*, при свойственнѣйшей ему знаменитому Писателю чистотѣ и гладкости стиховъ, всѣ почти спокойны, не имѣютъ быстрыхъ порывовъ, не дышатъ пламенемъ лирическимъ. — Судьба наградила его прубою военною.

Оды *Дмитрѣва* изящны, хотя не столь живописны, какъ Ломоносова и Державина. Онъ отличаетъя особливою исправностию слога. Пѣсни его лучше всѣхъ на нашемъ языкѣ. Онъ точно нашелъ эпоху запыливой, легкой образъ выраженiя, которой составляешь прелесть пѣснь сего рода. Но мы до тѣхъ поръ не будемъ имѣть ни пѣсень, ни писемъ въ большемъ количествѣ, пока прекрасной полѣ не рѣшился сдѣлать чести языку опеченному своимъ разговоромъ.

Кто не любитъ заунывной, а иногда величественной лиры *Калниста*!

Голенищевъ - Кутузовъ, Нелединскій - Мелецкій, Костровъ; Майковъ; Николевъ, Бобровъ, Долгорукой и другіе весьма много обогатили нашу лирическую Поэзію. Первый сверхъ того познакомилъ насъ съ Пиндаромъ; Греемъ, Сафою и Гезіодомъ:

Я не говорю здѣсь о нѣкопрыхъ лирическихъ твореніяхъ Господина Карамзина. — Буду имѣть случай болѣе распространиться о достоинствахъ сего почтеннаго Мужа, при разсмотрѣніи прозаическихъ нашихъ Писателей. — Перейдемъ къ *Поэмѣ* и *Драмѣ*.

Мы Рускіе весьма холодны, весьма нелюбопышны къ твореніямъ; имѣющимъ предметомъ своимъ нашу славу. У насъ есть *Россіяда*, *Владиміръ*: двѣ Поэмы; которыхъ содержаніемъ самыя важнѣйшія произшествія нашей Исторіи: — Большая часть Рускихъ знаютъ только по имени ту и другую Поэму, между тѣмъ какъ Ганриаду учатъ наизусть; рассказываютъ торжественно содержаніе всѣхъ Волперовыхъ трагедій, а нищо не говорятъ о томъ, въ чемъ состоитъ завязка отечественной Поэмы, какіе главные

картинъ прогашельныхъ, живописныхъ, по спопосложенію гладкому, чистому, благородному, по богатству эпизодовъ, хотя они иногда вредятъ единству дѣйствія; по важности самаго содержанія, наконецъ по цѣли Автора нравоучительной и высокой. Во *Владимірѣ* еще болѣе прекрасныхъ описаній и картинъ: — это достоинство предмета. Херасковъ часто водитъ чаша-шеля по пущамъ, по рощамъ и храмамъ таинственнымъ, и оживошворяетъ непоспимые догматы религіи. Явленіе совѣспи — въ образѣ дѣвы, разума — въ видѣ спарика, копорые напомнили о себѣ и исчезли — не можетъ произвестъ очарованія. Походы Всеволодовъ и Рогдаевъ упоминельны, какъ продолжительныя аллегоріи, копорыхъ весьма много. Сверхъ сихъ Поэмъ, Гомеръ Россійской написалъ еще прекрасную Поэму *Чемесской бой*, *Вселенную*, *Плоды наукъ* и пр. Онъ есть одинъ изъ обильнѣйшихъ нашихъ Спихопворцевъ.

Обезцѣнномъ швореніи, извѣспномъ подъ названіемъ *Душеньки*, не говорю ни слова; всѣ его знающъ наизустъ. Переводныя Поэмы у

насъ важнѣйшія: часть Гомеровоу Илліады, Энеида, Телемахида, Юнговы Ночи, нѣкоторыя пѣсни Овидіевыхъ превращеній, переведенныя Майковымъ, оставившимъ намъ нѣсколько комическихъ Поэмъ.

Мы чрезвычайно богаты драматическими твореніями. — Изданіе, подъ названіемъ: *Театръ Россійской*, если бы было продолжаемо, составило бы теперь поводовъ 100 и болѣе. — Но количество — не достоинство. Нынѣ изъ сего изданія ничего почти не играютъ.

Не возможно не возчувствовать удивленія, расширявая чрезвычайныя шаги Сумарокова въ успѣхахъ драмы. Представьте съ одной стороны нравоучительныя зрѣлища объ Олофернѣ при Царевнѣ Софїи и Деидамію, а съ другой въ такомъ близкомъ разстояніи Семиру, Синава и Трувора! — Сравните съ сими драматическими твореніями современныя творенія Ломоносова — Демофонта, Селима и Темиру: — вошъ почта, съ которой гений Сумарокова является въ самомъ блистательномъ видѣ. —

Книжка 1.

Ж

Дѣйствіе, характеры, напастрофы порядочно расположенныя: — все это было сочинено для Рускихъ Сумароковымъ; и въ то время, когда Рускіе цѣнишь его достоинствъ были не въ состояніи; какъ самъ онъ жалуется въ предисловіи своемъ къ Димитрію Самозванцу. Пустьъ говоряшъ, что Сумароковъ подражалъ: это не унижительно.

Геній-подражатель онъ простиго подражателя отличается тѣмъ, что онъ умѣетъ выбрать изящнѣйшее для подражанія, и даетъ подражанію живой видъ подлинника. Сумароковъ не переводилъ, какъ Княжинъ; но онъ, почувствовавъ въ иностранныхъ Писателяхъ изящность расположенія, завязокъ и развязокъ; характеровъ; старался сіе искусство перенести на свой театръ, и сохранялъ правила; которыя священны для народа образованнаго, тогда какъ мы, цѣлымъ полувѣкомъ отъ него удаленные, съ дикостію выслушиваемъ ученое слово: *дѣйствіе*, и не думая объ немъ, ищемъ драмы. — Въ Семиръ и Хоревъ легкость и краткость изложенія, быспроша дѣйствія, интересъ; завязка, характеры — все истинно трагич-

тесное. Справно покажется, что Димитрий Самозванецъ, слабѣйшее между другими твореніе, удержалось на театръ долѣе, нежели Семира, Синавъ и Труворъ. — Можетъ быть; этому причиною — приближенность происшествія, и хорошіе актеры, любившіе сію пѣсу. Какъ бы то ни было, Сумароковъ заслуживаетъ, чтобы лучшія пѣсы его были разобраны въ большемъ вниманіемъ. Онъ можетъ быть и теперь полезенъ еще многимъ нашимъ прагикамъ въ искусствѣ расположенія. Отъ чего упали трагедіи Сумарокова? — Причина: — устарѣлой языкъ и неблагоустройство разговора, которой часто бываетъ ниже комическаго. Чтобы чувствовать ходъ дѣйствія и завязку, для этого потребно вниманіе зрителя просвѣщеннаго. — Низость и непристойность разговора чувствуется всякой. Слогъ — великое дѣло. — „Чѣмъ лучше я Падона? говорилъ Расинъ. Тѣмъ, что лучше умѣю писать.“ — Такимъ образомъ забытый на театръ Сумароковъ спалъ существованіе только для однихъ Липерапоровъ; какъ первое лицо въ исторіи Россійской драмы:

О комедіяхъ его не скажу ни слова. Онъ всѣ показывающіе младенчество искусства.

Мѣсто Сумарокова занялъ родственникъ и ученикъ его *Княжнинъ*. Въ его трагедіяхъ слогъ чище, благороднѣе, возвышеннѣе, нежели въ трагедіяхъ Сумарокова. — Нѣтъ столь неприличныхъ и частыхъ обращеній къ предметамъ бездушнымъ, или *къ устами, рукамъ, слезамъ, огамъ*; но за то онъ впадаетъ въ противоположную погрѣшность. — Слогъ его бываетъ часто холоденъ, напыщенъ, несвободенъ: онъ перьялся въ подробностяхъ, и не умѣлъ себя останавливать; ему хотѣлось бытъ вездѣ высокимъ: въ одной сценѣ Росслава помѣстилъ онъ всѣ высокія слова, разсѣяныя въ разныхъ трагедіяхъ Корнеля, Расина и Волтера. Онъ подражалъ всѣмъ Французскимъ Трагикамъ вмѣстѣ, или лучше, переводилъ изъ нихъ. — Это — не Сумароковъ! — Почти ни одинъ планъ, ни одинъ характеръ, ни одинъ монологъ совершенно не принадлежатъ ему. Во Владисавѣ большая часть Меропы, часть Заиры и другихъ Волтеровыхъ трагедій. —

Витязарь; Вамиръ, Пальмира, сынъ ея, то же, что Полифонъ, Евриклесъ, Меропа, Егистъ, и пр. — Ярополкъ, Владиміръ, Рогнеда, Клеомена то же, что Орестъ, Пирръ, Герміона, Андромаха. Пылная ревность Орозмана присвоена Владисану, и такъ далѣе.... Вотъ это значить подлинно *перекладывать на Рускіе нравы!* Между комедіями его есть нѣкоторыя прекрасныя. — *Чудаковъ* и *Хвастуна* можно пославить не далеко отъ безсмертныхъ *Недоросля* и *Бригадира* Фон-Визина.

Послѣ Княжнина трагедія наша долго была въ нѣкоторомъ усыпленіи. — Нѣмецкія драмы наводнили театръ. *Кецебу* переведенъ весь; *Русалка* волшебнымъ своимъ жезломъ окаменила *Сумарокова*, *Княжнина*, драмы *Хераскова*, славныя комедіи *Фон-Визина*, *экивоки* *Клушина*. — Но *Озеровъ* разрушилъ очарованіе, — и снова обратилъ вкусъ публики на предметы важнѣйшіе. — Красота слога въ его трагедіяхъ составлялъ главное достоинство; планы не вездѣ щасливы, характеры не вездѣ поддержаны; въ нравахъ соблюдена не всегда

надлежащая почность. — Если бы на пр. Авторъ подражалъ Эдипу Софоклову, а не Дюсисову, тогда бы планъ его былъ стройнѣе, и Греки дѣйствовали бы по - Гречески.

Подражая второкласнымъ Писателямъ, мы часто подражаемъ погрѣшностямъ въ сужденіи времени и характеровъ.

Озеровъ возбудилъ соревнованіе въ питомцахъ Мельпомены. — Какое множество трагедій родилось въ прошедшемъ году! — Но всѣ онѣ имѣютъ болѣе эпическаго достоинства, нежели драматическаго. Слогъ хорошъ: недостатковъ теоріи вездѣ чувствительнѣе. Довольно о драмѣ.

Въ Эклогахъ мы образцовъ не имѣемъ. — Бѣдной учитель Литературы, говоря въ классѣ о семъ родѣ сочиненій, не знаетъ, что представить въ примѣръ; ибо неблагопріятныя Сумарокова Эклоги не могутъ быть чипаны ни по какимъ отношеніямъ.

Сапира наша также не въ дѣвущемъ еще состояніи. — Исправность слога, острота ума Кантемирова заслуживаютъ

все уваженіе. — Но будутъ ли его читать и въ, которые привыкли къ гармоніи стиховъ новѣйшихъ, къ языку очищенному? Сумароковы сатиры не пріобрѣли особеннаго вниманія. — Въ послѣднее время показались нѣкоторыя весьма удачныя сочиненія въ семъ родѣ; но онѣ не изданы и по большей части въ рукописяхъ, а потому и говорить объ нихъ ничего не можемъ.

Мы очень богаты Припѣчами. — *Сумароковъ* нашелъ ихъ среди простаго, низкаго народа; *Хемницеръ* привелъ ихъ въ городъ; *Дмитріевъ* отворилъ имъ двери въ просвѣщенныя, образованныя общества, отличающіяся вкусомъ и языкомъ. Басни *Крылова* заслуживаютъ также все уваженіе,

Кромѣ упомянутыхъ мною здѣсь Авторовъ есть еще многіе, обратившіе на себя истинными достоинствами справедливое одобреніе публики. Нѣкоторые изъ нихъ почтили наше Общество своимъ именемъ и трудами; другіе уча-

ствують въ занятїяхъ знаменитой *Бесѣды*. — Но краткость времени не позволяетъ мнѣ продолжать далѣе свое Разсужденіе. Я ограничилъ себя пѣтми Писателями, которые имѣли вліяніе на ходъ Россійской Словесности, и которыхъ сочиненія изданы вполне. Замѣтнѣе вообще должно, что никогда отличные таланты и соревнованіе не являлись въ такомъ обильномъ количествѣ, какъ нынѣ: — вѣрный знакъ повсемѣстно распространяющагося просвѣщенія и любви къ наукамъ. — Слава вѣку АЛЕКСАНДРА! — Слава благонамѣренному Правительству! —

Изъ сего краткаго описанія Словесности нашей, М. Г., — Вы уже видите, чего намъ желать надобно, и какія средства употребить должно въ распространенію изящнаго во всѣхъ родахъ. — Что касается до языка, то пусть печеніе онъ своимъ путемъ. — Когда будетъ пламеннѣе любовь опечесвенная, когда національная гордость возвысится, когда благоденствіе наше продолжится неизмѣнно, тогда и языкъ не потеряетъ наследственныхъ красотъ своихъ. — Работы его медленны, и зависятъ

отъ времени ; одно главное правило — *любить его*. — Въ отношеніи къ Словесности, видите вы, что мы имѣли и имѣемъ знаменитыхъ Писателей ; но она по сію пору не достигла еще надлежащей степени образованія. Большую часть молодыхъ нашихъ Писателей можно сравнить съ прекрасными пѣвцами, которые поютъ не столько по правиламъ искусства, сколько по слуху, съ голоса. — Въ талантахъ Россія изобильна ; нужно ученье. — Ученье имѣетъ двѣ отрасли : *правила и образцы*. Въ правилахъ, или вообще въ курсахъ Словесности имѣемъ величайшій недостатокъ. У насъ нѣтъ ни одного полного курса Словесности ; — при только извѣстныхъ Риторикахъ : Ломоносова, Преосвященнаго Амвросія, Рижскаго ; — всѣ, какія есть ; Пѣписки заключаютъ правила о словоупотребленіи, а не о существѣ и родахъ Поэзіи. — Не говорю о другихъ учебныхъ сочиненіяхъ, изданныхъ для нѣкоторыхъ частныхъ Училищъ. — Въ разсужденіи образцовъ, должно признаться, что мы не тамъ ихъ ищемъ, гдѣ должно. — Французская Литература безъ сомнѣнія воз-

выщена до возможной степени совершенства : — но Французы сами подражали ; припомѣ въ подражаніи своемъ принаравливались къ своему времени , ко вкусу , шполь непостоянному , къ обстоятельству , шполь многоразличнымъ ! — По чему намъ , для сохраненія собственнаго своего характера и своей чести , не почерпнуть сокровищъ чистыхъ , неизмѣненныхъ , изъ той же первой сокровищницы , изъ которой они почерпали ? — по чему намъ также непосредственно не пользоваться наставленіями ихъ учителей , Грековъ и Римлянъ ? По чему гордимся бытъ подражателями часно слабыхъ подражателей , имѣя способности и силы снимать съ самыхъ подлинниковъ ! Я уже не говорю о томъ , что всего хуже , о томъ , что подражая швореніямъ живаго народа , имѣющаго съ нами сношенія , подражаемъ нечувствительно его нравамъ и обычаямъ , и перьямъ свой характеръ и свою національную гордость , которую можно назвать основаніемъ и опорю народной славы , — короче : сами шворимъ себѣ умственное рабство !!! Пагубное предразсужденіе или паче ,

нерадвніе, влекущее за собою несчастныя слѣдствія! Подражайте Французамъ въ трудахъ, въ изысканіяхъ, въ неупоминности; занимайтесь изученіемъ древнихъ Писателей, также, какъ они, — и вы достигнете желаемой цѣли.

При семъ случаѣ невольно приближились мы къ Крипикъ. — Ее можно называть матерью и спражемъ вкуса. — Къ несчастію, она была у насъ въ великой немилости; ее предсавляли въ видѣ страшномъ, въ видѣ открытой брани. — Въ семъ случаѣ опчасти не правы и шѣ, которые пишушъ разборы, опчасти и шѣ, на которыхъ пишушъ. Первые не соблюдаютъ правилъ безприсрасптія, не отдѣляютъ особы Авпора отъ его творенія; другіе, позабывъ, что одинъ Богъ безгрѣшенъ, почитаютъ себя чуждыми всякой слабости. Почему бы сердиться на нѣкоторые доказанныя погрѣшности, когда ихъ находятъ и въ Гомерѣ, и въ Расинѣ, и въ Волперѣ, и Боало, ни мало не помрачая славы сихъ Писателей! — Ибо такимъ только образомъ

Авторы становятся полезными молодымъ людямъ и Липерашурѣ.

Къ симъ недостаякамъ присоединить должно какое-то непонятное равнодушїе къ талантамъ. Ободренїе можно назвать жизнїю дарованїй. Что можетъ воспламенить молодаго Поэта, когда у насъ нѣкоторые изъ невѣжества не могутъ цѣнить его шворенїй, и по тому же невѣжеству, слѣдуя споронъ коварной, предпочитаютъ достойному недостойное никакого вниманїя; другїе — лишаютъ бѣднаго Сочинителя и послѣдней чести — бранить его; ибо они и говорятъ и мыслятъ только по Французски, и не подозреваютъ даже, что бы на Рускомъ языкѣ могло быть что нибудь написано посредственное! — прешь — смотрявъ на все — глазами усыпленнаго роскошью Сапрапа; — смотрявъ, и не видятъ; слушаютъ и не слышатъ; но пришворяются любителями изящности или учености, потому что этого пребываетъ обыкновенїе. — Чего надѣяться Рускому Писателю, когда прекрасной полѣ

и нынѣ почитаете излишнимъ разумѣть
языкъ Руской ?

И такъ: 1е, Учебныя книги или теорія,
2е, Надлежащее знаніе древ-
нихъ образцовъ,
3е, Криптика благоразумная,
4е, Всеобщая привязанность
къ истинной Литераатурѣ,
5е, Науки основательныя: —

вошъ средства къ образованію нашей Сло-
весности. Все, объ чемъ я ни говорилъ
теперь, Милостивые Государи, извѣстно
Вамъ болѣе, нежели мнѣ. — Намѣреніе
мое было, представить Литераатуру въ бли-
жайшемъ видѣ, особливо при началѣ ра-
ботъ нашихъ. — Въ мнѣніяхъ о Писате-
ляхъ, можете быть, я много погрѣшилъ;
можете быть, покажусь инымъ слишкомъ
свѣлымъ и рѣшительнымъ. — Оправданіе
мое заключается въ самомъ предметѣ моей
Рѣчи. — Я упомянулъ о твореніяхъ Писа-
телей кратко, для того только, чтобы
обратить на нихъ Ваше вниманіе, какъ на
образцы; я не писалъ имъ Панегирика,
но хотѣлъ показать ихъ вліяніе на Сло-

весность нашу. — И къ чему бы годилась славная похвала моя предъ такими судьями, какъ Вы? — Всякой благомыслящей приметъ во благо мое намбреніе; ибо оно совершенно соопвѣпспвуетъ цѣли Общества: — этого требовали долгъ мой и полза Литературы. — Да благословитъ Богъ добрыхъ начинаній наши къ успѣхамъ языка и Словесности, къ чести собственной Вашей и къ славу Ошечества! —

Мерзляковъ:

ЗАСЛУГИ ХЕРАСКОВА ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Милостивые Государи!

Древность, богатая произведеніями Наукъ, возбуждающими въ насъ удивленіе, умбла цѣнишь отличныя дарованія, умбла награждать необыкновенныя напряженія ума почестями и славою, и чрезъ то возпламеняла въ другихъ благородное соревнованіе. Гомеры, Пиндары и Софоклы воспрощивались усиліямъ вѣковъ, и пережили свое отечество. Семь городовъ спорили о мѣстѣ рожденія творца Илліады и Одиссеи; каждый изъ нихъ присвоивалъ себѣ сію славу. — Греческій Лирикъ, превзошедшій всѣхъ предшественниковъ своихъ, заслужилъ пышное шипло *Царя лирическихъ Стихотворцевъ*. — Софоклъ, отецъ трагедіи, одержавшій преимущество надъ Эсхиломъ и дѣлившій славу съ Эврипидомъ, по согласію знаменитыхъ, названъ *Аптекою лгелю*. Вся Греція, собравшись въ Афинахъ, прославила

блистательные его успѣхи ; гласъ провозвѣстника объявилъ его побѣдителемъ; раздались рукоплесканія по амфитеатру — и лавровый вѣнокъ возложенъ былъ на главу Софокла — и его имя внесено въ отечественныя лѣтописи. Знаменитые Художники, которыхъ рѣзецъ посвященъ былъ изваяніямъ боговъ и героевъ — Фидій и Пракситель — изобразили на мѣди и мраморѣ черты лица его. Не меньшею славою наслаждался и Греческій Ораторъ, по слѣдамъ коего и самый Цицеронъ шествовалъ; краснорѣчивый Демосенъ, предпочтенный Эсхину, болѣе извѣстному по ненависти къ сопернику своему, нежели по своимъ талантамъ, — Демосенъ награжденъ золотою короною отъ Аѳинянъ, пѣнными даромъ вишійства, признавательныхъ къ его дарованіямъ.

И въ позднѣйшія времена, когда свѣтъ Наукъ распространился, когда всѣ начали чувствовать, что просвѣщеніе составляетъ единственную потребность души, отличныя дарованія увѣнчивались лестными наградами. И въ любезномъ Отецествѣ нашемъ, процвѣ-

тавшемъ подѣ правленіемъ Государей, которые неупомимо пеклись о образованіи своего народа, преимущества раздаваемы были болѣе по успѣхамъ въ просвѣщеніи и личнымъ заслугамъ, нежели по знатности рода. ПЕТРЪ I, мудрый Преобразитель Россіи, и ЕКАТЕРИНА II, Совершившая великихъ намѣреній Великаго Своего Предка, знали, что Россіяне отъ природы одарены всѣмъ, что можетъ возвести ихъ на высочайшую степень народнаго благоденствія; знали — и не щадили ничего для приближенія ихъ къ гражданскому величію. Ревность къ успѣхамъ въ наукахъ поощрялась Монаршимъ благоволеніемъ, опличіями и наградами. Не тогда ли прославился *Феофанъ*, Россійскій Злапоустъ, украсившій духовныя свѣтскія свои творенія цвѣтами убѣдительнонаго витійства, ревностный сотрудникъ неупомимаго Монарха? Не тогда ли явился *Кантемиръ*, ученый и остроумный, воспользовавшійся наставленіями Прокоповича? Не тогда ли возсіялъ, какъ лучезарное свѣтило на тверди небесной, *Ломоносовъ*; Орапоръ и Поэтъ, Историкъ и Химикъ, распоргнувшій завѣсу, скрывавшую богатство, кра-

Книжка I. 3

соцу и силу Россійскаго слова? Не тогда ли предсталъ и *Сумароковъ*, изслѣдовавъ тайнственныя пути Парнасса, учредишь правильныхъ зрѣлищъ на Россійскомъ театрѣ, любимецъ Талїи и Мельпомены, распространишь красоту стихотворческихъ? . . . На нихъ, на сихъ обогатишелей нашей Словесности, отъ Престола изливались милости съ такою же щедростію, съ какою награждаемы были заслуги Долгорукихъ и Голицыныхъ, подвиги Задунайскихъ и Рымникскихъ.

Въ нынѣшнее время, благопріятнѣйшее для просвѣщенія — когда АЛЕКСАНДРЪ I, шествующій по стопамъ преславныхъ Предшественниковъ Своихъ, ознаменовалъ мудрое и челолюбивое царствованіе Свое учрежденіемъ Университетовъ и другихъ Училищъ на прочнѣйшемъ основаніи для распространенія нравственного Россіянъ образованія, сего вѣрнѣйшаго источника государственнаго величія — когда всякой членъ общества ревностнѣе стремится къ одной великой цѣли: ко благу Отечества — въ нынѣшнее время отверстъ свободный путь къ самымъ лестнымъ выгодамъ и

преимуществамъ для людей, посвятившихъ себя ученому сослоянїю, и общепольными произведенїями ума оправдывающихъ надежду предусмотрительнаго и благотворнаго Правительсва. Почести сопровождаютъ Любителей наукъ во время жизни; Слава творитъ незабвенными имена ихъ и по смерти.

Восхищительно для ума и сердца прославлять мудраго и прозорливаго *Государя*, который при многоразличныхъ дѣянїяхъ, при неизчетныхъ трудахъ имѣлъ одно намѣренїе: счастье народа, Промыслѣ Ему ввѣреннаго; — Монарха, спранствовавашаго по отдаленнымъ царствамъ, чшобы сокровищами познанїй, плодами наукъ и искусствъ обогатить свое Опечество; собственнымъ примѣромъ возбуждавашаго ревность къ трудолюбію; — Самодержца, который исполинскими шагами шествовалъ къ совершенству, былъ равно величественъ среди грозныхъ бурь жизни и среди тихой ясности правленїя, оказывалъ самому себѣ въ отдохновенїи послѣ многотрудныхъ и утомительныхъ занятїй, дабы народы,

Ему подвластные, покоились; — искоренишеля предразсудковъ, заблуждений и пороковъ; насадишеля просвѣщенія и добродѣтелей, украшающихъ общежитіе; грознаго врагамъ, обожаемаго подданными: — и кто изъ Россіянъ съ чувствомъ благоговѣйнаго удивленія, со слезами благодарности не воспоминаетъ *ПЕТРА Великаго*?

Упѣшишельно передашь потомству изображеніе добраго *Пастыря*, неусыпнаго стража паспвы своей, ревнишеля по благочестію, хранишеля *Апостольскихъ* преданій, краснорѣчиваго проповѣдника *Евангельскаго* ученія, доспойно именуемаго свѣщильникомъ церкви, органомъ истины, примѣромъ святаго житія, зеркаломъ добродѣтелей: — и кто безъ сердечнаго умиленія приводитъ себѣ на память дѣла *Димитрія, Митрополита Ростовскаго*?

Пріятно описывать дальновиднаго и опытнаго въ политикѣ *Вельможу*, спрогаго блюстишеля законовъ, не отвлекаемаго отъ многообъемлющихъ своихъ занятій подслащенными примакками удовольствій, не обольцаемаго блескомъ золота,

не знающаго лести, пресмыкающейся около престоловъ; — Вельможу, коего каждая мысль стремишся къ пользѣ общественной, каждый шагъ приближаетъ къ благопворенію, каждый взглядъ дышетъ милоспїю, каждое слово вливаетъ утѣшеніе въ сердца несчастныхъ; — облегчителя трудовъ Монаршихъ, безпристрастнаго посредника между сильнымъ прихвснителемъ и гонимую невинностью: — и кто, чистая испорію Князя Якова Федоровича Долгорукаго, откажетъ ему въ душевномъ почтеніи?

Сладостно изчислять подвиги Героя - Патрїота, во всѣхъ дѣлахъ своихъ руководимаго упованіемъ на Промыслъ и вѣрностію къ Государю, дерзающаго на всѣ опасности для спасенія Отечества, угрожаемаго необузданными врагами; — Героя, прозорливаго въ предпрїятїяхъ, твердаго въ намѣренїяхъ, рѣшительнаго въ исполненіи зрѣло обдуманыхъ плановъ, мужественнаго на равномъ полѣ, человеколюбиваго по одержаніи побѣды; — Героя, который возвышается надъ спростыми, поработчающими обыкновенныхъ людей; преодо-

лѣваешѣ ужасныя преграды , поставляемыя грозною природою; презираешѣ шипѣнїе завиши и лѣв злорѣчїя, вездѣ и всегда поражаетѣ непрїятелей Россїи ; который наконецѣ съ вершины блистательной славы переходитѣ, подобно Цинциннату , въ мирное сельское уединенїе ; чѣтобѣ и шамѣ зацнматѣся благомѣ Опечесѣва : — и кто съ воспоргомѣ не внимаешѣ повѣспвоанїамѣ о Геробѣ , опягченномѣ лаврами — о Румянцовѣ - Задунайскомѣ ?

Прейдемѣ ли молчанїемѣ заслуги , Россїйскимѣ Гомеромѣ оказанныя опечесѣвенной Словесности, и особенно Поэзїи ? оставимѣ ли безѣ прославленїя любимца Музѣ , который говорилѣ языкомѣ вдохновенїя , ко его произведенїя ознаменованы печатью ума , образованнаго и зрѣлаго , обильнаго въ изобрѣшенїи , основательнаго въ сужденїи , богатаго въ выраженїи мыслей — воображенїя плодовишаго въ вымыслахѣ , игриваго въ мечтахѣ , пылкаго въ представленїяхѣ — чувства нѣжнаго , плѣнявшагося изящнымѣ и совершеннымѣ — вкуса щоннаго и разборчиваго ? Забудемѣ ли того

Писнопѣвца, котораго наставленія, совѣты и примѣры много содѣйствовали къ образованію способностей въ молодыхъ Стихотворцахъ, доказавшихъ уже зрѣлость своихъ талантовъ? Забудемъ ли знаменистаго Поэта, который поставлялъ славу свою въ прославленіи благоденствующей Россіи, и бывъ уже украшенъ сѣдинами, съ юношескою пылкостью игралъ на запоспрудной лирѣ своей, привлекъ вниманіе многихъ Россійскихъ Монарховъ, заслужилъ отличное благоволеніе каждаго изъ Оныхъ, и двукратно былъ Попечителемъ Московскаго Университета — Попечителемъ, совершенно оправдавшимъ сіе почтеннѣйшее званіе?

Незабвенный *Херасковъ*! давно уже чувство удивленія и благодарности къ тебѣ шило въ груди моей; давно уже мысли мои стремились принести праху твоему жертву хваленія, хотя слабую, но усердїемъ дополняемую. Нынѣ да позволено мнѣ будетъ исполнить сіе желаніе. Не смѣю льстить себя надеждою изобразить дарованія твои во всемъ ихъ пространствѣ.

Наперсникъ Аполлона достойно можетъ быть воспѣтъ только подобными себѣ. Судить о картинахъ Рафаеля, единогласно признаннаго первымъ живописцемъ, и прославлять искусство его, можетъ только Корреджіо или Рубенсъ. Но вмѣняется ли въ дерзость неопытному ученику его, если онъ, покорясь могущественному впечатлѣнію, въ немъ произведенному образцовой работою своего Учителья, восхищается одушевленною его кистію, дивится правильности въ рисовкѣ, и сообщаетъ другимъ свой восторгъ, свое удивленіе? Осмѣливаюсь и я цѣлпами, выбранными изъ швоихъ сочиненій, украситъ памятникъ, воздвигнушый надъ швоимъ прахомъ. —

Имѣя въ виду начерпать заслуги Михаила Матвѣевича *Хераскова* въ отечественной Словесности, раскрываю *Россіяду*, эпическую Поэму, важнѣйшее, превосходнѣйшее изъ его швореній. Кто не знаетъ, съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ воспѣты въ ней разрушеніе Казанскаго царства, испребленіе враговъ Христіанства, любовь къ Отечеству, зрѣлость въ Го-

сударю вельможъ и воиновъ , наконецъ торжество , слава и благоденствіе Россіи ? Герой Поэмы , Іоаниъ Васильевичъ II , изображенъ въ точномъ значеніи сего слова : мужественнымъ , рѣшительнымъ , непоколебимымъ среди превратностей счастія . Намѣреніе Поэта , произвести удивленіе , тронуть сердце и вдохнуть высокія чувствованія изображеніемъ Государя , водимаго надеждою на Провидѣніе , и слѣдственно подкрѣпляемаго *вышестественною Силою* , — наконецъ , по преодоленіи величайшихъ искушеній и препятствій , достигшаго къ предмету своихъ желаній — сіе намѣреніе весьма удачно доведено до своей цѣли . Характеры лицъ живо начерпаны , совершенно себѣ подобны и сообразны съ общимъ о нихъ мнѣніемъ ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ нѣчто единственное , собственное . Вводныя повѣсти (эпизоды) , на прим. о Сеитѣ , Османѣ , Алѣ и Аспалонѣ , зависятъ отъ одного главнаго предмета , служатъ къ его возвышенію и украшенію . Всѣ части , составляющія огромное цѣлое , имѣютъ близкое къ нему отношеніе , хранящъ между собою связь неразрывную .

Усмиреніе мятежныхъ Ордынцовъ составляетъ единственное намѣреніе, измена Алея и война съ Крымцами — главное препятствіе, а покореніе Казани — развязку. Дѣйствіе продолжается около года. Высокое нравоученіе, почерпнутое изъ разсужденій и дѣйствій лицъ, опличается мыслями полъ возвыщенными, что Мильшонъ и Тассъ не постыдились бы признашь ихъ своими.

Выписывать лучшей мѣста изъ *Россiады*, значило бы составить цѣлую книгу. Приведемъ для примѣра только нѣкошорыя. Начнемъ съ Героя Поэмы.

Іоаннъ, принявъ швердое намѣреніе усмирить Ордынцовъ, и готовясь выступить въ походъ съ воинствомъ своимъ, совѣщовался съ Полководцами объ успешнѣйшемъ произведеніи въ дѣйство сего предпріятія. Вдругъ входитъ Царица, держащая своего младенца. Слухъ о скоромъ отбѣздѣ Государя поразилъ ее. Объявая горестію, употребляетъ сна все для преклоненія супруга, не разлучаясь съ нею, не подвергая опасности жизнь, для нее

драгоценную. Къ чему не прибѣгала нѣжность ея для убѣжденія Іоанна? Слезы и рыданія прерывали слова ея :

Когда не пронешься любовію моею,
 Ужель не умягчишь тебя младенецъ сей?
 У ногъ твоихъ лежитъ онъ съ матерью несчастной,
 Уже лишенной чувствъ, отчаянной, безгласной!
 Смотри: онъ силится въ слезахъ къ тебѣ воззрѣть,
 Онъ хочетъ вымолвить: не дай мнѣ умереть!
 Читай въ очахъ его нѣмые разговоры;
 О чемъ молчишь языкъ, о томъ расскажутъ вѣтры.

— — — — —
 Когда же люпый сей походъ уже положенъ,
 И въ брань идти отказъ Монарху не возможенъ,
 Такъ пусть единою мы правимся судьбой:
 И сына и меня возьми, мой Царь, съ тобою;
 Съ тобою будетъ трудъ спокойства мнѣ дороже;
 Я камни и пески почту за брачно ложе.

Іоаннъ, подобный кедру, въпрямь колеблемому съ двухъ пропивныхъ сторонъ, чувствуешь сильную борьбу любви къ Отечеству съ любовію къ супругѣ; погружаешься въ задумчивость, подавляешь горести своего сердца; но слезы капаются по лицу Героя. Вотъ рѣшительный опѣтъ его:

Мой первый долгъ законъ — Отечеству услуга!

Какая черта великой души! Удивляемся, и вѣримъ, что нашъ Поэтъ зналъ чело-
вѣческое сердце, и умѣлъ проникать въ
сокровеннѣйшіе изгибы его.

Херасковъ хотѣлъ изобразить Іоанна
перпѣливымъ и великодушнымъ — и успѣлъ
въ своемъ желаніи. Въ то время, когда
все войско, изнуренное дальнимъ походомъ,
палимое зноемъ, помилось жаждою, —
два воина, удалясь ночью отъ дружины
своей, находятъ ручей, не помнятъ себя
отъ радости, почерпаютъ воды, и съ
воспоргомъ приносятъ Государю. Герой,
обнявъ ихъ, говоритъ :

Или вы чаете, что въ семъ пространномъ полѣ
Вашъ Царь слабѣе всѣхъ, и всѣхъ помнитъ болѣе
Томлюся больше всѣхъ въ несчастливой судьбѣ
О страждущихъ со мной, томлюсь не о себѣ.
Пойдемъ и принесемъ вашинокъ сей скорбящимъ,
Несчастливымъ ратникамъ, поishi въ гробахъ лежа-
щимъ;

Подарокъ сей для нихъ, не для меня мнѣ милъ.

Какой урокъ для Государей! сдѣлаешь ли
болѣе сего ошецъ для дѣтей, вѣжно люби-
мыхъ? И храбрые воины поклялись умереть
за Іоанна. Сего не довольно. И дряхлые

старцы становятся въ ряды, шѣснѣясь
подъ хоругви Опечесшва;

— — — мечей внимая звуки,
Беруть оружіе въ прелещущія руки;
Едва біжуща щипомъ покрыли грудь;
Казалось, лебеди летящѣ съ орлами въ нуть.

Да и могли ли они не чувствовашь усердія
къ тому, который,

Пренебрегая зной и люшу казнь небесну,
Томленный жаждою и въ потъ и въ пыль,
Въ среднѣ ратниковъ ложился на землю;
Послѣдній — пищу бралъ, но первый — передъ
войскомъ
Являлся духомъ твердъ во подвигъ геройскомъ?

Посмотримъ на другую картину. Прекрапилось сраженіе съ Ордынцами; воины
вносятъ въ царской спанъ Князя Троекурова
тяжело раненаго. Внчанный Герой
видитъ любимца своего блѣднаго, окрова-
вленнаго, почти безъ дыханія; глава его
склонилась на грудь; уста онѣмѣли, очи
померкли . . .

Рыдая Іоаннъ бездушнаго объемлетъ;
Но Царь, обнявъ его, еще дыханье внемлетъ.
Герой сей живъ! . . . онъ живъ! . . . въ во-
споргъ вопіетъ;
Самъ сплететъ одръ ему и воду подастъ.

Поэтъ , изобразивъ Героя своего соспрада-
пельнымъ , умбющимъ цвнипь заслуги ,
гопвымъ на всѣ пожертвованїя для со-
храненїя хранищелей Опечеснїва , приба-
вляешъ :

Коль такъ Владѣтели о подданныхъ пекутся ,
Они безгрѣшно ихъ опцами нарекутся .
Ахъ ! для чего не всѣ носящїе вѣнцы
Бываютъ подданнымъ поль нѣжные опцы ?

Желанїе , достойное сердца , болѣзнующаго
о помѣ , что на землѣ такъ много не-
счастливыхъ , и такъ мало утѣшителей !...

Хопите ли видѣть рашное поле , и на
немъ поражающихъ и пораженныхъ ? не-
вольнымъ ужасомъ почувствуете себя обѣ-
ятыми ! Смошрите :

Тотъ скачешъ на конѣ , мося стрѣлу въ гор-
пани ;
Иной , въ груди своей имѣя острый мечъ ,
Отъ смерти думаетъ , носящїй смерть утешъ ;
Иной , пронзенный въ пылъ , съ коня спремглавъ
вализся ,
И съ кровью жизнь спѣшитъ его усами липсья ;
Глаза подвемлюща кашись тамъ глави ,
Пронносящая невашныя слова ;
Иной безпамшенъ въ кровавомъ скачешъ полѣ ,
Но конь его спремитъ на конья по неволь.

Какое богатство мыслей и обиліе уподобленій, какая сила выраженій — видны въ описаніи военачальниковъ, раздѣлявшихъ пруды и торжество, ужасы и славу съ Іоанномъ! Здѣсь видишь Князей: Микулинскаго, Мспиславскаго и Пенинскаго, неуспрашимыхъ подобно лвамъ разъяреннымъ; тамъ — Курбскій и Щеняшевъ, преуспѣвшіе въ военномъ искусствѣ, рыцари прозорливые, пылкіе, неупомимые, поспѣшающіе на сраженіе какъ на пиршество; за ними слѣдуютъ: Пронскій, подобный громовой тучѣ, и Хилковъ, дальновидный и опытный, посѣдѣвшій на полѣ брани; далѣе — Романовъ, и Плещеевъ, сотрудникъ его, достойно именуемые Россійскими Ираклами; Палецкой и Серебряной, попрысающіе оружіемъ опъ неперлвнїя сразисься съ непришелемъ; наконецъ — Шереметевъ, Шемякинъ и Троекуровъ, воспитанники Марсоуы, одаренные всеопровергающею силою; всѣ въ доспѣхахъ, горящихъ подобно молніи; всѣ вооружены копьями и мечами. — Какія препоны остановятъ быспрошу и мужество такихъ предводителей! какой гордый Османъ не смирился, какой сви-

рѣпный Едигеръ не преклонитъ колѣнъ предъ ними? Никакая швердыня, никакое царство не устоитъ отъ ихъ оружія.

Кто откажется принести дань пощенія храброму защитнику Отечества, который среди несчастія чувствуетъ свое достоинство, помнитъ священные обязанности, на него возложенныя; непоколебимый, какъ граничная скала, противоборствуетъ искушеніямъ, для чувствъ обольстительнымъ; не спрашится ни угрозъ, ни казней, и съ радостію ожидаетъ послѣдней минушы, въ которую съ Ангельскою улыбкою на лицѣ можетъ сказать: *умираю за Вѣру и Отечество!* Таковъ Рославъ у Княжнина; таковъ и Палецкій у *Хераскова*. — Едигеръ, видя приближеніе того ужаснаго времени, въ которое долженъ преклонить еяю свою къ стопамъ Россійскаго Государя, прибѣгаетъ къ хитрости. Князь Палецкій впадаетъ въ сѣти, разставленныя злодѣемъ. На несчастномъ плѣнникѣ звучалъ уже оковы. Его влекутъ на лобное мѣсто. Является Едигеръ; алкоранъ въ рукахъ его. Указы-

вая Князю на книгу вѣры Магометовой, и на прекрасную дѣвицу, подлѣ него стоявшую, потомъ на орудія казни, на другой сторонѣ разложенныя, велитъ избирать то, либо другое. Негодованіе обвѣло Рускаго воина; пламя гнѣва запылало въ очахъ его. Онъ не долго колебался — и тиранъ закипѣвъ яростію, услышавъ отвѣтъ:

— — — Иду на смертну казнь!
 Оставь мнѣ мой законъ, себѣ оставь боязнь!
 Ты смѣлымъ кажешься сѣдящій на престолѣ;
 Не такъ бы гордъ ты былъ предъ войскомъ
 въ ратномъ полѣ;
 Не угрожай ты мнѣ мученьями, тиранъ!
 Господь на небесахъ, у града Іоаниѣ.

Не лзя лучше описать добродѣтельнаго Вельможу, умнаго совѣтника и ревностнаго напріюта, какъ Херасковъ описываетъ Адашева, твердаго среди развратовъ, истиннаго друга Іоаннова, украшеннаго болѣе величествомъ души, нежели саномъ.

Храняща лѣсть еще подъ спражей царскій Дворъ,
 Увидя правду въ немъ, попустила свой взоръ;
 Отчаянна, блѣдна и завистью грызема,
 Испытываетъ все, ждетъ солнца, тучъ и грома.

Кому Іоаниѣ съ опкрытымъ сердцемъ могъ
 говорить:

Книжка I.

И

Ты честенъ; можешь ли не быть другъ Царя? шопъ не боялся — да и чего спрашивается прямая добродѣтель? — не боялся напоминать ему обязанности верховнаго сана:

Ты долженъ разбирать не лица, но сердца;
Вниманья каждой вздохъ — на провъ удостоить;
Тогда познаешь, какъ народно благо стритъ.

Какой краснорѣчивый Орапоръ опишетъ живбе и разительнбе Князя Курбскаго — Вельможу, руководимаго не личными выгодами, не гордыми намбренїями — одною справедливостїю; уважаемаго Царемъ, Боярами и войскомъ — защитника притѣсненныхъ, друга человѣческа, котораго народъ почиталъ Ангеломъ хранителемъ — Героя, который однимъ ударомъ меча повергъ къ ногамъ своимъ ужаснаго Исканара, предводителя Татаръ Крымскихъ, и увѣнчалъ Россїю — безсмертною славою, себя — блистательнѣйшими лаврами — Военачальника, дѣятельностїю своею превзошедшаго, или лучше сказать, затмившаго всѣхъ своихъ сподвижниковъ; оказавшаго великія услуги Царю Россійскому, и почтавашаго ихъ ничтожными; высоко цѣнивашаго все, кромѣ своихъ подвиговъ! . . .

Не въ полномъ ли блескѣ величія предста-
вленъ Курбскій,

Сіявшій какъ луна между звѣздами въ тѣмѣ,
Въ душѣ усердіемъ и славой во умѣ?

Не истиннымъ ли сыномъ Отечества, не
ревностнымъ ли подкрѣпителемъ престола
изображенъ пошв, чье сердце согласно бы-
ло съ словами, предъ лицомъ всего воин-
ства имъ произнесенными:

Коль царству предлежитъ опасность и бѣда,
Не спрашенъ пламень мнѣ, ни вихри, ни вода.
Россіане къ трудамъ и славѣ сопворенны?...

Любопытство возрастаетъ постепенно —
картины новыя, одна другой разнообразнѣе
и пѣвнѣе, представляются умш-
веннымъ взорамъ, когда въ концѣ VIII
Пѣсни находимъ Государя бесѣдующаго съ
мудрымъ пуспынникомъ Вассіаномъ, от-
крывающимъ ему будущія произшествія,
показывающимъ длинный рядъ Монарховъ,
имѣющихъ послѣ него царствовать. Прозор-
ливый спарецъ, дошедшій до ужасныхъ бѣдъ
спшій, въ бурное время междуцарствія пер-
завшихъ Россію, и описавъ жестокости
Поляковъ, говоритъ:

Богатство — тѣнь и прахъ; но славно есть оно,
Кель будетъ общему добру посвящено.

И я

Позналъ имѣнія такую Мининъ цѣну ;
Онъ злато изоспиралъ , дабы сразить имѣну.

— — — — —
Какъ бурный вихрь, Москву Пожарскій окружаетъ,
Кидаетъ молніи, Поляковъ поражаетъ ;
Съ другой стороны даритъ Опечеству покой,
Бросая громъ на нихъ , Демитрій Трубецкой.

Простираясь далѣе въ повѣствованіи , изображаетъ онъ Преобразителя Россіи, озареннаго лучами безсмертія , и преславную Дщерь его. Пророческій гласъ его гремитъ :

Онъ людямъ дастъ умы , дастъ образъ нравамъ
дикимъ ,
Россія нову жизнь , и будетъ слыть *Великимъ*.
Коварство плачуще у ногъ Его лежитъ ,
Злоумышленіе отъ стѣвъ Его бѣжитъ.

— — — — —
Подъ скипетромъ Ея (*Елисаветы*) цвѣтутъ
обильны нивы ,
Корону обвіютъ и лавры и оливы ;
Науки процвѣтутъ какъ новый виноградъ :
Шуваловъ ихъ раститъ , Россійскій Меценатъ.

Наконецъ доходитъ до ЕКАТЕРИНЫ Вторыя — Монархини , Которая возвысила умы , гремѣла побѣдами , удивляла щедростями , славилась мудростію правленія , благоденствіемъ своихъ подданныхъ — и пророческія слова спарца льстятся рѣкою :

Премудрость съ небеси въ полночный край сой-
детъ,
Блаженство на престолъ въ лицѣ Ея взведетъ.
Предъ Ней усердіемъ Отечество пылаетъ,
Любовь цвѣтами пущь Ея къ трону успиаетъ.

— — — — —
Придутъ къ Ней Цари, какъ въ древній Ви-
елемъ,
Не золото расточать, не зданіямъ дивиться
Придутъ къ Ней Цари, но *царствовать*
учиться.

Перейдемъ къ другимъ предметамъ.
Взглянемъ на портретъ Сумбеки, перзаемой
ревностію и мщеніемъ, высокоумной, но
покорной только спраспи, свирѣпствовав-
шей въ душѣ ея,

Киприды красотой, а хитростью Цирцей,
Для выгодъ собственныхъ любившей царской санъ.

Подлѣ Казанской Царицы — и предметъ
пламенной любви ея: Османъ, Князь Та-
врисвій,

Прекрасный юноша, но гордый и коварный,
Любовью тающий, въ любви неблагодарный;
Какъ лютая змѣя, лежаща межъ цвѣтовъ,
Приблизиться къ себѣ прохожихъ допускаетъ,
Но жало устремивъ, свирѣпость насыщаетъ.

Вотъ и Аспалонъ, соперникъ его, пре-
зрѣнный Сумбекою:

Какъ новый Энеида, онъ шелъ, горъ подобенъ;
 Сей выпазъ — цѣлый полкъ единъ поправъ
 удобенъ;
 Отваженъ, люте, свирѣль сей врагъ Россiанъ
 былъ,
 Во браняхъ — какъ тростникъ, соперниковъ
 рубилъ.

Войдемъ за Сумбею въ ужасный лѣсъ,
 гдѣ грозные призракъ, черныя и печальныя
 тѣни спустились на землю, гдѣ все густою
 тьмою одѣлось;

Гдѣ кажется простеръ покровы томной сонъ,
 Трепещущи листья дають печальный стонъ;
 Зефиръ: нѣжныя среди весны не вѣютъ,
 Гдѣ вянутъ всѣ цвѣты, кустарники желтѣютъ;
 Не молкнетъ шумъ и стукъ, гдѣ вѣчно страхъ
 не спитъ,
 И молнія дрова кслѣблетъ, жжетъ, разитъ;
 Лѣсъ воетъ — адъ ему стenanъ отвѣчаетъ..

Входимъ — и видимъ пышныя гробницы,
 Казанскимъ Царямъ воздвигнушыя; чинаемъ
 исторiю враговъ Россiи, которые, по-
 добно хищнымъ птицамъ, лепали надъ Опе-
 ческиномъ нашимъ, и пожирали добычи без-
 защитныя; наконецъ успали отъ злодѣйствъ
 и жестокостей; — чинаемъ — и не можемъ
 удержаться отъ ужаса; но сей ужасъ
 сильнѣе овладѣетъ, когда представится

геейна съ несчастными жертвами, осужденными на мученіе. Тупѣ — закрываемъ глаза, спѣшимъ удалиться отъ сего зрѣлища, и спрашиваемъ: откуда живописецъ заимствовалъ такія удивительныя краски для картины, на которой изобразилъ столько ужасовъ разнообразныхъ? не потѣ же ли Геній вкуса водилъ перомъ нашего Поэта, который управлялъ кистію Микель-Анжа, написавшаго *Страшный судъ*, и на немъ пораженныхъ горестію и отчаяніемъ? . . .

Еще ли хотимъ увѣриться въ исплинскомъ воображеніи Поэта? Заглянемъ въ темную бездну, обитель Безбожія; рассмотримъ гибельныя дѣйствія, производимыя духомъ Раздора; или остановимся при волхвованіяхъ люпаго Нигрина, заклинающаго Зиму изпощипъ свои ужасы для изпребленія Рускаго воинства — и Зима свирѣпствуетъ со всею жестокостію:

Соперница весны, и осени, и дѣта,
Изъ снѣга сотканной порфирую одѣла;
Виссономъ служатъ ей замерзлыя пары;
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;

Великіе столпы, изъ льда сооруженны,
 Сребристый мещущъ блескъ, лучами озаренны;
 По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
 И кажется погда, громада льдовъ горитъ.
 Стихія каждая движенья не имѣтъ:
 Ни воздухъ пронупься, ни огонь пылатъ не смѣтъ;
 Тамъ песпрыхъ нѣтъ полей, сіяющъ между льдовъ
 Одиъ замерзлыя испарины цвѣтовъ;
 Вода распощлена надъ сводами — лучами
 Окаменѣвъ виситъ волнистыми слоями.
 Тамъ зримы въ воздухъ вѣщаемы слова;
 Но все заслужено — напура вся мертва!
 Единый препетъ, дрожъ и знобы жизнь имѣютъ;
 Гуляютъ иней, вефиры памъ нѣмѣютъ;
 Мипеди вьются вкругъ и производятъ бѣгъ,
 Морозы царствуютъ на мѣсто лѣпникъ нѣгъ;
 Развалины градовъ памъ льды изображаютъ,
 Единымъ видомъ кровь которы заслужаютъ.
 Всея природы спрахъ, согбенная Зима,
 Россійской алчуца погибели сама,
 На льдину одершись, какъ мраморъ побѣла,
 Дохнула — спужа вмигъ на крылѣхъ излещла.
 Родился лишь морозъ, уже бываетъ сѣдъ,
 Къ чему припронется, преобращаетъ въ ледъ;
 Гдѣ спудитъ, подъ его земля хруститъ пятою,
 Слѣснаетъ, жметъ, мертвитъ, сражаясь съ
 теплою

Гдѣ искашь помощи, опъ кого ожидать
 спасенія защитникамъ Опечесшва; когда
 все: и злоба невѣрныхъ, и коварство вра-
 говъ, и ужасы природы — все поклялось

погубить ихъ? Рускіе ратники вспомнили
слова Іоанновы :

Не слабыхъ женъ на брань, мужей реду съ собою!

— — — — —
Противу смерти жалъ неробку грудь поставимъ!
Кто страшень, Россы, вамъ, когда самъ Богъ
по васъ!

Вспомнили — вооружились вброю и муже-
ствомъ — и все преодолѣли!

Перенесемся теперь въ царство очаро-
ваній, подобное садамъ Армидинымъ, опи-
саннымъ Авторомъ Освобожденнаго Іеру-
салима — въ такое пѣвническое мѣ-
сто, гдѣ

Пригорки движутся, кустарники смѣются;
Источники, въ правѣ вѣся, говорятъ;
Другъ на друга цвѣтны съ умильностію зрятъ;
Зефиры рѣзвые кусточки ихъ цѣлуютъ.

— — — — —
Зеленые лужки въ тѣни деревьевъ цвѣтутъ;
И кажется, Любовь одры готовитъ шумъ.
Наяды у ручьевъ являютя сѣдаци,
Волшебны зеркала въ рукахъ своихъ держащи,
Въ кошоры Граціи съ усмѣшками глядятъ;
Амуры обнявшись, на мягкой правкѣ спятъ.
Пещеры скромныя, привѣтливыя тѣни
Гуляющихъ къ себѣ манили на колѣни

Вотъ языкъ стихотворства! не сами ли Граціи оживляли воображеніе Поэта? не онѣ ли водили его рукою? . . . Нужно ли теперь доказывать, что *Херасковъ* имѣлъ дарованіе, способное преображаться во всѣ виды? . . . и что обильный слогъ его, подобный обширной рѣкѣ, разливающей со-зрѣвица свои и дѣлимой на безчисленные пропоки, сообразовался съ каждымъ предметомъ?

Прочитавши *Россіяду*, воображаемъ, что мы прогуливались въ прекраснѣмъ саду, гдѣ Природа и искусство испощили дары свои, гдѣ различныя деревья и цвѣты, одни другихъ пріятнѣе, плѣняли наши взоры, услаждали обоняніе. Мы не знали, на чемъ остановиться, чему отдать предпочтеніе: все на своемъ мѣстѣ, все цвѣтеть и благоухаетъ! Выходя отсюда, объщаемся снова насладиться такимъ удовольствіемъ.

Въ *Россіядѣ* соблюдено все, входящее въ составъ Поэмы: величіе предмета, важность подробностей, къ нему относящихся, искусство въ расположеніи частей, удачные

переходы отъ одной мысли къ другой, занимательность повѣствованія, сцены пріятныя и ужасныя, въ приспойныхъ мѣстахъ помѣщенныя. Искусство *Хераскова* въ механизмѣ Поэзіи, плавность размѣра, гармонія словотеченія и богатство рифмъ — удивительны. Какъ *Поэтъ* — онъ нравится высокимъ пареніемъ мыслей, изображенцыхъ блестящими, яркими красками и разнообразными тѣнями; нравится, украшая выраженія цвѣтами баснословныхъ вымысловъ и подобіями, имѣющими достоинство новости, объемлющими обстоятельство и подробности. Какъ *Ораторъ* — научаетъ, приближая къ истинѣ; говоря ясно, убѣдительно, краснорѣчиво, преклоняетъ на свою сторону; употребляя сильныя слова, производящія сильное дѣйствіе, влечетъ за собою умъ и сердце. Какъ *Повѣствователь* — имѣющій дѣло не съ воображеніемъ, а съ разумомъ чистапелей — почерпаетъ мысли изъ существенныхъ обстоятельствъ самаго дѣла, и только по необходимости — украшаетъ вымыслами историческую истину. Какъ *Нравоучитель* — богатый свѣдѣніями вѣковъ прошедшихъ, знающій сердца и

нравы людей, предлагаеиъ пакія правила, кои соглашаютъ волю человека съ законами и прямо ведутъ къ добродѣтели.

Откуда же *Херасковъ* почерпнулъ ту быструю чувствительность, которая вдругъ, со всѣми ошибками, обѣмлетъ предметъ, ее поразившій — ту зоркую дальновидность, отъ которой ничто не скрывается — и тонкую разборчивость, которая умѣетъ назначать всему *свое* мѣсто, показываетъ все съ лучшей стороны, даетъ всему надлежащую цѣну? откуда получилъ онъ дары сїи? — Отъ природы. Не она ли вложила въ душу *Хераскова* умъ и дѣятельность, украсила его талантами, съ помощію которыхъ находилъ онъ источникъ изящнаго и выспренняго въ безпредѣльной и разнообразной ея области, восхищался красотами ея, и восторги свои изливалъ въ пѣсни? . . . *Науки* привели въ зрѣлость, усовершенствовали его дарованіе, снабдили высокими мыслями и щасливыми объясненіями оныхъ. *Чтеніе книгъ*, писанныхъ на *Славянскомъ* языкѣ, который почитается корнемъ и основаніемъ *Россійскаго*,

доставило ему способъ, узнать правильное производство словъ, пристойное ихъ сочетаніе и употребленіе въ высокомъ слогѣ; помогло замѣтить различіе между языкомъ богослужебнымъ и общенароднымъ; обогатило его выраженіями громкими, сильными, многозначительными и красивыми — выраженіями, соответствующими тому, что онъ воображалъ и чувствовалъ. — Къ особой похвалѣ Хераскова надобно сказать, что онъ читалъ все, что только могъ читать, и всѣмъ умѣлъ пользоваться; ловилъ, такъ сказать, каждую минуту, чтобъ она не ушла, не сообщивъ ему новыхъ понятій. Каждой день, каждой часъ доставлялъ новыя открытія душѣ, новыя сокровища чувствованій его сердцу. Умная книга служила къ утвержденію разума его, а пріятная къ украшенію пылкаго воображенія. Сіе занятіе, или лучше сказать, сія страща съставляла единственное удовольствіе, самую пріятную пищу для души его. *Знаніе иностранныхъ языковъ* познакомило его съ Гомеромъ и Виргиліемъ, съ Виландомъ и Расиномъ, а сношеніе съ древними и новыми Учеными

Мужами сблизило съ ихъ творческимъ гѣніемъ. *Размышленіе* научило его находить сокровенныя сходства и согласія въ вещахъ, замѣчать тѣсную связь тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ не можетъ найти ее; видѣть отличительныя черты предметовъ въ полномъ раздробленіи частей ихъ; восходить отъ простаго къ сложному, отъ чувственнаго къ умственному, отъ малаго къ великому; знать разныя степени въроянности, различать истинное отъ ложнаго. Наконецъ *Вкусъ* — сіе соединеніе многихъ врожденныхъ и приобретенныхъ свойствъ ума и сердца, сіе искусство наблюдать и сравнивать — научилъ его удерживать порывы воображенія, пѣлясь только истинно совершеннымъ, и возвышенностію чувствованій, мыслей и выраженій внезапно изумлять или приводить въ пріятной ужасъ читателя.

Россіяда, спойвшая осмилѣшняго труда нашему Поэту, переложена рукою одного Министра на иностранной языкъ, и хранится въ знаменитой Академіи (*); пере-

(*) Смол. Зеркало Свѣта, Часть V, стран 495.

ведена и на Французской Гм. Авіатомъ, покойнымъ Профессоромъ Московскаго Университета. Вброятно, и чужестранцы — не тв, которые дерзостію и беспыдствомъ прикрываютъ свое невѣжество и, вопреки успѣхамъ нашимъ въ наукахъ, величаютъ насъ еще варварами, — но умные и безприсраспные цѣнители талантовъ читаютъ сію Поэму съ удовольствіемъ, павняются красотами ея, и знаютъ уже, что и подъ хладнымъ небомъ Сввера родятся умы пылкіе, озаренные лучами просвѣщенія; родятся — *Ложосовы* и *Херасковы* !

Не отступая отъ безприсрасптія и справедливости, скажемъ, что строгаа Кришика найдетъ и въ Россіадѣ недоспапки: стихи слабые, мысли неудачно выраженные, излишнія повпоренія. — Но кто написалъ совершенное швореніе? какой великій Авторъ не былъ предметомъ сужденія и споровъ? Не обвиняютъ ли и самаго Гомера въ несвязности баснословія, въ грубомъ изображеніи боговъ, въ нелѣпомъ описаніи варварскихъ нравовъ, въ стихахъ похожихъ

на прозу? Не о немъ ли говоритъ Гораций :

И самъ недремлющій Гомеръ нашъ засыпаетъ? (*)

Оправдаемъ шворца Россiяды его же стихомъ:

И въ солнцѣ и въ лунѣ есть темныя мѣста.

Оставимъ безъ вниманiя, Милостивые Государи, слова людей, которые, спараясь находишь во всемъ недоспашки, утвердительно говорятъ, что у *Хераскова* можно научиться не Поэзи, но размѣру стиховъ, и зашвердить многiя рифмы. — Кто не знаетъ, что бросають камнями въ стѣ деревья, на которыхъ много плодовъ?... Будемъ подражать шанимъ Кришикамъ, которые собирають не песокъ, но опдѣляютъ отъ него частички золоша, и любятъся ими; собирають — по выраженiю одного изъ нашихъ Писателей — не соломенки, плавающiя на поверхности воды, но жемчугъ, на днѣ лежащiй, и пѣняющся драгоцѣнностiю. Опдадимъ справедливостъ великимъ трудамъ *Хераскова*,

(*) Quandoque bonus dormitat Homerus.
Horat. Ars poetica, vers. 559.

обогатившаго отечесипвенную Словесность шворенїями своими. Согласимся, что любезенъ и въ самыхъ погрѣшностяхъ Поэтовъ, парившій на крыліяхъ вдохновенїя по слѣдамъ великаго наставника своего Ломоносова, который, замѣтивъ дарованїя его, возбудилъ въ немъ охоту къ стихотворенїю, открылъ ему средства сдѣлаться извѣстнымъ и славнымъ, называлъ его *сыномъ* своимъ, и заставилъ дѣйствовать на умы и сердца соотечественниковъ.

Пусть строгіе цѣнители не находятъ въ *Россїадѣ* красотъ, свойственныхъ высокой Поэзіи, требующей однѣхъ пламенныхъ, острыхъ, неожиданныхъ мыслей, однѣхъ смѣлыхъ, отборныхъ и сильныхъ выраженій; пусть сіе начертаніе ученыхъ заслугъ *Хераскова* покажется кому нибудь пристрастнымъ, перешедшимъ за предѣлы умѣренности: — по сердце, исполненное почтенїя и благодарности къ предмету своего удивленїя — сердце, живо чувствующее всѣ его достоинства, находитъ и сію похвалу — сколь бы увеличенною ни казалась она равнодушію и безпристрастію —

недостаточною и слабою, считаятъ ее — дѣтскимъ лепетаньемъ, — не болѣе.

Ревностные чшители дарованій *Хераскова* знаютъ, что онъ прудился много — и всегда съ пользою и честію для соотечественниковъ своихъ; писалъ не по внушенію самолюбія, но побуждаемый желаніемъ доставить и себѣ и другимъ удовольствіе, пишательное для разума и чувствованій; вездѣ отличался здравомысліемъ и благодушіемъ; вездѣ доказывалъ, что вѣрилъ безъ суевѣрія и не терпѣлъ вольнодумства; училъ чистой нравственности, проповѣдывалъ истину, внушалъ вѣрность къ верховной Власти; распространялъ область просвѣщенія, ободрялъ питомцевъ наукъ, съ ревностною охотою подавалъ имъ отеческія наставленія, съ благопріятною улыбкою одобренія принималъ первые опыты прудовъ ихъ, съ любезною кротостью, свойственною снисходительному другу, показывалъ недостатки, предостерегалъ отъ заблужденій; любилъ все отечественное, любилъ и славилъ Россію. Почшители *Хераскова* знаютъ, сколь много одолѣ-

жена ему наша Словесность, и увѣрены, что сочиненія воздвигли ему памятникъ, несокрушимый рукою времени, и увѣнчали его безсмертною славою.

Здѣсь позвольте, Милоспивые Государя, кончить Разсужденіе мое о шворцѣ *Россіады*, и оставить до другаго времени разсмотрѣніе прочихъ, а особливо важнѣйшихъ его сочиненій. Чувствую мои недоспапки; но ободряюсь надеждою, что усердіе къ памяти *Хераскова* замѣнитъ слабость моихъ дарованій.

II. Побѣдоносцевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О В Ъ Т Ы Р О С С І Я Н Ъ ,

и л и

ХРАМЪ РОССІЙСКОЙ СЛАВЫ.

Не древній ли Олимпъ , во дни торжествъ ,
опрадъ ,

Надъ благодашною Эладой растворился ,
И горній міръ боговъ и смертныхъ міръ явился ,
Героевъ увѣнчашъ веселиемъ награды ? —

Иль свѣшдые Валкала сѣни ,
Чрезъ солнечны врата , пріемлющъ Сильныхъ
пѣни ,

Грядущія во храмъ опцовъ ,
Спезею радуги и пламенныхъ громовъ ! —
Кто се ! — Оденъ иль Зевсъ успроилъ пированье ,

Свяштыя доблести вѣнчанье ,
Въ урокъ народовъ и вѣковъ ? — — —
Сіяетъ дивный храмъ , разверспый для все-
ленной. (*)

Алшай , Кавказъ , Карпатъ , Алавны и Рифей ,
Тиганшы - первенцы , рожденные землей ,
Подъемлющъ сводъ его , какъ небо испещренно..
Одушевленные чудесно на стѣнахъ ,
Казалось , движущся и виды и народы
Орель , гнѣздящійся Нордъ-Капа на скалахъ , (**)
На крайнемъ рубежѣ живущія Природы ;

(*) Сей храмъ представляетъ Россію.

(**) Границы наши со Швеціею.

Здѣсь *Прусъ*, жестокія судьбины подѣ рукой,
Къ Свяшилицу шаинцштенному, въ мирѣ,
Склоненный дружбою, и върой, и мольбой; —

Тамъ, на расперзанной порфирѣ,
Свой скипетръ предомивъ, и опложа вѣнецъ,
Колѣнопреклоненъ, въ безмодвы умиденномъ,
Сарматъ, крамоль древнѣйшихъ намъ творецъ;
Надежда и боязнь во взорѣ пошупленномъ;

Тамъ пылкой *Магометъ*,

То буйства подный, то унылый,
На помощь, кажется, зовещъ
Европы хипросши и Азіи всей силы;

Тамъ дѣва юная, невинная краса,
Ощъ сибжныхъ горъ несясь, взоръ робкій обра-
щаетъ;

Тигръ лющый въ слѣдѣ за ней, рветъ, ломитъ
вкругъ дѣса;

О Грузія, скрѣпись! — ей нѣжна Мать вѣщаетъ,
И звѣрь, оцѣненъ, палъ мерщивъ при ихъ
сподахъ;

А шамъ, какъ снацъ цщицѣ въ питающихъ
лугахъ,

Орды разноплеменны,

Въ свирѣпой бури часѣ

На мидой домоводца гласѣ

Сбираются подѣ кровѣ блаженный; —

А шамъ, какъ исполинъ, самъ Сѣверѣ, мнищ-
ся, спалъ,

И щитъ его, изъ водѣ замерзшихъ изваянной,

Весь грозный океанъ, на претъ земли ра-
сплданной,
Зерцаломъ пламеннымъ сіялъ;
Съ другой страны Воспокъ средь пурпурной
пучины

Двѣ міра вѣситъ половины. —
Какъ негасимыя лампы, въ храмѣ шомъ
И солнце вѣчное, и звѣзды незакашны;
Какъ поясъ золошой кругомъ,
Зри, вечерняя и ранняя, благодатны! —
И все въ обилии, въ отрадахъ и красѣ. —
Чей домъ сей? Кто здѣсь Богъ? кому хвалы
всемѣспны? —
„Вступите Славы въ храмъ!“ ошгрянулъ гласъ
небесный.

Отечество мое! Отечество! и се!

Растворился храмъ великій,
Зданье десяти вѣковъ;
Вкругъ племенъ несчетныхъ лики;
Росѣ предшадъ вождемъ жрецовъ
Древней доблести блюспишель
Подадъ знакъ, и воззвучадъ
Щипъ, побѣдъ благовѣспишель;
Лѣсъ дубовой запыладъ,
И вдали, въ ээирной сѣни,
Въ дымѣ жершвѣ и воскурений,
Озарился Славы шронъ. —
Съ нею Вбра и Законъ;
Въ ихъ рукахъ вѣсы, скрижали,

И судьба племенъ земныхъ
 На престолахъ золошыхъ
 Въ полукруга возсѣдали,
 Рюрикъ, предокъ Царскихъ главъ,
 Игорь, Ольга, Святославъ,
 И Владиміръ просвѣщитель; —
 Ярославъ, суда органъ,
 Дмитрій, ига сокрушитель,
 Славно - грозный Іоаннъ,
 И шворецъ своей вселенной
 Удивленье смертныхъ, Ты
 Петръ единый, несравненный! —
 И сходяща съ высоты
 Для чудесъ, Екашерина,
 И Ея великій Внукъ,
 АЛЕКСАНДРЪ, Отецъ наукъ,
 Славы дивная Дружина,
 Весь сѣдитъ ея совѣтъ. —
 Время спало, не печетъ, —
 неподвиженъ міръ смущенной,
 И безмолвіе вокругъ;
 Такъ *Синая* верхъ возженной
 Озаряетъ Господець Духъ
 Въ буряхъ; въ модніяхъ ученья. —
 Съ Юга огненъ сподль воспадъ;
 Благодашью просвѣщенья
 Херсонескій брегъ сіялъ;
 Куликово спонетъ поле
 Подъ спаницею орловъ;
 Дщерь преступна, въ горькой долъ,

Ждетъ Казань родныхъ громовъ ; —
 И Подшава , славы камень ,
 И Свеабургъ , Норда щитъ ,
 И столбшнихъ браней пламень
 Жрецъ црекъ , и хоръ гремишь :

Х о р ь .

Славу , маерь Музъ безсмертныхъ ,
 Душу подвиговъ несчетныхъ ,
 Славу Россы призовемъ ,
 Пѣснь всемошной воспоемъ ,

Ж р е ц ь .

Подъ ея благой звѣздою
 Россъ родился , возрасталъ ;
 Россъ-младенецъ Царствъ судьбою
 На груди ея игралъ ;
 Россъ Герой — ея знамена
 Черезъ темно поле золь
 Перенесъ , воспалъ изъ пѣна ,
 И воздвигъ Владыкъ престолю ;
 Россъ благій , великосердый ,
 Заключивъ уста громовъ ,
 Проспираетъ щипъ свой твердый
 На друзей и на враговъ .

Х о р ь .

Слава , Царь , душа вселенной ,
 Гений Россовъ неизмѣнной ,

Слава, съ нами въ вѣкѣ живи!
Славы огнь шеки въ крови!

Ж р е ц ь.

Боѣ снѣщелъ . . . въ пуспынѣ дикой
Воспылада купица!
Вспань изъ мрака, Россѣ великой,
Вспань! — шебя зовешъ она!
Прочъ отсель . . . здѣсь мѣсто свято . . .
Прочъ Коварство, Суеша,
Прочъ отецъ пороковъ, Злапо,
Алчность власпи, злыхъ мечта!
Прочъ! . . . едина Добродѣтель,
Ты сопри надмѣнныхъ роѣ!
Ты приближся благъ содѣтель! . . .
Токмо добрыхъ славищъ Боѣ!

Х о р ь.

Токмо доблестъ — сердца радость,
Нашихъ дней цѣна и сладость! —
Прочъ рабы спрасней, суешъ! —
Гдѣ корысть, — шамъ славы иѣтъ!

Ж р е ц ь.

Тамерланъ ли побѣдигель,
Человѣчества ли враѣ,
Низкихъ прихотей служигель,
Здѣсь дерзнешъ просперть свой шагъ?
Мудрость, грянъ въ эгидѣ чудесной,
Препоаяши, Правда, мечъ,

Вбра, съ высоты небесной
 Прекрати вражду и сѣчь!
 Стань Любовь святая долу,
 Возсіай и поведи
 Славы истинной къ престолу
 Чады, заблудшихъ на земли!

Х о р ъ.

Кто имѣетъ сердце; силы,
 Презри ложный страхъ могилы! —
 Нѣтъ ни гдѣ преграды намъ;
 Мы рѣшились — слава тамъ

Ж р е ц ъ.

Тамъ, гдѣ правды и дѣды,
 Гдѣ Отечества любовь
 Чрезъ спрадальчески побѣды
 Ожила изъ пепла вновь
 Здѣсь ихъ гробы! — здѣсь ученье!
 Преклонитесь къ ихъ костямъ,
 Ихъ страданье, ихъ терпѣнье;
 Вотъ завѣщанья опцовъ сынамъ!
 Вижу, вижу Славныхъ лики! —
 Се! — Москва, Героевъ мать,
 Капитолій нашъ великій! —
 Что попомкамъ мнѣ вѣщать?

Х о р ъ.

Гдѣ шекли къ небесной славы,
 Гдѣ шекли, подобясь лавъ,

Ты Суворовъ, исполнишь? —

Ты Румянцовъ, славы сынъ? —

Ж р е ц ъ.

Тамъ, гдѣ геній испытаній
 Младость робкую ведешь
 По стези скорбей, спраданій; —
 Гдѣ Герой, во цвѣтѣхъ дѣтствъ,
 Узы страсти и покоя,
 Окроплены шоконъ слезъ
 Тѣни мудраго Героя
 Въ жершву славную принесъ; (*)
 Тамъ, гдѣ рокъ скупой и злобой,
 Побѣжденный наконецъ,
 Опадаетъ на доскѣ пригробной
 Намъ побѣду и вѣнецъ.

Х о р ъ.

Прочь призраки горды міра,
 Онѣмѣй Сирены лира,
 Зласто въ прахъ исплывай;
 Намъ безсмертія свѣщницѣ рай!

Ж р е ц ъ.

Посмотрите: злоба блещетъ
 Надъ жилищемъ пишины,
 Геній мира вспалъ, — трепещетъ;
 Видишь зарево войны. —
 Рѣютъ молніи браздами;
 Дальній грома гудъ реветъ;

(*) Семистоклѣ, плачущій предъ статуею Милліады.

Провождается смертями,
 Въ бурныхъ вихряхъ брань печенъ;
 Съ нею ужасы дрожащи
 Самолюбье, Местъ, Развратъ,
 Сыплютъ свѣшочи палящи
 Въ зрѣлый Мира верхоградъ.

Х о р ь.

Дѣши Славы, пробудитесь,
 Встаньте, встаньте, ополчитесь,
 Къ вамъ Опечество гласитъ;
 Брань вокругъ васъ, брань горитъ.

Ж р е ц ь.

Грады мирные пылаютъ,
 Спрадетъ дружба и любовь,
 Цѣпи доблестъ, опягчаютъ,
 И печенъ по нивамъ кровь
 „Кровь сожжетъ желѣза павна!
 Кровь да смоетъ рабства стыдъ!“ —
 Старость ищетъ оживленна
 Обгорѣлой шлемъ и щитъ;
 Храбрость мирны разрываетъ,
 Ржавымъ радуясь мечемъ;
 Праздность праздный оставляетъ,
 Слабый сталь богатыремъ.

Х о р ь.

Дѣши Славы, ополчитесь,
 Въ крѣпость въ силу облекитесь,

Слава — доблестныхъ вѣнецъ! —
Истребись раздоръ въ конецъ!

Ж р е ц ъ.

Да погибнуть брани браню! —
Марсъ ударилъ въ щипъ спальной;
Рядно-огненною дланю
Яросль гонитъ буйныхъ въ бой;
Братъ не видитъ въ братѣ брата,
И отецъ забылъ дѣшей;
Трескъ оружій, громъ — опрада
Кровожаждущихъ звѣрей;
Воскурился мщенья пламень —
Славы знамя впереди;
Огнь во взорахъ; въ сердцѣ камень; —
Мщенье! мщенье, насъ веди.

Х о р ъ.

Мщенье! мщенье! громъ за громомъ!
Буря съ бурей! сонмъ за сонмомъ!
Горы шруповъ — храбрыхъ слѣдъ! —
Имъ ни гдѣ преграды нѣтъ!

Ж р е ц ъ.

„Стойте пламенные Герои!
Съ вами Богъ! — средь васъ — Любовь“ —
Ангелъ рекъ — умолкли бои;
На мечѣ застыла кровь;
Чада брани изстужены
Въ буряхъ сбѣги спали вдругъ;

Неподвижны, умиленны,
 Собралися въ брашскій кругъ;
 Робка жизньъ еще трепещеть; — — —
 Се! несутся звуки лиръ, ———
 Мракъ рѣбещеть, небо блещеть;
 Зури скрылись сходятъ Миръ!

Х о р ь.

Миръ прелестный, миръ, другъ Неба,
 Въ адъ низвергни дочь Эреба,
 Укромися сонмъ эврей!
 Съ нами Миръ! — здѣсь ликъ друзей!

Ж р е ц ь.

Обрученъ съ побѣдой новой,
 Какъ съ невѣстою женихъ,
 Миръ идетъ стѣзей лавровой
 Въ сонмъ витязей свойхъ;
 Старець подъялъ слабы персты,
 Осбнитъ любезныхъ чадъ;
 Во обѣщанія опверсты
 Тамъ супруги предлешахъ;
 Опрокъ отчій мечъ лобзаетъ;
 Дѣва робкая, стыдѣясь,
 Лавръ Героя прижимаетъ
 Къ сердцу, кроющему страсть.

Х о р ь.

Шествуй къ намъ, триумфъ священный,
 Силой Неба осбненный!

Царствуй Миръ во всѣхъ странахъ!
Царствуй Славы ты въ лучахъ!

Ж р е ц ъ.

Онъ идетъ и все играетъ;
Онъ душа и Царь всего;
Радость, счастье остигаетъ
Свѣтлымъ облакомъ его;
Съ нимъ Торговля, Трудъ, Свобода;
Крыла подняли Орлы;
Въ рай одблеса Природа,
И моря несутъ дары;
Изобиліе благое
Ниспустилось на поля,
И въ веселіи, въ покоѣ,
Обновила вся земля.

Х о р ъ.

Дѣти Славы, веселитесь,
Здѣсь на лаврахъ преклонитесь,
У Любви на рукахъ;
Громы спите на цвѣтахъ!

Ж р е ц ъ.

Нѣтъ! — мы славы недостойны:
Не горитъ ли кровь на насъ? —
Не бѣгутъ ли въ слѣдъ намъ стоны,
Побѣжденныхъ жалкій гласъ? —
Не на трупахъ лавры зрѣютъ;
Клятвы въ гробъ загремѣтъ,

И пріумфы помертвѣють. —
 Ахъ! не радость, — смертный ядъ,
 Слава мстящими руками
 Подиеть врагамъ людей
 Чада славы! мы слезами
 Смоемъ кровь съ своихъ мечей!

Х о р ъ.

Къ намъ въ объятія летице!
 Все забыто; — насъ простите!
 Въ нѣдрахъ мира и отрадъ
 Будьте щастливы спокрапъ!

Ж р е ц ъ.

Мы одно составимъ племя
 Всѣмъ намъ общаго Опца! —
 Райскаго блаженства сѣмя —
 Намъ любовь влипа въ сердца
 Насъ любовь да прославляетъ!
 Насъ любовь да просвѣтитъ!
 И любовь да составляетъ
 Безнавѣрный братьямъ щитъ!
 Музы! жертвы принесите,
 Музы, Славъ дайте даръ! . . .
 Небеса! благословите
 Въ насъ любви священный жаръ.

Х о р ъ.

Процвѣшайте, дни полезны,
 Чада Себовы любезны!

Б а

Прощай, родимой край!
Рай въ сердцахъ! въ Природѣ рай!

Ж р е ц ъ.

Правда, будь всегда началомъ
Всякой мысленной чертъ;
Будь пылющимъ зарцаломъ
Лести, злобѣ, клеветѣ.
Твердость въ мукахъ возраждайся! —
Доблесть въ бѣдствахъ созрѣвай!
Благость благомъ увѣнчайся!
Вѣрность вѣкѣ не погибай!
Местъ прощеньемъ усладися!
Руку, падшій другъ, прими!
Человѣчество проснися,
И правамъ своимъ вонми! —

Х о р ъ.

Слава, добрыхъ цѣль высока,
Бичь и злобы и порока,
Трудный путь намъ освѣщай,
И бессмертьемъ насъ питай!

Ж р е ц ъ.

Ты вѣщай о насъ съ вѣками
Домоносова въ громахъ;
Съ Небомъ, съ міромъ и Царями
Рцы Державина въ ушахъ;
Лейся сладостью, грозою
Ты Орфеевъ нашихъ съ лиръ;

Хочешь храмовъ? — прѣзъ шѣбою
 Вновь *Баженъ* стрѣмѣ мѣръ!
 Нѣжный *Рохотъ* шамъ пишеть
 Совершенства идеалъ;
 Тамо мыслишь мѣдъ и дышеть:
Скородужовъ — духъ влѣалъ! —

Х о р ь.

Будь Наукъ, Искусствъ, ты Геній;
 Грянь съ боиницъ въ огняхъ опмще: ий,
 Съ Росскимъ флотомъ мѣръ пройди,
 Мѣръ добротой побѣди!

Ж р е ц ь.

Озаряй благимъ возрѣнемъ
 И шалашъ, и храмъ златой,
 Улыбайся намъ съ рожденемъ,
 И вдыхай въ насъ пламень швой.
 Близъ невинности гонимой,
 Ты невидимо пари;
 Надъ заслугою помимой
 Лучъ опрадной распрѣстри;
 Въ нѣдрахъ дружбы благошворной
 Ты любимцовъ улѣшай;
 Въ жизни, бѣдствѣемъ покорной,
 И въ часъ смерти укрѣпляй!

Х о р ь.

Сильный, свѣтлый Геній смертныхъ,
 Спустиникъ доблестей не четныхъ,
 Въ самомъ образѣ смерпей
 Будь нашей ты душѣй! —

Ж р е ц ъ.

Но отколь сей духъ чудесный,
 Выше смерти, рока, бѣды,
 Присносущный, повсемѣстный
 Правоша, любовь, совѣтъ,
 Передъ коимъ злоба шаетъ,
 И соблазнъ поникъ во мглѣ! —
 Кто горамъ повелѣваетъ
 И пучинамъ и землѣ? —
 Гдѣ источникъ блага здравый,
 Наша крѣпость, лѣпоты? —
 Кто есть сей? — кто сей Царь Славы,
 Сокрушающій врата? —

Х о р ъ.

Богъ великій, Богъ всемогущий,
 Къ смертнымъ благами обильный,
 Той есть Славы дивный Царь;
 Вся земля Его олшарь!

Ж р е ц ъ.

Слава съ вѣчностью родилась,
 Въ ней носился Божій Духъ;
 Славой временность раскрылась,
 Какъ цвѣтокъ прозябшій вдругъ;
 Первый гласъ Творца: *да будетъ*,
Бысть!... отглаголю Славы кликъ. —
 Слава хаосъ движетъ, будитъ,
 И весь міръ. — хвалебный ликъ!

Жизни первое движенье —
 Славословіе Творца;
 Первое души стремленье —
 Славословіе Отца.

Х о р ь.

Дивенъ Богъ, Творецъ вселенной,
 Силой, мудростью священной,
 Дивенъ благоспью даровъ!
 Дивенъ славой вѣкѣ вѣковъ!

Ж р е ц ь.

Ей цвѣтущь, живошворяшя
 Всѣ шворенья на земли:
 Горы всходятъ и дымяшя,
 Превращаясь вѣ одшари;
 Какъ кадилашцы Природы,
 Ходмы дышущь передъ ней;
 Какъ зеркала, чисты воды
 Ловяшъ блескъ ея лучей; —
 Древній боръ вѣ благоговѣнны
 Верхъ сѣдыхъ власовъ попрясъ;
 И вѣ священномъ испупленнѣ
 Многошумный издалъ гласъ.

Х о р ь.

Горы, ходмы и дубравы,
 Возвѣстите, кто Царь Славы! —
 Слава сѣшущь вѣ шѣмъ пустынь,
 Дышешъ вѣ нѣдрахъ скалъ, спремнинъ.

Ж р е ц ъ.

Въ радостномъ весны сіяньи
 Миръ улыбку славы зрѣтъ ;
 Аѣта въ пламенномъ дыханьи
 Слава блещетъ и гремитъ ;
 Въ буряхъ осени смущенной
 Ниспускается она ,
 И съ зимою убѣленной
 Лѣтъ на пварь утѣхи сна.
 Ликъ цѣвцовъ златопернатый
 Въ славѣ зрѣтъ царицу — мать ; —
 Слонъ и червь , отъ глазъ извѣщій : —
 Носитъ все ея печать .

Х о р ъ.

Славьте славу пварей хоры ,
 Миръ стихій , стихій раздоры ;
 День и ночь ея красой
 Обновляйте образъ свой !

Ж р е ц ъ.

Но ональ душа движенья
 Въ чудной машинѣ міровъ ? —
 Эю бьется пульсъ творенья , —
 И текуть ряды вѣковъ ! —
 Въ безднахъ свѣта неизмѣнный
 Вѣтъ , свѣтитъ славы духъ ;
 Солнца , имъ одушевляемы ,
 Созавляютъ брагской кругъ ;

Въ мѣрѣ изъ мѣра претѣкаешь
 Чувство въ пламенныхъ лучахъ,
 И вселенная вся таетъ
 И въ любви и въ хвалахъ.

Х о р ь.

Садъ созданій безконечной,
 Прощай любовью вѣчной!
 Боже дивный твари всей,
 Царствуй славою Твоей!

Ж р е ц ь.

Каждо сердца въ насъ бѣенье
 Славѣ Бога посвяшимъ;
 Наша жизнь Ему хваленье!
 Смертью мы Егожъ почтимъ!
 На одрѣ скорбей, болѣзни,
 Въ славословіи бальзамъ!
 Чрезъ покровы смерти слезы
 Улыбайся вѣчность намъ! —
 Цвѣтъ веселья, пернь печали
 На олтарь любви Опцу! —
 Мы добро, мы зло вкушали
 Слава Вышнему Творцу!

Х о р ь.

Славьте Бога всѣ языки,
 Милость Вышняго Владыки
 На земли и въ небесахъ,
 Славься въ праведныхъ душахъ!

Ж р е ц ъ.

Ободрися жертва злобы! —
 Слава смертнымъ судъ даетъ!
 Сбѣшъ клятвы злыхъ на гробы:
 Язвой память ихъ гнѣшъ;
 Но въ олтарь преобразаетъ
 Гробъ и Минина простой;
 Цвѣтѣ безсмертья развиваетъ
 Подъ гробовою доской. —
 Жизнь возбудитъ въ прахъ, въ тлѣнѣ,
 Обезкрылитъ времена; —
 Возгремитъ мірамъ: *падеже,*
 И речетъ имъ: *вѣчность я!*

Х о р ъ.

Ободрися угнѣщенной,
 Странникъ слабой, упомленной!
 Тамъ Опець — тамъ лучший міръ!
 Внемлешь гласъ зовущихъ лиръ?

Ж р е ц ъ.

Станьте въ хоръ, друзья нелестны,
 Дайте руки, въ часъ благой,
 Славы въ храмъ пойдѣмъ небесный,
 Смерть и адъ попрѣмъ спокой! —
 Насладимся нашимъ Маемъ! —
 Слава насъ къ себѣ зовѣтъ. —
 Посмотрите свѣтлымъ раемъ
 Тамъ Опечесиво цвѣшетъ.

Братья братьевъ обнимите.
 Мы краса его и щитъ,
 Небеса благословите, —
 И вселенна рай узритъ.

Х о р ь.

Слався, Россѣ непобѣдимый,
 Славы сынъ Герой любимый,
 Слався, другъ прямыхъ добротъ,
 Слався Россѣ изъ рода въ родъ!

Ж р е ц ь.

О Царю Царей и проновъ!
 О Господь господствъ земныхъ!
 Твердь и вѣры и законовъ,
 И любви и дѣлъ благихъ! —
 Сниди съ высоты святыя
 Въ сей, Тобой созданный храмъ,
 Да подобится Россія
 Безнавѣрнымъ небесамъ! —
 Боже Силъ и Боже Славы,
 Вертоградъ свой сохрани!
 Усмири войны кровавы,
 И послѣ намъ мирны дни! . . .

Х о р ь.

Вниди, вниди въ храмъ, Царь Славы!
 Да возмущся Князи славы!
 Богъ единый Славы Царь!
 Вся земля Ему олшарь.

М е р з л я к о в ъ.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ ЛЕДЯ.

На ушломъ челнокъ , любози мощный богъ ,
Владыка радостей , печалей и превѣгъ ,
Въ погоду ясную вдоль по морю кашался ,
Скользя на зеркальныхъ зыбяхъ ;
Спокойный океанъ шихонько колыхался ,
Качая бога на волцахъ .

Вдругъ тучи багровы
Покрыли лазурь ,
Удары громовы ,
Предвѣспники бурь ,
Вдали заревѣли . —
Надувшись валы ,
Какъ лунь посѣдѣли ;
Съ угрюмой скалы
Кедръ , молнией сраженный ,
Вверхъ корнемъ упалъ ,
И боръ воспаленный
Въ огнь зашугецъ лѣ .
Волна за волнсю
Вершяшъ челнокомъ .
Напрягшись , рукою
Лель правяшъ рулёмъ .
Вдругъ руль преломился

И парусъ раздранъ,
 Челнокъ погрузился,
 Ужь понешъ ширанъ.

Но пагубный хищрецъ! на замыслы богатой,
 Когда, — чего не препогалъ? . . .
 Онъ шулъ изъ-за спины крылатой
 Послѣшно отвязалъ;
 Уже на немъ средь волнъ сей богъ бесстраш-
 но рѣшъ:

Лукъ мачтою спомнѣ,
 Поязка парусомъ бѣлѣшъ,
 Свѣщильникъ на кормѣ горитъ;
 И пушь пирану освѣщаетъ,
 Спрѣлами волны разсѣкаетъ,
 Лепитъ.

Смѣется въ торжествѣ спокойствія губительъ,
 И моря побѣдитель,
 Ко пристани бѣжитъ.

Увы! почто, Владыка воздыханій,
 Безжелостный ширанъ сердець;
 Во мзду всѣхъ нашихъ бѣдъ, страдакій,
 Въ пучинѣ не обрѣавъ заодѣйствіямъ конецъ?

Ф. Ивановъ.

СВѢТЯЩІЙСЯ ЧЕРВЯКЪ и ФИЛИНЬ.

В а с и ъ.

„Блаженъ, кто неизвѣстенъ въ мірѣ,
„Въ отцовской хижинѣ своей,
„Среди смѣющихся полей,
„Живешь въ невинности и мирѣ,
„Далеке плути городѣвъ,
„Въ кругу родныхъ, друзей, любезныхъ.
„Среди занятій и трудовъ,
„Равно пріятныхъ и полезныхъ,
„Техушь его счастливы дни;
„Въ нихъ видя радости одни,
„Онъ утро каждое улыбкою встрѣчаетъ,
„И каждой вечеръ засыпаетъ,
„Съ блестящею въ очахъ слезой,
„И благодарною душой
„Къ Всещедрому Отцу вселенной.
„Тотъ прямо чувствуешь всю цѣну жизни сей,
„И въ самой старости своей
„Любовью, дружбою, вниманьемъ окруженной
„Своихъ почтительныхъ сыновъ,
„Онъ отрясаетъ снѣгъ съ сѣдыхъ волосѣвъ,
„И въ милыхъ внукахъ оживая,
„Безспрашно ждетъ того часа,

„Который путь ему отверзеть въ небеса.
 „Когдажъ придетъ его минуша рѣковая,
 „Спокоенъ совѣстью, съ улыбкой на устахъ,
 „Съ весельемъ на челѣ, съ надеждою въ очахъ,
 „Онъ мирно, крѣпко засыпаетъ,
 „Подобно, какъ въ день Майской погасаетъ,
 „Въ кристалѣ Волжскихъ водъ горя,
 „Прелестна вечера заря.

Такъ мысляхъ я, склонясь, подѣ линою вѣш-
 висшой,

Ллющей свой бальзамъ душистой

Въ саду моемъ;

А между шѣмъ

Природа облеклась покрывами нощными:

Слились предметы всѣ одни съ другими,

И всюду распросперся мракъ. —

Одинъ свѣтящійся Червякъ,

Таясь между цвѣтами,

Какъ звѣздочка мелькалъ,

И изумрудными лучами

Мой взоръ прельщаль.

Я, глядя на него, молчалъ и наслаждался,

И втайнѣ сердца моего

Съ благоговѣніемъ предъ Трономъ повергался
 Премудраго Зиждителя всего.

Вдругъ воздухъ зашумѣлъ отъ пшичьяго полета,

И ненавистникъ свѣта,

Любитель тьмы нощной,

Разбойникъ пшичій, Филинъ злой,

Изъ баюжня кладбища на промыслъ свой лю-
щащій;

Увидя свѣтъ; во тмѣ блестящій;

И не терпя его;

На мягкую праву спустился;

Напалъ на Червячка прекрасна моего;

И лапой шакъ хвапиаъ; что свѣтъ его затмилъ.

Пожалуй, сжалъсь надо мною!

Что сдѣлалъ я, чѣмъ виновенъ предъ тобой?

Пищалъ въ когтяхъ Червякъ несчастной.

Молчи; тебѣ спасенъя вѣтъ;

— Былъ Филиновъ опѣвѣтъ —

Ты сѣтѣешь напрасно:

Когдабъ ты не блестялъ

Ночной порою,

Тебя бы право не видалъ

И не былъ бы ты скучаеъ мною;

*Пиляй же самъ себя, что такъ прижѣтенъ
былъ.*

Сказалъ, и проглотилъ.

Правоученіе сей басни очень ясно:

Во всякомъ случаѣ замѣтныиъ быть опасно.

Д. Вельяшевъ В. . .

СОЛНЕЧНЫЯ ЧАСЫ.

В а с н я .

Что папилька? хочу я васъ спросить.... —
О чемъ, мой другъ? какъ бабочекъ ловить? —
Ахъ, миленькой! ну спануль я бездѣлкой

Такою вамъ скучать!

Вчера я въ садъ ходилъ, чпобъ маминкѣ на-
братъ

Цвѣшовъ; а между шѣмъ и порѣзвисься съ
бѣлкой;

Вдругъ вижу столбикъ шамъ, аршинъ по-
меньше двухъ,

Съ дощечкой на верьху, а на дощечкѣ
кругъ,

Походилъ на часы: весь въ числахъ и со
спрѣлкой;

Что это? — Солнечны часы, мой другъ!

Скажижежъ, папилька любезный!

Къ чему они? — къ шому, чпобы во дни

Знашь время съ почностью. — По эшому они

Полезны?

Да, ежели блистаетъ солнца свѣтъ. —
 А если пасмурно? — Такъ въ нихъ и поль-
 зы нѣтъ. —
 Къ чему жъ они пригодны? —

Хошитель знать, что значитъ баснь сія?
 Съ часами солнечными сходны
 Всѣ нынѣшни друзья.

Д. Велляшевъ - В. . . .

О Д А

Ч Е Л О В Ъ К Ъ .

Играй, играй, дитя прелестно,
Вкушай веселье безпримѣсно,
Укрась цвѣтами дни свои!
О радость нѣжныя семьи!
Къ тебѣ всѣхъ мысли, всѣхъ желанья;
Средь игръ, забавъ, средь ликованья,
Тебѣ всякъ — другъ, тебѣ всякъ — братъ:
Играй, дитя! — ушѣхи мѣра,
Богаство, знатность, ни порфира
Не стоятъ карточныхъ палащъ,

Играй, играй дитя! — ахъ! вскорѣ
Узнаешь прудъ, узнаешь горе; —
Роднаго мало языка; —
Иноплеменничья рука
Уже возносится съ грозою:
За кучу золота лозою
Изторгнетъ слезъ твоихъ пошокъ,
Не рѣдко навѣкъ изувѣча; —
Увы! лоза сія предпеча
Тѣхъ бѣдъ, что намъ гощовитъ рокъ!

И вотъ! — оплчный спаномъ спройнымъ,
 Герой, какъ кедръ подъ небомъ знойнымъ,
 Подъ строгой дланью ты возросъ;
 Ланипы — смѣсь лилей и розъ
 Цвѣщи, Природы совершенство!
 Изъ чаши жизни пей блаженство,
 Твой вѣкъ счастливой наступилъ. —
 Но что за оборотъ чудесный!
 Что спалося съ побой, прелестный?
 Не ядъ ли смершный ты испилъ?

О жалость! скорбное явленье!
 Какое чувствѣ, ума волненье!
 Гдѣ юноши цвѣшущій видъ?
 Спрадаешъ въ день, въ ноци не спитъ,
 Слезящій взоръ, ланипы рдѣютъ;
 Но розы на устахъ блѣднѣютъ;
 По жиламъ льется огонь, не кровь:
 Что спалось, юноша, съ побою?
 Какою ты сраженъ судьбою?
 Увы! — жестокая любовь!

Въ комъ видѣлъ образъ совершенства,
 Въ чьемъ взорѣ всѣ включалъ блаженства,
 Сей взоръ; орудіе измѣнъ,
 Повергъ спрадальца въ люшый плѣнъ. —
 Душа ко благамъ свѣща мершва;
 Тоски, опчаянія жертва,

Несется бурюю спраспей,
 Какъ судно въ морѣ безъ кормила; —
 Увы! примѣровъ вредныхъ сила,
 Опаснѣй въшровъ и зыбей!

Рожденный съ сердцемъ пылкимъ, нѣжнымъ,
 Подъ кровомъ дружбы безмятежнымъ
 Слѣшивъ искашь себѣ опрадъ;
 Уже толпа разврата чадъ
 Сулишь ему блаженства новы;
 Емудъ не въришь имъ? — гошovy
 Все въ жертву дружеству принесъ.
 Въ бесѣдѣ ихъ игра, забавы:
 Ахъ! тамъ ли умыслы лукавы,
 Гдѣ каждый спавивъ богомъ честь!

И чести именемъ священнымъ,
 Во слѣдѣ забавамъ развращеннымъ
 Слѣпаго юношу влекутъ.
 Увы! въ чемъ дни его текутъ?
 Въ гнуснѣйшей роскоши, въ развратѣ,
 Въ позорной лѣтѣ базѣнныхъ шрадъ;
 И чиножъ пошомъ? — Лишенъ всего,
 Душевна здравья и тѣлесна,
 Опцовъ наслѣдья, имя чеспна,
 Хулишь въ неистовствѣ. кого!

О страхъ ! несчастный выше мбры !
 Уже ты чуждъ и самой Вбры ;
 Ужь адъ въ тебѣ добычу зришь ,
 Пылаешъ пламень , цѣль звучишь
 Еще есть время , безрасудный !
 Приди въ себя , стремись , сынъ блудный !
 Въ объятія нѣжнаго Отца ,
 Надѣйся ; вѣрь , и жди прощенья !
 Творецъ ! се слезы умиленья
 Текутъ со грѣшничья лица !

О время юности несчастно !
 Все льстишь , что вредно и опасно ,
 Все льстишь , чтобъ послѣ погубить !
 Разсудка нѣтъ — комужъ хранишь ?
 Лишь чувствовать себя мы спанемъ ,
 Едва на прелестъ міра взглянемъ ,
 Повсюду ковъ , повсюду сѣть !
 О сладостраспія забавы !
 Въ цвѣтахъ сокрытыя оправы ,
 Вы рай , вы адъ , вы жизнь , вы смерть !

Промчались лѣта дни палящи ,
 Прешади молніи гремящи ,
 Пришли осенни дни прохладъ ,
 Спокойства , зрѣлости , опрадъ ;
 И се ! — какъ древо плодовито ,
 Цвѣтами , листвіемъ покрыто ,

Ты паки свѣжъ, ты паки бодръ,
 Ты счастливъ... Нѣтъ! мечта, призраки;
 Напрасно сны вокругъ сыплютъ маки
 На твой заботъ, печалей, одръ.

Уже подъ сѣнью тихой ночи
 Смыкаетъ сонъ живущихъ очи;
 Но ты не спишь; — едва заснулъ,
 Зари предвѣстникъ лучъ блеснулъ:
 Ты всмалъ, — зовушь труды, работы;
 То жертва страха, по заботы,
 То честолюбьемъ обуянъ,
 То сребролюбія въ угоду,
 Забывъ опасность, непогоду,
 Лепишь чрезъ бурный океанъ.

Лепишь надеждой восхищенный,
 И водъ спокойствомъ обольщенный; —
 Внезапу свѣплый солнца лучъ
 Затмился сонмомъ черныхъ пучъ:
 Ревушь перуны, вѣпры воюють,
 Рвушь парусы, пучину роютъ,
 Повсюду блѣдна смерть въ глазахъ!
 Тамъ молнии вержуютъ грозный пламень,
 А шамъ... а шамъ... подводный камень...
 И гдѣ корабль? — погибъ въ волнахъ!

О, счастливъ, счастливъ бы шократно,
 Когда бы съ злапомъ невозвратно
 Погрязъ, несчастный, водъ на дно!
 Чшо смерть? — мгновение одно. —
 Чудесно гибели избавленъ,
 Чудесно въ приспани поспавленъ,
 За чѣмъ? — чщобъ иго бѣдствій несть! —
 Оставя суепны надежды,
 Сномъ сладкимъ не смыкая вѣжды,
 Спѣшитъ домой и перва вѣсть:

Прелестна, милая супруга,
 Въ поскѣ, ставъ жерпвою недуга,
 Скончала горестные дни,
 А съ ней . . . спрадалецъ, отдохни!
 Сбери души послѣдни силы:
 Твой первенецъ, младенецъ милый,
 Прелестный ангелъ въ пеленахъ,
 Твоя надежда и опрада,
 Погибъ въ спраданьяхъ люпыхъ глада
 На хладныхъ матери грудяхъ!

О, гдѣ ты смерть, гдѣ ты коснѣешь?
 Разишь счастливаго успѣешь;
 Приди, приди, несчастныхъ другъ!
 Внемли! зоветь отецъ, супругъ,
 Чей каждый вздохъ, естъ вѣкъ спраданій!
 Увы! не слышитъ призываній,

И все отбъавши, жить вслишъ ;
 Дышать для мукъ велишъ насильно ,
 Доколь тоска , какъ червь могильной ,
 По малу сердце изсушитъ !

Вотъ жизнь, вотъ смертныхъ бѣдна доля !
 Но всель ? — Иныхъ стягчитъ неволя ,
 Иныхъ болѣзни , нищета ;
 А шамъ , крамольна клевета .
 Разитъ невинность , добродѣтель ;
 Не рѣдко смертныхъ благодѣтель
 На плахѣ кончитъ славный вѣкъ ;
 Тамъ Крезъ — у оконъ хлѣба проситъ ;
 Тамъ Царь — оковы рабски носитъ !
 О Боже ! — что ешь человекъ ? . . .

Но кто склоненъ къ землѣ главою ,
 Дрожащей движется спокою ?
 Чело — какъ зимней ночи мракъ ;
 Какъ свѣтъ луны въ шуманѣ — зракъ ;
 Власы — древесъ вершина снѣжна ! —
 То старость дряхла , безнадежна :
 И се ! простерши долу персти ,
 Намъ призракъ кажетъ ровъ изрытый !
 Окрестъ — холмы , пескомъ покрыты !
 Се бѣдъ конецъ ! се гробъ отверсти !

Се бѣдѣ конецъ! — почій несчастный!...
 Но смертный одръ, покой ужасный,
 Безмолвныя могилы хладъ,
 Безвѣстность, злѣйшая спократъ,
 Наградой будущъ ли за бѣдства,
 Что смертный въ жизни сей опѣ дѣлства
 Терпѣлъ, доколѣ изнемогъ?
 Иль часть моя, шлѣивъ быльшой прости?...
 Но се рекутъ моя вся кости:
 Жива душа швоя, живѣ Богъ!

Къ Тебѣ, благій Творецъ вселенны!
 Единый, вѣчный, непремѣнный,
 Всесильный, присносуцный Царь,
 Къ Тебѣ взываетъ брѣнна шварь!
 Твое не мимо идетъ слово;
 Смерть — пущь къ Тебѣ въ селенье ново....
 Се Твой черпогъ! пресвѣшлый шронъ!
 Предъ нимъ преклоншая колѣно
 Судьба читаеъ неизмѣнной
 Въ священной книгѣ Твой законъ.

Зовешъ Твой гласъ — и прошлы вѣки,
 Что зрѣли первы человѣки,
 И впредъ вѣковъ грядущихъ рядъ,
 Тебѣ послушны предстоятъ.
 Они Тобою, Боже! зримы,
 Какъ вѣшромъ ладѣ носимы

Временъ пучины по волнамъ ;
 Въ олівахъ памъ иные зряща ,
 Другіе кровію дымяща
 По недовѣдомымъ судьбамъ !

Твой взоръ вселенную объемлетъ ,
 Твой слухъ и помышленья внемлетъ :
 Ощецъ ! Ты любишь насъ , какъ чадъ !
 Въ Твоей обители оправдъ
 Нѣтъ скорбныхъ слезъ , не слышны споны ;
 Безвѣстны смерти памъ законы ,
 Нѣтъ счастью , радостямъ конца ;
 Пусть въ страхъ казни ждетъ злодѣйство ;
 А добрыхъ мирное семейство
 Тамъ ждетъ обѣщія Ощца !

Ф. Кокшкинъ.

КЪ П. И. ГОЛЕНИЩЕВУ - КУТУЗОВУ.

*При полученіи перевода его Греевой оды,
называемой: Весна, 1794 года Декабря 13.*

Твоя Весна, любезный другъ,
Безсмертну Грею подражая,
Средь льдовъ, зимы, въ пріятный кругъ
Зефировъ къ соловьямъ зывая,
На Невскихъ берегахъ родитъ
Климашъ Итали блаженной,
Гдѣ мысль Піишова лепитъ
На крыльяхъ Музы возсхищенной; —
Богатствъ Природа гдѣ сама,
Соборъ, являя благодатный,
Рукой, соупницей ума,
Даетъ стихіямъ видъ пріятный; —
Гдѣ Фидій мраморъ оживлялъ,
Въ боговъ гдѣ камни превращались,
Гдѣ холшъ Рафаиломъ дышалъ,
Какъ огонь, душа въ него всеялись; —
Гдѣ самая Венера та,
Что Грея съ Музами взросшила,
Пафоса древня красота,
Въ Тосканѣ храмъ свой учредила:

Легко перу въ такихъ странахъ,
 Съ крыла Купиды похищенну,
 Рукою Грея на струнахъ
 Извлечь изъ лиры пѣснь священну;
 Легко среди прелестныхъ дней
 Веснѣ сплешать похвальны слоги!...
 Ахъ! — мы слыхали лишь о ней,
 А видѣть — не велѣли боги!
 Зимыжъ Кавказскій льдиспый проиъ
 Описаиъ въ Пѣсняхъ Россiяды.
 У насъ не лирный слышанъ звонъ,
 Но громъ побѣдъ и дѣлъ Паллады.
 Борей ревешъ и воешъ вѣтръ,
 Левъ Скандинавскій удалился
 Отъ мѣстъ, гдѣ градъ воздвигнулъ ПЕТРЪ,
 Орель двуглавый воцарился.
 Хошъ рѣдко вѣешъ намъ Зефиръ,
 Хошъ мы сибгами, льдомъ покрышы,
 Родились и у насъ Пиншы,
 Которыхъ помнишь будетъ миръ:
 У насъ безсмертны Ломоносовъ,
 Херасковъ, Сѣверный Гомеръ,
 Державинъ, къ вѣчной славѣ Россовъ,
 Какъ новый бардъ, полешъ просперъ;
 Они всѣ съ Пиндаромъ сравнялись,
 Весь огонь его въ себѣ нашли,
 Парнаса лаврами вѣнчались,
 И въ храмъ безсмертiя вошли!
 Но мы, отъ Пинда удаленны,

Съ шобою сядя на шравѣ,
Оспавя лавры имѣ священны,
Рѣзвисья будемѣ въ муравѣ,
И бабочекѣ лова со Греемѣ,
Подѣ дубомѣ спанемѣ мы сидѣть;
Едвалъ свирѣлю мы успѣемѣ
Мужей безсмертныхѣ славу пѣть!

Графѣ Аллолоѣ Мусинѣ-Пушкинѣ.

Р О Г Д А Й.

В а л л а д а .

На скалъ уединенной,
Тихимъ свѣтомъ осребренной,
Сердцемила вдаль морей
Томный взоръ свой простираетъ: —
Друга сердцу ожидаетъ,
Друга младости своей.
Море шумно колыхалось,
Небо пучей покрывалось,
Рѣетъ молнія браздой;
Сердцемилы взоры мертвы,
Сквозь туманы распростершы,
Понеслися за волной.
Вотъ вдали при тучахъ бурныхъ,
Мнился, — чолнъ въ зыблѣхъ лазурныхъ
Мчался къ синимъ берегамъ.
„Гдѣ ты медлишь? другъ мой милый!
„Гдѣ спѣшишь къ роднымъ спранамъ?
Спонетъ голосъ Сердцемилы. —
„О, скорбѣй, скорбѣй спѣши!
„О, немедли, другъ любезный,
„И мои пошоки слезны
„Ты любовью осуши!“
Гдѣ же чолнъ? — мечта сокрылась —
Вмѣсто чолна пучи мгла
Въ небѣ грозная клубилась,
Бурю въ нѣдрахъ принесла,

Рокотъ грома надъ скалою!
 Ночь всѣ ужасы ведетъ,
 Бѣдной, быспрою рѣкою
 Мраки молнія сечетъ.
 Черна хлябь волною хлещетъ:
 Все въ смятеньи, все трепещетъ!

Съ возмущенною душой
 Сердцемила въ долъ нисходитъ,
 Пушь излучистой находитъ
 Ко обипели свяшой.
 Тамъ лампада озарила
 Ей опшельцевъ шомной ликъ;
 Тамо скорбь вездѣ уныла;
 Взоръ опшельцевъ пусклъ и дикъ.
 Сердцемила упадаетъ
 Предъ Распятіемъ святымъ,
 И моляся передъ нимъ,
 Грудь слезами облегчаетъ. —
 Окончавъ обѣщъ благой,
 Робко въ хижину смиренну,
 Грусть приноситъ распворенну
 Съ крошкой Вѣрою, свяшой!
 Такъ все время протекаетъ,
 День за днями улешаетъ;
 Такъ и годы пролетятъ,
 А Рогдая не видашь.
 Сердцемила съ упромъ раннимъ
 До пслуности глухой
 Ждетъ Рогдая надъ скалою: —
 День склоняясь къ безднамъ дальнимъ,

Возвѣстятъ покоя часъ,
 Ночь возвыситъ грозный гласъ, —
 И спрдалица вздыхая,
 Преклонивъ свой шомный взглядъ,
 Возвращается назадъ. —
 О любви разлука злая! . . .
 Такъ весна уже прошла!
 Такъ и лѣто пролетѣло!
 Время въ сумракъ все одѣло; —
 И молва вдругъ пришекла,
 Что Рогдай, другою лѣбной,
 Сердцемилъ измѣнилъ —
 Бракомъ клятву преступилъ: —
 Чпожъ съ невѣстой изумленной?
 Нѣтъ ни чувства, нѣтъ ни слезъ; —
 Вопль въ груди ея исчезъ!
 „Измѣнилъ мнѣ? О невѣрой!
 Сердцемила говоритъ;
 „Море, море неизмѣрно
 „Насъ на вѣки разлучитъ.
 „Пусть моя любовь презрѣнна;
 „Все я стану обожать:
 „Спразсъ въ груди моей возженна
 „Будетъ съ жизнью угасать.“
 Сердцемила увядая, —
 Ужь не плача, не шеная, —
 Къ гробу медленно идетъ. —
 Рано цвѣтъ весны падетъ!

А Рогдай изъ странъ далѣкихъ,
 Къ ней любовію горя,

Книжка II.

Г

Плыль чрезъ бурныя моря ;
 Видитъ лѣсъ береговъ высокихъ ,
 Видитъ городъ свой родной ;
 Вотъ ужъ въ пристань приплываетъ ;
 Радость въ сердцѣ ощущаетъ —
 И живетъ одной мечтой.
 Вотъ ужъ онъ въ ночи , унылый ,
 Близъ жилища Сердцемилы ,
 Среди ужасовъ однихъ ;
 Онъ всупаетъ въ домъ печальный ,
 Отголосокъ въ мракѣ дальный
 Вторитъ крики птицъ ночныхъ.
 Тщешно , онъ кругомъ блуждаетъ —
 Сердцемилу призываетъ :
 Гулъ одинъ — ему отвѣтъ !
 Гулъ несется — милой нѣтъ !
 Онъ въ опчаянны выходитъ ,
 Въ мракѣ дѣбрей дикихъ бродитъ ,
 Все вокругъ него мертво !
 Вдругъ , при молніи блестящей ,
 Видитъ камень онъ лежащій , —
 Стоишь несется изъ него :
 Сердце вѣще упредило —
 Вдругъ забилось , вдругъ запыло ,
 Голосъ замеръ на устахъ ;
 Онъ на камень упадаетъ ,
 И при молніи читаетъ :
Сердцемилы скрытъ заѣсъ прахъ !
Сергей Саларевъ.

О Д А

К Ъ Д Р У Ж Б Ъ .

*Nihil tamen æquè oblectaverit animus, quam
amicitia fidelis.* Книг. I. Сенека о спокойств.

О пы , чьи кроткіе ушавы
Блаженство зиждущь нашихъ дней,
Межь смерпными равняютъ правы,
И брапьями шворящь людей!
Астреина богиня вѣла,
Ты съ челоѡкомъ челоѡка
Чудесной цѣлю связавъ,
Сердца и мысли ихъ сливаешь,
Судьбу съ судьбою сопрягаешь,
И съ нравомъ соглашаешь нравъ.

Коль бѣдства , жизненны шираны,
Дни мрачныя приносящь намъ,
О Дружба ! ты вѣ сердечны раны
Цѣлительный свой льешь бальзамъ ;
И нѣкой силой благотворной
Сраженный горестью упорной

Животворишь, питаешь духъ. —
 Такъ, — въ дни печали и смущенья
 Потребны сердцу утѣшенья,
 А къ утѣшенью — нуженъ другъ!

Поставленный на сцену свѣта,
 Лишенъ сей юноша подпоръ;
 Онъ ищетъ помощи, совѣта:
 Но чей къ нему прострется взоръ? —
 Какъ вихрями проросникъ нагбенной,
 Подавленный толпой надмѣнной
 Зритъ горестъ онъ себя вокругъ;
 Но помощь сирому готова: —
 Находишь друга онъ опцова,
 И сей ему быть хочешь другъ.

Какъ бурну, грозную стихію
 Разумный кормчій одолѣлъ,
 Илч, какъ юнаго Товію
 Небесный древле Спутникъ велъ,
 Иль, какъ наслѣднику Исаки,
 Безсмертія оставя знаки,
 Сопутствоваль Минервинъ Духъ:
 Такъ юношѣ, хранишель — Геній,
 Средь трудныхъ жизни приключеній,
 Есть сей опцовъ почтенный другъ.

На сязь надблса священну,
 Спокойнй мы встрбчаемъ смерть. —
 Къ семейству, помощи лишенну,
 Готсва дружба ту простерть:
 Тупь сердце истиннаго друга
 Ошца, и брата, и супруга,
 Сколь можно, въ ббдствѣ замбнитъ. —
 Такъ мирно жизнь свою кончаешъ,
 Когда друзьяиъ препоручаешъ
 И дщерь и маперь — Евдаидъ.

Судьба внезапно поражаетъ; —
 Нещастливъ, въ плбнѣ я заключенъ;
 Но другъ на помощь поспбшаетъ,
 Приспблъ — и жребии мой смягченъ. —
 Предъ тронъ шириана Сиракузы,
 Чтобъ дружнiя разноргнуть узы,
 Безспрашно предстаешъ Дамонъ.
 Спроилливый царь изрекъ пощаду;
 И межъ друзей, за шо въ награду,
 Бышь третимъ другомъ хочешъ онъ.

Въ рукъ безшрепешной, суровой
 Какой сверкаетъ оспрый мечъ! —
 Се жрецъ стоимъ уже готшовой,
 Чтобъ дни нещастнаго пресбчь. —

Кто будетъ жертвой? — другъ Пилада; —
 — Орестъ, вѣбнiю Фолда
 Покорствую, на смерть слѣшитъ;
 Послѣднiй дружбѣ вздохъ приноситъ —
 И жрецъ орудiе возноситъ,
 Да мечь боговъ надъ нимъ свершитъ!

Вознесъ — но мечь остановился;
 Внезапнымъ чудомъ покоренъ;
 Другой Орестъ на казнь явился;
 Да будетъ другъ имъ замѣненъ!
 О диво связи безпримѣрной! —
 Алтарь злой смерти посвященной,
 Преобразился Дружбы въ храмъ.
 Другамъ даръ жизни возвращающъ,
 И вмѣсто казни — воскуряющъ
 Драгому чувству еимiамъ.

Герой, — котораго великимъ
 Зовутъ, и превозноситъ свѣтъ, —
 Когда къ странамъ и къ людямъ дикимъ
 Несилъ ты громъ своихъ побѣдъ,
 Различны покорялъ народы,
 И гордая Евфраатски воды
 Себѣ подъ власть порабощалъ: —
 Отъ блеска ты побѣдъ и прона
 Сходилъ въ чертогъ Ереспиона,
 Гдѣ другъ лишь друга посѣщалъ.

Такъ смертныхъ ты соединяешь,
 Священна Дружба, межъ собой;
 Монарха съ подданнымъ равняешь
 И споришь, кажется, съ судьбой;
 Дары твои изящны, прочны;
 Не могутъ лишь сердца порочны
 Всю цѣну знать твоихъ отпадъ.
 Злодѣю ненавиждѣть сродно, —
 А шопъ — въ комъ чувство благородно,
 Среди твоихъ пребудетъ чадъ.

Графъ Григорій Салтыковъ.

С В Я Т О С Л А В Ъ.

Ударилъ вѣтрѣ, — и гонитѣ тучи ; —
Ревешъ уныло дѣсь дремучій ;
Повсюду скрипѣ и прескъ глухой !
Свирѣца Ноцѣ подѣ небесами,
Шумя ужасными крылами,
Угрюмый кажетѣ образѣ свой !
Браздами молніи сверкали,
И громаы грозны на горахѣ
Ударѣ ударомѣ прерывали : —
Вскипѣлъ дѣпрѣ вѣ каменныхѣ берегахѣ ;
Раздался спонѣ валовѣ шумящихѣ,
И блѣдна тѣнь на вышинѣ,
Средѣ Ужасовѣ ей предстоящихѣ,
Явилась вѣ грозной тишинѣ !
Ея взорѣ дикой и смущенной
Негодованья полнѣ, горитѣ ! —
Вѣ брони спальной, окрававленной ; —
Вѣ рукахѣ — шуманный мечѣ и щипѣ ! — —
Я познаю вѣ ней Святослава
Ахѣ ! потѣ ли сей Перуна сынѣ,
Копорога гремѣла слава
Во всѣхѣ странахѣ ? — чей взорѣ одинѣ
Враги побѣгомѣ упреждали ? —

Онъ мракомъ скорби осѣненъ !
 И мощь, предъ коимъ царства пади,
 Въ одежду гроба облеченъ ; —
 Въ жидицахъ ноци онъ вишаетъ !
 Но, се ! мелькнулъ сквозь щучи свѣтъ,
 И буря шумная смолкаетъ,
 И тѣни грозной бодъ нѣтъ !

О свѣтъ ! обитель переменъ,
 Обитель счастья и зодъ !
 Что смертный, славой вознесенный ? —
 Сего дня твердъ его престолъ,
 Но день протекъ — триумфы пади,
 И лавры гордые увяли :
 На мѣсто прона — гробъ стоиць ! —
 Гдѣ Александры ? гдѣ Помпеи ?
 Всѣ гордыхъ замысловъ зашби
 Скрываетъ мрачной смерти видъ ! —
 Гдѣ ты, о Вождь непобѣдимый,
 О Святославъ ! — Россіи сынъ ? —
 Давнодъ побѣдой предводимый,
 Великій Норда исполниъ,
 Народовъ правилъ ты судьбою !
 Еще я, мнитсѣя, зрю его,
 Гоговаго къ свирѣпу бою
 Предъ взоромъ воинства всего.
 Стоишь — главою возвышенный,
 Алкающъ битвы и побѣдъ ;
 Предъ нимъ Духъ брани воспаленный,
 Герою къ славъ кажетъ слѣдъ !

Куда ни броситъ взоръ свирѣпый,
 Тамъ жизнь блѣднѣетъ, — смерть разитъ.
 Разпорглись вражески заклесы,
 И гордый врагъ уже дрожитъ!
 Гдѣ рати силой ополченны,
 Препонъ ужаснѣйшихъ соборъ? —
 Единой дланью разточены! —
 Враговъ сразидъ единый взоръ!

Свершилась бипва знамениша,
 И кропкѣй миръ за ней лепитъ;
 Но Мещъ, подѣ видомъ дружбы скрыша,
 Герою смертію грозитъ:
 Злыхъ Печенѣговъ повелитель,
 Постыдной зависсти служитель,
 Надмѣнный Куресъ, врагъ боговъ,
 Съ оливой дружбы шлепъ пословъ;
 Зоветъ Вождя на пированье,
 Чшобъ миръ свяшой поржеспвовашь,
 Раздорамъ, распрямъ окончанье,
 Покой народамъ даровать!
 Герой Россійскій съ увѣреньемъ,
 Съ дружиной малою лепитъ;
 Обманушь лессти предложеньемъ —
 Онъ кова скрышаго не зритъ. — — —
 Остановися Вождь, нещаспной!
 Воззри на небо: шамъ межъ лучъ
 Бѣется вранъ — предвѣспникъ кратной,
 Блеспитъ кровавый брани лучъ!
 Ка крыльяхъ славы усшремляясь,

Уже ты страшныхъ мѣстъ достигъ,
 Гдѣ врагъ въ засадахъ сокрываясь,
 Какъ молнья, вдругъ тебя постигъ!
 Ты длани дружбы простираешь.
 Но въ длани злобнаго врага
 Ты мечъ убійственный встрѣчаешь! . . .
 Отъ взоровъ удалилась тыма —
 Но поздно зришь ты ковъ ужасный —
 Ты окруженъ враговъ толпой!
 Всѣ силы храбрости напрасны!
 „Умремъ! умремъ! — гласитъ Герой!
 „Умремъ!“ — и ярый гнѣвъ пылаетъ,
 Кипитъ отваги огонь въ сердцахъ!
 Герой мечъ страшный потрясаетъ —
 Брань скрылась въ пыльныхъ облакахъ!
 Какъ вихрь несется воспаденной, —
 Вокругъ поля и веси жжетъ;
 Какъ море, бурей разъярено,
 Корабль съ жестокостью влечетъ,
 И въ бездну съ силой поглощаетъ: —
 Такъ здѣсь отчаянной Герой
 Препоны въ прахъ преобразуетъ,
 Льетъ всюду страхъ и смерть рѣкой!
 Уже кровь черная струится,
 Уже багнетъ неба сводъ;
 И гулъ по берегамъ вторится
 При ропотѣ шумящихъ водъ!
 Еще мечи во тѣмѣ взвились — — —
 И топъ, предъ коимъ на поляхъ

Поки смертей вездѣ неслися —
Упалъ! упалъ проливныхъ страхъ! . . .

Такъ дубъ, вѣнчаннй облаками,
Надмѣнно бури презиралъ;
Питаясь многими вѣтками,
Главу до неба возвышалъ
Но вдругъ, грозою пораженный
Со крутизны спремглавъ лепитъ,
И съ страшнымъ прескомъ раздробленный,
Онъ гуломъ пущника спрашитъ!
Онъ палъ! победы лучъ затмился!
Все смолкло въ дикихъ берегахъ! —
Кто выше смертныхъ возносился,
Лежитъ поверженный во прахъ! —
Лишь Слава по брегамъ блуждая,
Склонясь, уныло слезы льетъ;
Героя лирой пробуждая,
Во храмъ безсмертія ведетъ!

Во мракъ ночи возмущенной,
Когда сѣдой клокочетъ Днѣпръ,
И стонетъ во берегахъ, смященной,
И дико воетъ буйный вѣпръ — —
Героя тѣнь во тѣмъ блуждаетъ,
Окрававленна по холмамъ;
Изъ мрака гласъ свой возвыщаетъ —
И гласъ несется по брегамъ:
„Вы, честолюбемъ воскриленны,
„Для коихъ щипъ, и лукъ, и мечъ

„Являюпѣ блага совершенны!
 „Вѣ грозныя на полѣ сѣчь —
 „Спрашитель смерпи невидимой!
 „Она близка! — и ловилѣ васѣ!
 „Безвѣстенѣ рокѣ непримиримый —
 „Безвѣстенѣ гибели намѣ часѣ!“
 Умолкла тѣнь — и спонѣ раздался,
 Несется глухо вѣ высотѣ;
 И вдругѣ свѣшѣ блѣдный показался,
 Луна явилась вѣ красотѣ —
 И тѣнь унылая блѣднѣетѣ,
 И се, какѣ легкій, бѣлый дымѣ,
 На холмѣ упренемѣ рѣдѣетѣ —
 И вдругѣ слилась сѣ лучемѣ златымѣ.

Быть можетѣ, камень сей унылой,
 Заросшій мохомѣ при берегахѣ,
 Безвѣспной, тихой былѣ могилой,
 Вмѣщающей Героя прахѣ!
 И селянинѣ уединенной
 Взойдетѣ на мшистый камень сей,
 При брегѣ вѣ землю углубленной,
 Сѣ вечерней сѣтовать зарей!
 Взойдетѣ на камень сей, не зная,
 Чей хладный прахѣ подѣ нимѣ сокрытѣ! —
 Но время царства сокрушая,
 Героевѣ славы не сразитѣ! . . .

Сергей Саларевъ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ

Къ Римлянѣмъ. Кн. III. Од. 6.

Забыты жертвоприношенья
И храмы праведныхъ боговъ,
И ихъ священны изваянья
Въ презрѣнїи, въ пыли, въ дыму: —
О Римляне, владыки міра!
Ощцовъ послѣдуя примѣру (*)
За нихъ вы понесете казнь!

Къ богамъ покорность — ваша сила;
Они податели всѣхъ благъ:
Къ богамъ презрѣнїе — ваша гибель.
Примѣръ — Гесперїя; надъ ней
Гремятъ карающи перуны!

О стыдъ, о Римлянъ посрамленье!
Вожди Парѣянъ Монеъ, Пакоръ, (**)
Разсыпавъ наши легїоны

-
- (*) Гораций укоряетъ ихъ въ неуваженїи къ богамъ.
(**) Сыновья Парѣянскаго Царя Ородъ. Нѣкоторые думаютъ, что одинъ Пакоръ былъ царской сынъ, а Монеъ только полководецъ.

Не бодренные жрецомъ,
Украсились профеемъ новымъ. (*)

На Римъ, раздоромъ обуявй,
Зіаетъ гибель, близокъ врагъ:
Тамъ Скиеъ съ крылатыми спрѣлами,
А здѣсь со флотомъ (**) Египтъ,
И силою и взоромъ страшный!

Се нашъ позоръ, се плодъ разврата!
Порокъ возлегъ на брачно ложе, —
И язва нравовъ разлилась
Всеувлекающей рѣкой
Въ семѣйства, въ дома, въ грады, въ селы!

Не скромной Іонійской (***) пляской
Младья дѣвы веселятся;
Едва раскрылся дѣтства цвѣтъ,
Уже сей язвой зараженны
Постыдной спраснію горятъ!

(*) Пораженіе Красса и потомъ Лабіена унизило гордыхъ Римлянъ, до того времени непобѣдимыхъ.

(**) Сорокъ кораблей, снаряженныхъ Клеопатрою пропавъ Ю. Цесаря.

(***) Іоняне болѣе прочихъ народовъ предацы тогда были роскоши и сладострастію.

Не сихъ, не сихъ отцовъ сыны
 Багрили море кровью Пуновъ; (*)
 И Пирръ и мощный Антиохъ (**)
 И Ганнибалъ непобдимый —
 Не сими пораженны пали! —

То были — опрасль храбрыхъ боевъ,
 Простой природы сильныхъ чадъ,
 Искусные Сабельскимъ плугомъ
 На полъ проводить бразды,
 И — строгой Матери покорны, —

Поспѣшно вѣтви къ ней посяци,
 Какъ длинна тѣнь ложилась съ горъ,
 И отъ ярма освобожденны
 Шли медленнымъ и мѣрнымъ шагомъ
 Подъ кровь усталые волю:

Гдѣ доблести, гдѣ слава Римлянъ?
 Злашаго вѣка тѣнь одна!
 Отцы не жили шакъ, какъ дѣды,
 А мы развратнѣе отцовъ;
 Увы! чпожъ будетъ наше племя!!

(*) Жители сѣверной Африки, отъ коихъ названіе войнъ Пуническихъ.

(**) Пирръ, Царь Епирскій, побѣжденъ Куріемъ и Фабриціемъ; Антиохъ Сирійскій л. Сципіономъ.

И. Г. — Левковичъ

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Acme
Bookbinding Co., Inc.
100 Cambridge St.
Charlestown, MA 02129